

Вопросы ЭКОНОМИКИ™

www.vopreco.ru

В НОМЕРЕ :

**Мир в 2020 году:
системные изменения в экономике**

**Хроническая бедность:
что влияет на ее масштабы и остроту?**

**Коэффициент замещения как инструмент
анализа пенсионной системы**

**Институты, индивиды и отношения
в процессе модернизации**

12

2 0 2 0

ВСЕРОССИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Вопросы ЭКОНОМИКИ^{TM}

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С 1929 г.

декабрь 12 2020

Редакционная коллегия

О. И. Ананьин, Р. С. Гринберг, Н. И. Иванова, А. Я. Котковский (исполняющий обязанности главного редактора), **Я. И. Кузьминов, В. А. Мау, А. Д. Некипелов, Р. М. Нуреев, Г. Х. Попов, С. Н. Попов** (ответственный секретарь), **Вад. В. Радаев, А. Я. Рубинштейн, Д. Е. Сорокин, Е. Г. Ясин**

Х. Канамори (Япония), **Гж. Колодко** (Польша), **Л. Конг** (Китай), **Л. Чаба** (Венгрия), **М. Эллман** (Нидерланды), **М. Эмерсон** (Великобритания)

МОСКВА

Voprosy Ekonomiki

[Issues of Economics]

Since 1929

December

12

2020

EDITORIAL BOARD

Oleg Ananyin

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Ruslan Grinberg

Institute of Economics, Russian Academy
of Sciences, Russian Federation

Natalya Ivanova

Primakov Institute of World Economy and
International Relations, Russian Academy
of Sciences, Russian Federation

Andrey Kotkovsky (Executive Editor)

NP “Voprosy Ekonomiki”,
Russian Federation

Yaroslav Kouzminov

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Vladimir Mau

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Russian Federation

Alexander Nekipelov

Moscow School of Economics,
Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation

Rustem Nureev

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Gavriil Popov

International University in Moscow,
Russian Federation

Sergey Popov (Executive Secretary)

NP “Voprosy Ekonomiki”,
Russian Federation

Vadim Radaev

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Alexander Rubinstein

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

Dmitry Sorokin

Financial University under
the Government of the RF,
Russian Federation

Evgeny Yasin

National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation

Hisao Kanamori (Japan), **Grzegorz Kolodko** (Poland), **Li Cong** (China), **László Csaba** (Hungary),
Michael Ellman (Netherlands), **Michael Emerson** (Great Britain)

AIMS AND SCOPE

Voprosy Ekonomiki is a leading Russian economic journal. It publishes the top theoretical and empirical research on macroeconomic policies and institutional reforms in Russia. The journal also welcomes more general submissions dealing with the political economy of institutional change as well as economic sociology, economic history, regional economic studies, analysis of particular markets and industries, international economics, and history of economic thought. *Voprosy Ekonomiki* serves as an important forum for the Russian economic community. All articles are subject to a rigorous peer-review process.

ISSN 0042-8736. Frequency: published monthly—12 Issues per year.

Publisher: NP “Redaktsiya zhurnala ‘Voprosy Ekonomiki’”.

Homepage: www.vopreco.ru. Email: mail@vopreco.ru

© 2020 NP “Voprosy Ekonomiki”. All rights reserved.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- М. В. Ершов** — Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике..... 5

ЭКОНОМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

- Т. М. Малева, Е. Е. Гришина, А. Я. Бурдяк** — Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту?..... 24
- Д. М. Логинов** — Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов..... 41
- П. Н. Павлов** — Влияние регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России..... 62
- Ю. М. Горлин, В. Ю. Ляшок, А. А. Салмина** — Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы..... 80
- Л. И. Смирных** — Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран..... 104

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

- Д. В. Трубицын** — Институты, индивиды и отношения в процессе модернизации..... 125

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

- Н. М. Плискевич** — Социальное государство в современной России (О книге «*Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты*» под общ. ред. Н. И. Латина)..... 141

-
- Содержание журнала «Вопросы экономики» за 2020 год..... 153
- Мобильное приложение «Вопросы экономики»..... 159
- Льготная подписка на журнал «Вопросы экономики»..... 160

CONTENTS

WORLD ECONOMY

- M. V. Ershov** — The world in 2020: New challenges expose systemic changes in the economy 5

ECONOMICS OF SOCIAL SPHERE

- T. M. Maleva, E. E. Grishina, A. Y. Burdyak** — Chronic poverty: What affects its level and severity? 24
- D. M. Loginov** — How the Russian population went through the crisis of the second half of the 2010s 41
- P. N. Pavlov** — Impact of regulatory framework rigidity on poverty in the regions of Russia 62
- Y. M. Gorlin, V. Y. Lyashok, A. A. Salmina** — Replacement rate as an instrument of analysis and forecasting of pension system 80
- L. I. Smirnykh** — Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: Experience of European countries 104

DEBATING SOCIETY

- D. V. Trubitsyn** — Institutions, individuals, and social relations in the modernization process 125

REFLECTIONS ON THE BOOK

- N. M. Pliskevich** — The social state in modern Russia (*On the book "The formation of the welfare state and prospects of the social state in Russia. Realities and projects" edited by N. I. Lapin*) 141

-
- List of articles published in *Voprosy Ekonomiki* in 2020..... 153

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Мир в 2020 году: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике

М. В. Ершов^{1,2}

¹ *Институт энергетики и финансов (Москва, Россия),*

² *Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия)*

Замедление экономического роста в мире отмечалось еще в 2019 г., а в начале 2020 г. оно усилилось вследствие пандемии коронавируса. Масштабный спад экономической активности из-за закрытия многих ведущих экономик отразился на всех странах, нарушив привычный образ жизни и механизмы бизнеса. Регуляторы и правительства были вынуждены в экстренном порядке применить широкий набор мер поддержки. При этом первопричины текущего кризиса лежат вне экономической или финансовой сферы, что делает его непохожим на предыдущие. Неопределенность дополняется тем, что принципиально изменяются традиционные отношения в экономике и в обществе. Нарушаются сложившиеся глобальные цепочки поставок, начинает меняться характер трудовых отношений, все больше практикуется режим удаленного доступа. Экономик утрачивают способность функционировать как самодостаточные системы и требуют новых мер поддержки. По состоянию на конец 2020 г. вероятность второй волны пандемии достаточно высока, при этом ее длительность и масштабы пока неясны, и перспективы дальнейшего развития мировой экономики становятся все менее определенными, а масштабы и механизмы стабилизации ситуации — все более разноплановыми и нестандартными.

Ключевые слова: кризис, пандемия, меры поддержки, денежно-кредитная политика, центральный банк, гособлигации, экономический рост.

JEL: E52, E58, G15.

Кризис и пандемия: никогда раньше

Мир в начале 2020 г. оказался в чрезвычайной ситуации. По оценкам МВФ, неопределенность в настоящее время аналогична ее

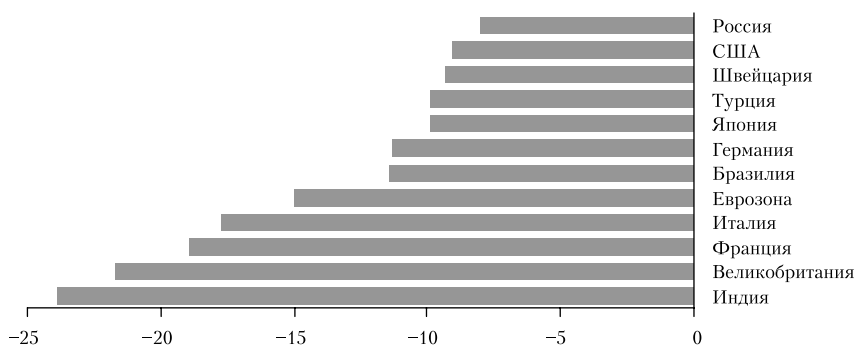

Ершов Михаил Владимирович (lupandina@fief.ru), д. э. н., главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов, проф. Финансового университета при Правительстве РФ. www.ershovm.ru

уровню в военное время или в период политического кризиса, делая неясными глубину шока и его длительность (IMF, 2020a). По оценкам ведущих аналитических центров, пандемия создала шок огромной неопределенности, превышающий ее уровень в период глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. и аналогичный по масштабам Великой депрессии 1929–1933 гг. (Baker et al., 2020). Согласно Г. Киссинджеру, нынешний экономический кризис, вызванный пандемией, по скорости и глобальным масштабам не имеет равных в истории (Kissinger, 2020).

Пандемия, по сути, показала, что речь идет не просто об очередном кризисе глобальной экономики. Стало понятно, что изменения носят системный характер, в большой степени меняя сложившийся характер экономических отношений. Регуляторы вынуждены принимать беспрецедентные меры для стабилизации экономик и финансовых рынков, причем масштаб и разнообразие этих мер постоянно растут. Сокращение экономик во II кв. 2020 г. было наибольшим по сравнению со средним падением за последние 20 лет (рис. 1).

Сокращение ВВП в II кв. 2020 г. в ряде стран (г/г, в %)

Источник: МВФ.

Рис. 1

Во многом мировое развитие в долгосрочном периоде будет определяться глубиной падения экономики, нанесенным ущербом здоровью и жизни людей вследствие нынешней пандемии. По итогам 2020 г. прогнозируются отрицательные темпы роста ВВП. По оценкам, спад глобального ВВП составит 4,4%. Лидером роста остается Китай, где ВВП вырастет на 1,9% (IMF, 2020b).

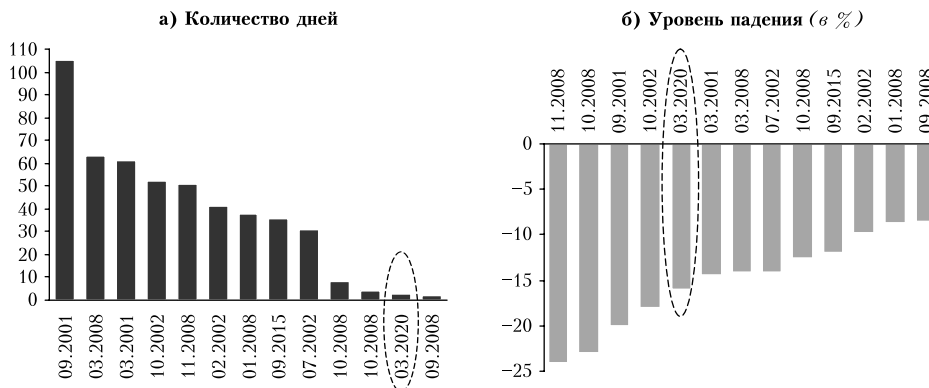
Пострадали многие сегменты бизнеса. В крупном бизнесе серьезно снизились доходы компаний сырьевого комплекса (особенно ТЭК), авиакомпаний. Сегмент МСП во всем мире наиболее сильно пострадал от кризиса. Ряд факторов еще больше осложняют решение проблем текущего кризиса:

- сохранение глобальных дисбалансов;
- высокий уровень задолженности всех секторов экономики в ведущих странах;
- в целом недостаточная экономическая активность в мире еще в докризисный период;

— низкий уровень процентных ставок, что ограничивает возможности монетарных регуляторов.

На глобальных финансовых рынках в феврале—марте 2020 г. зафиксировано самое быстрое и масштабное падение за всю историю. В марте только за три (!) дня глобальный фондовый индекс MSCI AC World поставил один из рекордов своего снижения (16%) (рис. 2).

Индекс MSCI AC World: продолжительность и масштабы падения за период 2000 — октябрь 2020 г.

Источник: построено по данным Bloomberg, Reuters, Goldman Sachs.

Рис. 2

Резко возросла волатильность котировок ценных бумаг. В I кв. 2020 г. фондовый рынок потерял почти 20 трлн долл.¹ Индекс Доу—Джонса в марте 2020 г. пересек отметку 20 тыс. пунктов и достиг минимума с февраля 2017 г., а индекс S&P500 снизился до минимума с октября 1987 г. Угроза финансового кризиса становилась все более очевидной. Все это вынудило регуляторов принимать быстрые и масштабные меры поддержки.

И хотя формальным поводом для провала стал коронавирус, для многих было очевидно, что перегрев рынка продолжался многие годы, и рано или поздно этот «пузырь» должен был лопнуть. При этом Дж. Йеллен в бытность главой ФРС говорила, что надеется, что в нашей жизни мы не увидим финансового кризиса. «Умение» просчитывать ситуацию отмечалось у руководства ФРС и раньше. А. Гринспен, многолетний глава ФРС, при котором начался последний глобальный кризис 2007—2009 гг., выступая в Конгрессе США, отметил, что они (регуляторы) многое не учли и недооценили риски рынка. В свое оправдание он сказал, что лучшими эконометриками и математиками были созданы мощнейшие модели, которые не пред-

¹ Из-за масштабного падения индексов торги в течение недели неоднократно останавливались. Как правило, когда падение индексов на американских биржах достигает пороговых уровней 7 и 13%, торги останавливают на 15 минут, а если падение достигает 20%, то их останавливают на весь день.

сказали кризис. Добавим от себя: кому нужны модели, которые не выполняют свои функции?

Объемы margin calls (требования о пополнении маржи) достигли, по оценкам, 14 трлн долл. В начале года ФРС объявила о предоставлении дополнительной ликвидности в объеме 1,5 трлн долл. по операциям РЕПО. Это соответствует 10% всей денежной массы (M2) доллара США. ФРС снизила ставку до 0–0,25% и также объявила о покупке бумаг на 750 млрд долл.

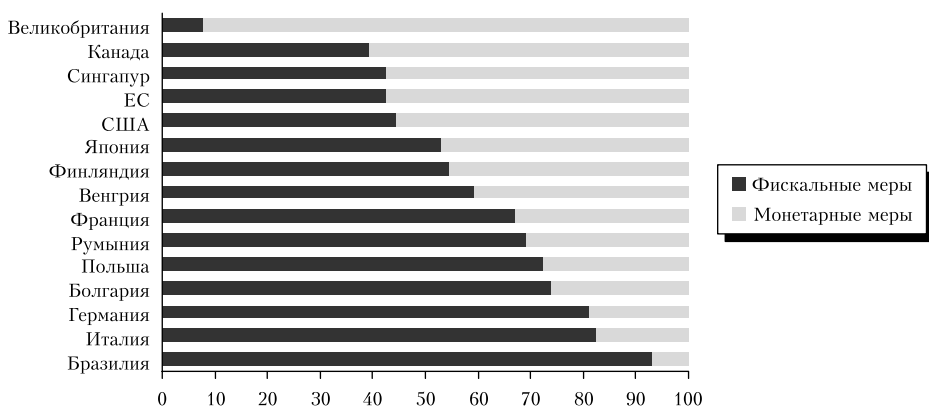
США и Япония ввели фактически безлимитное количественное смягчение, то есть будет предоставлено столько ликвидности, сколько требуется. Были снижены основные ставки центральных банков, объявлены масштабные программы покупки активов.

Справочно. Примеры, по сути, безлимитных мер поддержки отмечались и раньше. Масштаб рефинансирования в США при открытии рынков после 11 сентября 2001 г., когда рухнули башни-близнецы, только за один день возрос более чем в 200 раз по сравнению с обычными днями до этих событий. В комплексе с другими мерами поддержки (резкое снижение ставок, дополнительные механизмы повышения ликвидности и др.) это позволило восстановить стабильность на рынке.

Примечательно, что меры поддержки рынков, которые принимают в настоящее время ведущие страны, не ограничиваются только мерами денежно-кредитной политики, но включают и более широкие механизмы — налоговые, регуляторные, прямую поддержку отдельных отраслей, выплаты населению и пр. При этом меры принимаются очень оперативно. Во многих странах *объемы бюджетной поддержки, направляемые в экономику, более масштабны, чем средства, поступающие от финансовых регуляторов через денежно-кредитные инструменты* (рис. 3).

Отметим, что инструменты денежно-кредитной политики, по сути, исчерпали свои возможности во многих ведущих странах. Именно поэтому глава ФРС США Дж. Пауэлл в феврале 2020 г. заявил,

Соотношение заявленных фискальных и монетарных мер поддержки (в %)

Источник: рассчитано автором по данным МВФ, Fitch, ВоА.

Рис. 3

что ФРС не имеет инструментов для борьбы с рецессией, и призвал Конгресс быть готовым помочь (Powell, 2020). Об этом говорил и бывший глава ЕЦБ М. Драги, по мнению которого меры денежно-кредитной политики для стимулирования экономики еврозоны себя уже исчерпали и должны дополняться другими рычагами, которые позволят решить проблему (в том числе бюджетными, налоговыми механизмами и др.) (Draghi, 2019). Бюджетные механизмы поддержки населения и бизнеса реализуются путем применения широкого набора инструментов. Состав этих инструментов и объемы поддержки различаются по странам (см. таблицу).

Т а б л и ц а

Механизмы бюджетной поддержки в ряде стран

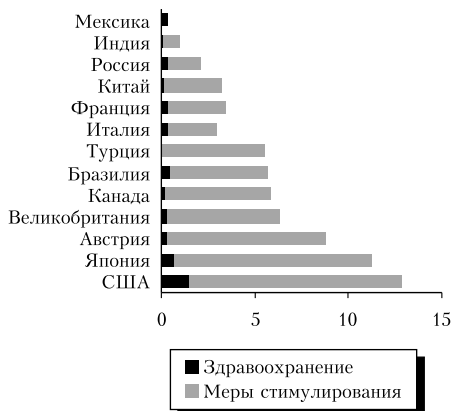
	Развитые экономики							Страны с развивающимся рынком						
	США	Япония	Германия	Франция	Италия	Испания	Великобритания	Бразилия	Китай	Индия	Ю. Корея	Мексика	Россия	ЮАР
Меры поддержки здравоохранения	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
<i>Меры поддержки домашних хозяйств</i>														
Целевое финансирование	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*		*	*
Другие меры поддержки доходов	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*		*	*
Субсидии по заработной плате	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*		*	*
Снижение налогов	*	*	*	*		*			*	*	*		*	*
Налоговые отсрочки	*	*	*		*	*	*			*	*	*		*
<i>Меры поддержки фирм</i>														
Налоговые отсрочки	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Поддержание ликвидности	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*	*
Снижение налогов	*	*	*		*	*	*	*	*	*	*		*	
Целевое финансирование		*	*	*	*		*		*				*	*

Источник: Банк международных расчетов.

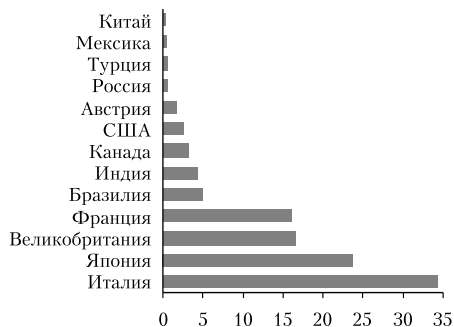
В ходе текущего кризиса правительства и центральные банки многих стран еще больше усилили свое взаимодействие. Кроме чисто фискальных мер поддержки экономики (снижения налогов, введения налоговых каникул и пр.), через бюджет также финансируются меры центральных банков. В свою очередь, часто именно последние помогают бюджету финансировать свои расходы.

Во многих странах меры поддержки, осуществляемые ЦБ, частично или полностью финансируются с помощью государственных расходов. (Например, в Великобритании покупки Банком Англии частных коммерческих бумаг через механизм Covid Corporate Financing Facility финансируются из государственного бюджета.) Кроме того, государства стали активнее выдавать гарантии заемщикам (рис. 4).

а) Объем фискальной поддержки
(в % ВВП)

б) Внебюджетная поддержка:
чрезвычайные меры* (в % ВВП)

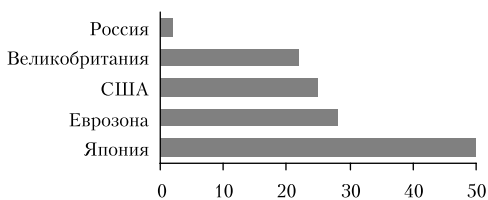
* Включает госгарантии по кредитам, а также гарантии по обязательствам, направляемым через государственные финансовые агентства.

Источник: BIS, 2020.

Рис. 4

Очевидно, восстановление мировой экономики после пандемии требует увеличения госрасходов, что приведет к росту бюджетного дефицита. Поскольку расходы носят в основном долгосрочный характер, финансирование становится все более «длинным». Поэтому все большую роль начинают играть «длинные» государственные бумаги, которые эмитируются национальными минфинами. В условиях низкого уровня процентных ставок финансирование дефицита бюджета становится максимально дешевым. При этом важным покупателем госбумаг выступают центральные банки. В ведущих странах значительная часть государственных облигаций находится на балансе их ЦБ (рис. 5). Отметим, что госбумаги служат ключевым инструментом формирования ликвидности в экономике и важным источником обеспечения «длинных» денег.

Доля национальных центральных банков
в национальных гособлигациях (в %)

Источники: BIS, 2020; центральные банки соответствующих стран.

Рис. 5

Так, в Японии половина всех выпущенных государственных бумаг находится на балансе Банка Японии (около 470 трлн иен из общего объема более 900 трлн иен). Из общего объема казначейских облигаций США 20 трлн долл. более 4 трлн находятся на балансе ФРС. В еврозоне и Великобритании объем национальных гособлигаций на балансах их центральных банков составляет не менее 20–30% общего объема соответствующих облигаций.

Это значит, что большую часть рынка гособлигаций поддерживают центральные банки. Эмиссия валют осуществляется на основе покупки гособлигаций: доллары и иены на 80–90% созданы именно так. В России объем гособлигаций на балансе ЦБ РФ гораздо меньше.

При таком подходе, когда центральные банки покупают национальные гособлигации, они одновременно осуществляют эмиссию национальной валюты, повышая тем самым уровень ликвидности в экономике. Это имеет ряд позитивных последствий, в частности, нет стимулов к оттоку денег из частного сектора, экономика пополняется ликвидностью, причем целевой. Но самое главное — системное участие монетарных властей в формировании национальной финансовой системы. Фактически применяется финансирование на основе критериев денежно-промышленной политики. Нередко практикуется прямое финансирование со стороны центрального банка дефицита госбюджета. Проблема налоговой оптимизации, с которой нередко сталкивается российский бюджет, перед ведущими экономикомиссиями, как правило, не возникает. Напомним, что в РФ бюджетная оптимизация часто предполагает, что доходы каких-то получателей расширяются за счет сокращения доходов других, что в итоге облегчает развитие первых и затрудняет у вторых. В такой ситуации Банк России по-прежнему воздерживается от более активного использования технологии формирования «длинных» ресурсов со своим участием. Хотя осенью он и расширил лимиты, которые будут давать коммерческим банкам возможность шире использовать ОФЗ при рефинансировании в ЦБ, но заявил, что покупать госбумаги не будет (Набиуллина, 2020). Похоже, лимиты были расширены, чтобы облегчить Минфину текущее размещение ОФЗ и не допустить перебоев с ликвидностью. Но почему не был сделан следующий, очень важный шаг, предполагающий участие ЦБ в покупке ценных бумаг, — неясно.

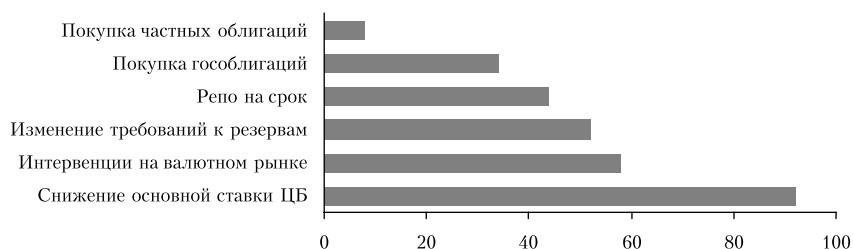
Отметим, что в ряде стран используются механизмы эмиссии «сверхдлинных» денег. Так, в июне 2020 г. Австрия объявила о выпуске 100-летних облигаций с доходностью ниже 1%. Покупателями могут быть пенсионные фонды и страховые компании, которые в условиях отрицательных ставок рассматривают подобные бумаги как хороший вариант для размещения своих активов. Если покупателем бумаг будет национальный центральный банк, то он начнет осуществлять, по сути, 100-летнюю эмиссию. Примеры выпуска «сверхдлинных» облигаций есть в Бельгии, Ирландии и ряде других стран.

Центральные банки стали все больше внимания уделять реальному сектору. Европейский регулятор увеличил покупки корпоративных облигаций, в том числе бумаг нефтегазовых компаний, энергетических компаний, производителей транспорта и автомобилей. Общий объем программы покупки корпоративных облигаций составляет 1,35 трлн евро. Важно, что подобные механизмы, которые ранее использовали в развитых странах, теперь стали все чаще применять и в странах с развивающимся рынком (рис. 6).

По сути, парадигма регулирования меняется не только функционально, но и идеологически. Мало того, что центральные банки вышли за свои компетенции, они понимают, что от успеха и благополучия реального сектора зависит успех всей экономики и финансовой сферы. Очевидно, что речь идет о системных изменениях в механизмах регулирования.

Принятые меры привели к тому, что экономическая активность летом 2020 г. в результате поддержки и по мере снятия ограничений стала повышаться. Однако уже к началу осени ее темпы несколько замедлились, особенно в развитых странах (рис. 7).

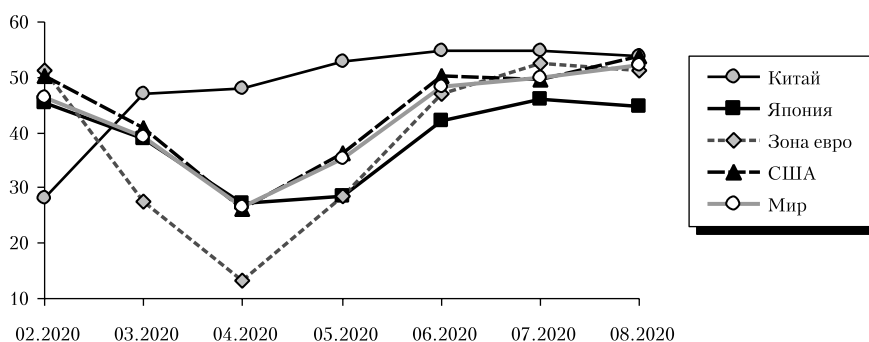
Антикризисные инструменты в странах с развивающимся рынком
(доля стран, использующих указанные меры, в %)

Источник: IMF, 2020b.

Рис. 6

Индекс деловой активности PMI (компонент новые заказы)

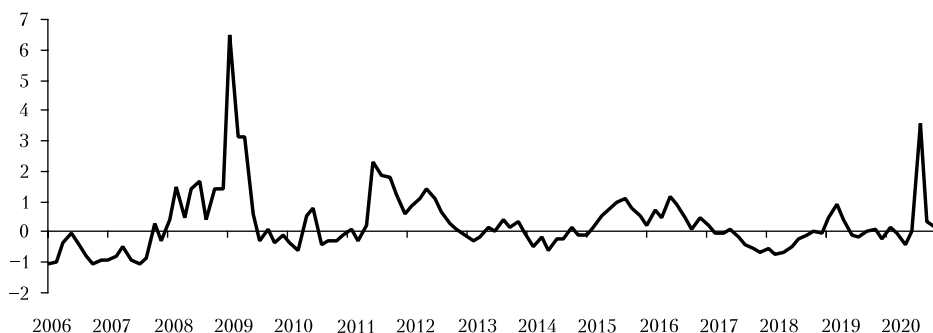
Источник: ОЭСР.

Рис. 7

Условия на глобальных финансовых рынках улучшились вследствие роста цен акций, уменьшения волатильности, а также снижения процентных ставок (рис. 8).

Ликвидность, поступившая в экономику, способствует росту котировок на фондовых рынках. Рост индексов при снижении прибы-

Индекс условий на глобальных финансовых рынках*

* Разница со средним уровнем 1995 г. (ст. откл.).

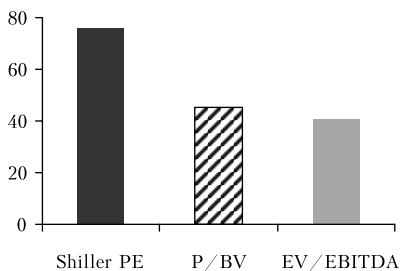
Источник: Bank of England.

Рис. 8

ли компаний повышает риски для стабильности финансовой системы. Рынок перегрет по многим показателям относительно средних исторических значений (рис. 9).

Банки готовятся к возможному повышению объемов просроченной задолженности и росту числа дефолтов. В США во II кв. 2020 г. отмечался максимальный объем дефолтов по облигациям с высокой доходностью с 2009 г. (рис. 10). На компании энергетического сектора и телекома пришлось 70% объема дефолтов. Крупнейшие американские банки, опасаясь роста невозвратов по кредитам, во II кв. 2020 г. направили в свои резервы почти 30 млрд долл., что привело к сокращению их прибыли.

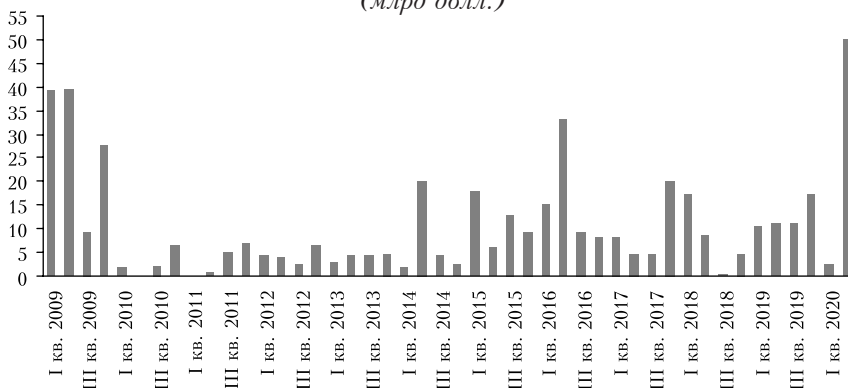
Индекс S&P500, июль 2020 г.
(% превышения средних значений)

Источники: S&P, Bloomberg.

Рис. 9

США: объем дефолтов по высокодоходным облигациям
(млрд долл.)

Источники: Fitch; Forbes.

Рис. 10

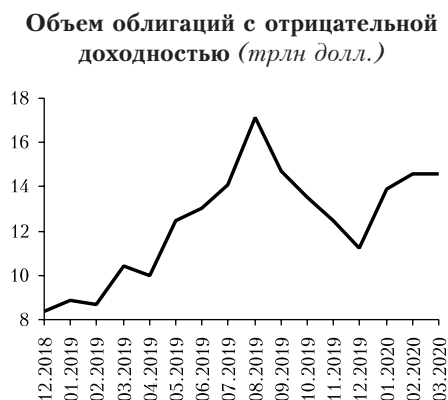
Острота экономической и политической ситуации становится причиной обесценения доллара, курс которого находится на минимальных уровнях за последние два года (рис. 11). При этом цена золота достигла новых максимальных значений, впервые превысив 2000 долл./тр. унц.; рост с начала года достигал 30%, что делает золото самым доходным инструментом в текущем году. При этом объем облигаций с отрицательной доходностью растет и к середине 2020 г. превысил 14,5 трлн долл. (максимальный объем облигаций с отрицательной доходностью 17 трлн долл. был достигнут в середине 2019 г.) (рис. 12).

Стремительное распространение кризисных явлений, вызванных пандемией коронавируса в начале 2020 г., выявило реальный уровень взаимозависимости стран. Если она была вполне логична в условиях интеграционных процессов, то в чрезвычайной ситуации, требующей автономности функционирования и ограничений взаимодействия, она

Источник: Thomson Reuters.

Рис. 11

Источник: S&P.

Рис. 12

показала свою слабость, так как многие страны не способны функционировать, ограничивая контакты с внешним миром и обеспечивая развитие на собственной основе. Пандемия продемонстрировала высокую хрупкость сложившейся глобальной социально-экономической архитектуры.

Многолетние устои претерпели одномоментное и радикальное изменение практически во всех сферах социальной, общественной и экономической жизни. Хотя за несколько месяцев до пандемии 2020 г. такая ситуация выглядела нереальной.

Вследствие применяемого количественного смягчения создан *новый масштабный объем ликвидности в мировой экономике*, которая будет перетекать из региона в регион, тем самым подрывая стабильность на рынках. Особенно это чревато рисками для валютных и финансовых рынков развивающихся стран. Масштабное накачивание финансовой системы ликвидностью и длительный период низких процентных ставок после кризиса 2007–2009 гг. привели к столь радикальным перекосам, что рынки потеряли способность адекватно реагировать даже на изменение традиционных инструментов воздействия. Нередко реакция рынка не соответствует традиционным ожиданиям. В частности:

- на фондовых рынках наблюдался рекордный рост при низких темпах роста экономики, а также при резком росте безработицы;
- при добавлении масштабной ликвидности в экономику ставки остаются низкими или даже отрицательными, а инвестиции не растут, что подрывает будущий рост экономики;
- при масштабном вливании ликвидности в экономику, что должно было бы иметь инфляционный эффект, цены практически не растут;
- увеличение ликвидности на протяжении многих лет не привело к обесценению доллара;
- даже по высокорискованным бумагам доходность периодически становится отрицательной.

В кризисных условиях появляются новые несоответствия. Так, впервые в истории на рынках устанавливались отрицательные цены на нефтяные фьючерсы. Подобные перекосы нарушили нормальное взаимодействие между экономическими процессами и, по сути, при-

обрели в значительной степени системный характер. Это означает, что экономическая система принципиально деформировалась, и отмечающиеся аномалии выступают следствием этой деформации. Очевидно, что в таких нетрадиционных условиях требуются и нетрадиционные подходы, которые раньше даже не рассматривались бы.

Сейчас еще больше усилится искаженность информации, на основании которой инвесторы оценивают уровень рисков. На фондовых рынках продолжится надувание «пузырей», и вопрос лишь в том, как долго это может продолжаться. Очевидно, что COVID-2019 послужил спусковым крючком кризисных тенденций, которые формировались вследствие перегрева финансовых рынков и дисбалансов в глобальной экономике последние 10 лет после глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. Именно масштабные «пузыри» на фондовых рынках, которые росли гораздо быстрее ВВП, привели к существенным и резким обвалам на рынках, которые за полтора месяца (февраль–март) потеряли четверть своей стоимости.

После спада фондовые рынки продолжили рост и устойчиво бьют новые рекорды, что прежде всего стало результатом масштабного вливания ликвидности в последние годы. Возникает вопрос, как не допустить масштабного провала рынка в будущем. В принципе, соответствующие меры были не раз апробированы в прошлом и в общем виде сводятся к двум основным подходам в случае формирования «финансового пузыря». Первый предполагает меры, тормозящие рост цен на активы, — повышение процентных ставок, введение регулирующих мер, ограничивающих перегрев рынка. Второй подход основан на более радикальных решениях: «пузырю» дают возможность лопнуть, а затем используется весь арсенал средств по стабилизации положения — на рынок вбрасывается ликвидность, снижаются процентные ставки и т. д. То же самое происходит и в случае непредсказуемого падения котировок. Фондовые кризисы последних десятилетий, как правило, преодолевались на основе второго подхода.

В настоящее время регуляторы могут попытаться использовать технологию «ступенчатого схлопывания», когда происходит череда локальных и менее глубоких падений, при этом общее движение на фондовых рынках будет нисходящим. Однако объем ликвидности столь значителен, что в целом растущий тренд продолжается.

Еще одна важная системная тенденция последнего времени — изменение основ взаимодействия бизнеса и регуляторов. Следствием текущих масштабных мер поддержки правительств и регуляторов будет также *повышение уровня государственного вмешательства в экономику*. Причем этого нельзя исключать даже в ведущих развитых странах с преобладанием рыночных подходов, где во главу угла ставятся принципы свободного рынка. Представляется, что при нынешнем кризисе такие меры будут более востребованными и длительными, чем в период последнего глобального кризиса 2007–2009 гг., после которого этот процесс был быстро свернут. Государства будут не только играть важную роль в текущей поддержке экономики, но и при помощи масштабных инвестиционных проектов стимулировать спрос для увеличения экономической активности в более долгосрочном периоде.

В результате вероятен рост доли государства в экономике, в том числе путем последующей национализации частных компаний (если у них не будет возможности погасить накопившиеся долги). Как следствие, мировая экономика становится *все менее рыночной и все менее частной*. По-видимому, эта тенденция сохранится и в будущем.

Новым вызовом современности выступают технологии, которые привели к созданию цифровых валют. Центральные банки большинства ведущих стран уделяют большое внимание изучению возможностей цифровых валют, так как широкое применение криптовалют частного сектора может привести к ограничению роли ЦБ при проведении денежно-кредитной политики и в конечном счете — к существенному реформатированию финансового сектора. О таких возможностях на официальном уровне впервые заговорили в сентябре 2019 г. Тогда глава Банка Англии М. Карни отметил, что использование ведущих синтетических валют (либра и др.) снизит роль доллара и связанные с ним риски в мировой финансовой системе. В результате это может расширить возможности международной торговли и в целом даже ослабить влияние США на мировой финансовый цикл (Carney, 2019). Очевидно естественное желание архитекторов таких подходов оставить в прошлом все накопившиеся риски традиционных валют (доллара, фунта стерлингов и др.) и начать работу с чистого листа. При этом, если новые инструменты будут полностью контролироваться самими ЦБ, процесс может стать более управляемым.

Криптовалюты могут выступить новым стабилизатором мировой финансовой системы, оттянув на себя излишние ресурсы, которые скопились в ней. Это может привести к серьезному перераспределению активов и контроля над различными сегментами рынка в поиске новых «якорей стабильности» в мировой финансовой системе².

Как следствие, повышается актуальность создания цифровых валют центральных банков. Отдельные страны уже начали внедрять их пилотные проекты (например, Китай запустил проект в четырех городах). В ЕС рассматривается запуск цифрового евро, но вопрос еще не решен. ФРС заявила, что не будет торопиться с внедрением цифровой валюты и продолжит изучать все аспекты такого нововведения. Определенную активность начал проявлять в этом направлении и Банк России. Возможным конкурентом валюте США может выступить совместный проект сторон, заинтересованных в снижении монопольного положения одной валюты, например, совместная криптовалюта России и Китая, привязанная к золоту.

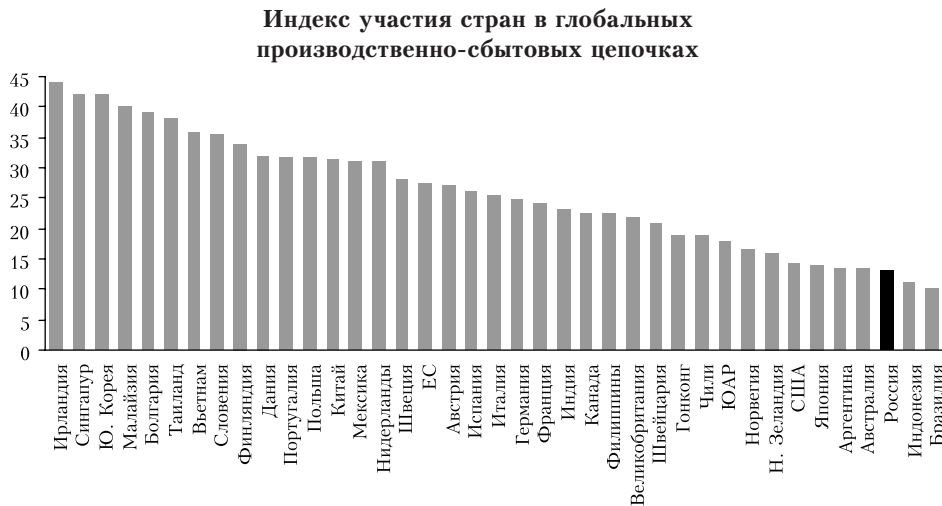
Россия: экономика в условиях пандемии

Пандемия коронавируса и меры по ее ограничению вызвали негативные явления и в российской экономике — снизились ВВП и внутренний спрос, выросла безработица. Отрицательно влияют также низ-

---

² Поэтому все чаще ведется анализ в том числе товарных групп с устойчивым профилем ценовой динамики, коррелирующей с золотом (например, см.: Гельвановский и др., 2016).

кие цены на нефть. При этом спад экономики в 2020 г. прогнозируется меньше, чем во многих странах, так как на российской экономике не столь сильно сказываются глобальные перебои вследствие пандемии, что связано с относительно ограниченным участием РФ в глобальных производственно-сбытовых цепочках (рис. 13).

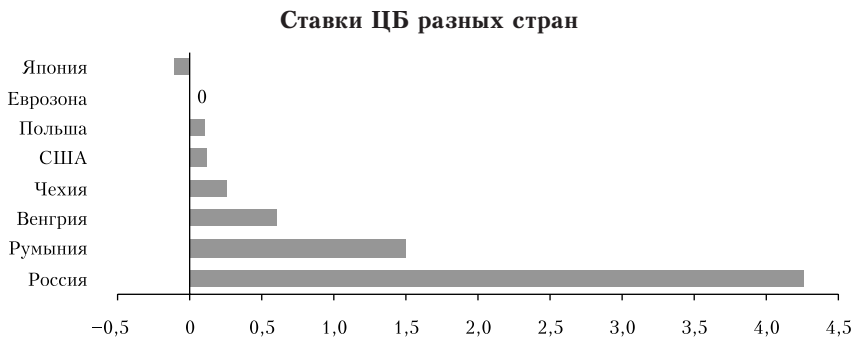

Источник: ОЭСР.

Рис. 13

В текущий кризис меры поддержки, анонсированные в РФ, составляют около 5% ВВП. Это вновь существенно меньше, чем в ведущих странах, где объем поддержки уже достигает 10–50% ВВП и продолжает расширяться. По прогнозам МВФ, в 2020 г. в России спад ВВП составит $-4,1\%$, тогда как снижение в США, Германии, Франции и Японии достигнет от -4 до -9% . Банк России в 2020 г. вслед за другими ЦБ снизил ключевую ставку. Снижение происходило постепенно, и к концу сентября ключевая ставка достигла $4,25\%$. Но ее уровень все еще выше, чем в других странах (рис. 14).

Валютный рынок в ответ на понижение ставки отреагировал удорожанием рубля (по крайней мере, на некоторое время). Однако, не-

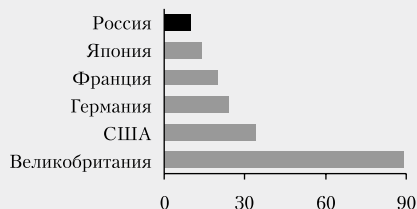
Источники: центральные банки соответствующих стран.

Рис. 14

В с т а в к а

Привлекает внимание, что в кризис 2007–2009 гг. меры поддержки в России были существенно меньше, чем в других странах (рис. А1), что в итоге привело к более масштабному спаду российского ВВП (рис. А2).

Объем поддержки в кризис, 2007–2009 гг. (в % ВВП)

Источник: МВФ.

Рис. А1

Сокращение реального ВВП в 2009 г. (в %)

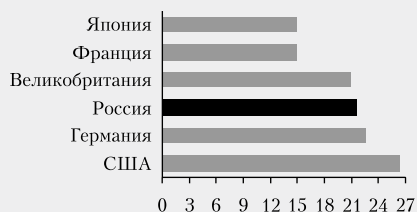
Источник: МВФ.

Рис. А2

Однако в посткризисный период рост экономики РФ вышел на траекторию, сопоставимую с большинством развитых стран (рис. А3). Конечно, этому помогли и растущие цены на нефть, но мы вправе предположить, что если бы поддержка экономики была больше, то и рост экономики был бы еще выше.

Напрашиваются некоторые предположения. Первое касается развитых стран. Их проблемы, похоже, были очень серьезными, если даже при значительно больших мерах поддержки рост их экономик был таким скромным. И второе. Коль скоро мы выделили гораздо меньше средств, а рост экономики РФ за период 2010–2019 гг. выглядит ненамного хуже ведущих стран, это, вероятно, говорит о том, что у российской экономики имеются неплохой запас прочности и потенциал для роста.

Рост реального ВВП, 2010–2019 гг. (в %)

Источники: МВФ.

Рис. А3

смотря на то что уровень ставки приблизился к уровню рентабельности экономики и отраслей, во-первых, ставка пока еще выше средней рентабельности многих отраслей; во-вторых, проблема сейчас стала более многофакторной (многоярусной), так как снизить ставку желательно было намного раньше.

Теперь проблемы стимулирования роста в РФ в большой степени тормозятся отсутствием совокупного спроса — и у частного сектора, и у домашних хозяйств, который продолжает снижаться уже длительное время. Поэтому даже если есть деньги на счетах предприятий в российских банках (а они есть — в объеме 30 трлн руб.), они их не тратят, так как нет уверенности в перспективах спроса на производимую продукцию.

Структурный профицит ликвидности, который наблюдается в банковской системе с 2017 г., несколько сократился в 2020 г. Однако Банк

России ожидает его сохранения, и к концу 2023 г. он прогнозируется в объеме 1 трлн руб., что еще раз подтверждает плохую работу механизмов трансмиссии.

Только рычагами денежно-кредитной политики проблему стимулирования экономического роста уже не решить. Восстановление спроса требует целенаправленных, последовательных шагов по разным направлениям. Поэтому в нынешних условиях требуются более широкие подходы с координацией действий и более активным участием различных экономических ведомств.

Действительно, доходы компаний и внутренний спрос всегда были важнейшими драйверами экономического роста. В условиях сокращения внешнего спроса и низких цен на нефть значимость этих факторов еще больше повышается. Особенность текущей ситуации в том, что сокращение экономической активности наблюдается повсеместно. В итоге снижаются как спрос/потребление, так и предложение/производство. При этом необходима эффективная господдержка экономики, но по ее масштабам Россия пока существенно отстает от ведущих стран.

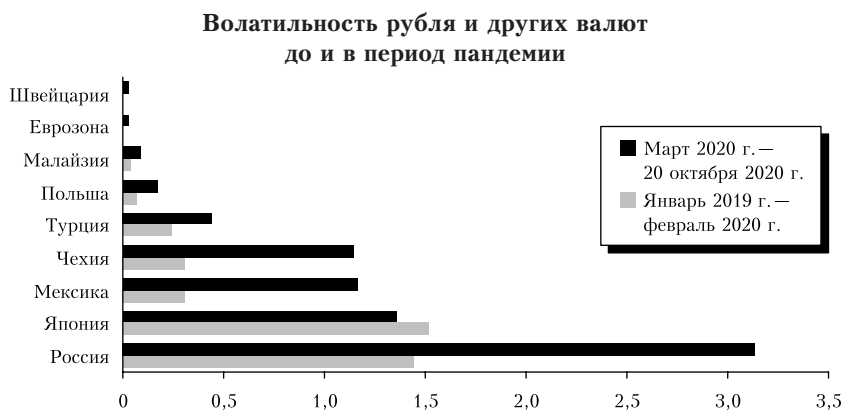
Для экономического роста требуются инвестиции, для чего необходимы «длинные» деньги. Это особенно важно при выходе из кризиса. Однако, несмотря на остроту проблемы, Банк России в проекте Основных направлений денежно-кредитной политики на 2021–2023 гг. (далее — Проект) не обозначает механизмов формирования «длинных» денег и скромно умалчивает о своей роли в этом процессе (Банк России, 2020).

Отметим, что ЕЦБ при выходе из ипотечного кризиса ввел механизмы трехлетнего рефинансирования (LTRO), и только за несколько месяцев через этот механизм предоставил своим банкам объем ресурсов, который был сопоставим с выручкой, поступившей в РФ от экспорта сырой нефти за 10 лет (!). Механизмы «длинного» рефинансирования там применяют и сейчас.

Банк России в своем Проекте подчеркивает важность устойчивости рубля. «Защита и обеспечение устойчивости рубля являются одной из основных функций Банка России», — указывается в нем и говорится, что это обеспечивается «посредством поддержания ценовой стабильности». В теории, наверное, так. Но на деле инфляция с 2017 г. находится на уровнях, близких к 4%, а курс рубля остается волатильным. Причем волатильность выросла сильнее, чем у многих валют (рис. 15). Между тем стабильный рубль сдерживает инфляцию, повышает доверие к рублю и к проводимой политике в целом.

На спрос — как потребительский, так и инвестиционный — влияет курс рубля. С начала года он обесценился на 20% и входит в группу наиболее подешевевших валют в мире. К проблеме второй волны коронавируса добавились и политические факторы — выборы президента в США, ситуация в Белоруссии, возросшая напряженность между Арменией и Азербайджаном.

Обесценение рубля вносит свой вклад в инфляцию и в итоге будет фактором сокращения доходов и спроса. Кроме того, волатильность курса, как и обесценение рубля, сильно мешает бизнесу. Причем об этом говорили опросы бизнеса, проведенные РСПП еще

Источник: рассчитано автором по данным Thomson Reuters.

Рис. 15

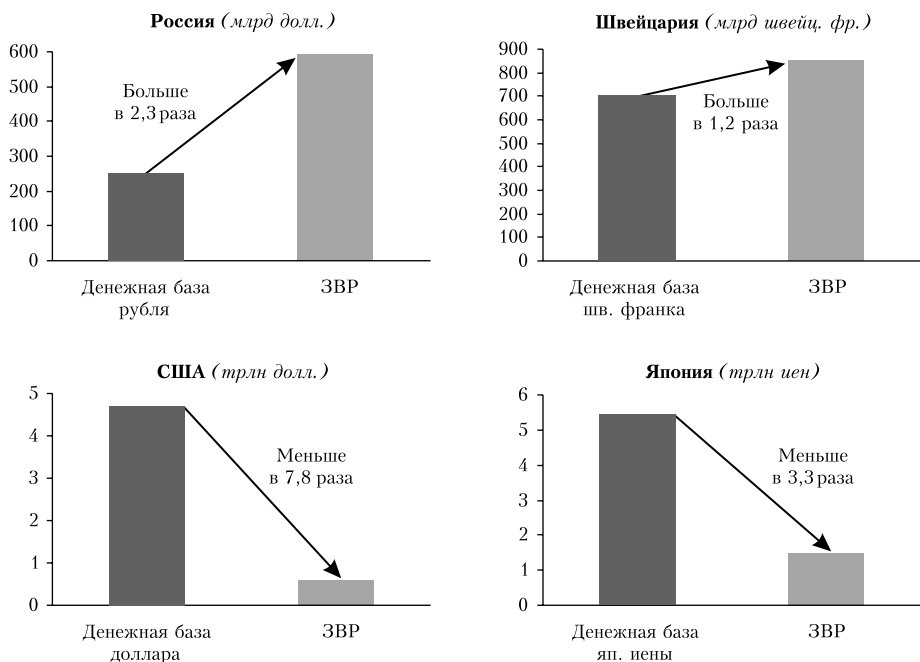
в 2015 г. Об этом же говорят опросы крупного бизнеса, проведенные Deloitte уже в марте 2020 г.: наибольшее опасение у его представителей вызывают дальнейшее ослабление рубля (80% ответов), далее следовали снижение доходов (78%) и сокращение внутреннего спроса (78%) (Делойт, 2020).

Определенное понижающее давление на курс может оказать отмена репатриации валютной выручки. Разумная либерализация валютного регулирования, конечно, важна, однако отмена репатриации валютной выручки хотя и будет проходить поэтапно, тем не менее может быть сопряжена с сокращением темпов прироста ЗВР и снижением глубины валютного рынка. Приток валюты на внутренний рынок уменьшится, повышая волатильность курса. Но есть возможности компенсировать такое сокращение, в частности снизив вложения части средств ЗВР в казначейские или иные иностранные облигации или другие инструменты и переведя их в наличную валюту. Необходимо четко транслировать участникам рынка, что ЦБ располагает всеми инструментами и возможностями для сохранения стабильности и повышения доверия к российскому рынку и готов в случае надобности использовать необходимые рычаги.

Важно, что сейчас обеспеченность рубля одна из самых высоких в мире (рис. 16). Международные резервы России сегодня в 2,5 раза превышают денежную базу рубля. Теоретически это означает, что вся денежная база может быть стерилизована более чем два раза. На практике это свидетельствует о том, что регулятор может стабилизировать курс и удерживать его на любом необходимом для экономики уровне, минимизируя его волатильность. Причем резервы могут и не потребоваться. Регулятору достаточно лишь намекнуть рынку, что он готов при необходимости нормализовать процесс, чтобы сделать его более комфортным для развития экономики.

У страны имеются масштабные золотовалютные резервы (560 млрд долл.), низкий государственный долг (12% ВВП). Сохраняются относительно высокие процентные ставки, уровень которых значительно выше, чем у стран-конкурентов (у нас 4,25%, а у многих стран —

Золотовалютные резервы и денежная база валют, 2020 г.

Источник: по данным центральных банков.

Рис. 16

либо отрицательные, либо в пределах 1%). Это позволяет значительно снизить ставки в РФ, что будет положительно влиять на экономику.

Расширение мер поддержки, очевидно, повысит расходы бюджета. Но и здесь есть немалые резервы. Правильно, что мы перешли от профицита бюджета к его дефициту, что в условиях кризиса вполне оправданно. Многие страны активно используют дефицит бюджета как механизм поддержки своей экономики многие годы. Накопленные ЗВР и небольшой госдолг позволили Fitch поставить РФ на первое место (среди таких стран как Бразилия, Индия, ЮАР, С. Аравия, Чили и пр.) по возможностям поддержки экономики со стороны монетарной и бюджетной политики.

* * *

Вторая волна коронавируса осенью 2020 г. становится все более ощутимой во многих странах. Это еще больше повышает уровень неопределенности и рисков в мировой экономике. Сейчас очень важна слаженная политика регуляторов и правительства, которая позволила бы российской экономике успешно выйти из сложившегося кризиса и перейти к более высоким и устойчивым темпам роста, чем до кризиса.

Для решения проблем, возникших в ходе глобального финансового кризиса 2008–2009 гг., регуляторы ведущих стран приняли беспреце-

дентные по масштабам и инструментам меры поддержки финансового сектора. В результате экономика должна была начать расти устойчиво высокими темпами многие годы. Однако этого не произошло. Во всех ведущих развитых странах темпы роста ниже среднемировых. При этом надулись масштабные «пузыри» долгов, которые сдерживают текущие меры поддержки.

Первопричины текущего кризиса лежат вне сферы экономики. При этом на них наслаиваются проблемы, которые накопились еще до пандемии и остались нерешенными. В результате даже большие объемы и разнообразные меры противодействия и нейтрализации рисков дают лишь временную передышку. В системном плане все основные проблемы сохраняются. Один из последних докладов ЮНКТАД называется «От пандемии к процветанию для всех: избежать еще одного потерянного десятилетия» (UNCTAD, 2020). Нынешние вызовы и масштаб современных проблем не дают нам права потерять очередные десять лет. И для мировой экономики, и даже для глобальной цивилизации это может стать невосполнимой утратой.

Список литературы / References

- Банк России (2020). Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2021 г. и период 2022 и 2023 гг. [Bank of Russia (2020). *Monetary policy guidelines for 2021–2023*. Moscow.]
- Гельвановский М. И., Минченков М. А., Водянова В. В. (2016). Механизм расширения золотовалютной базы как основной механизм построения инвестиционного генератора развития // Стратегическое антикризисное управление: глобальные вызовы и роль государства. Сборник VI Международной научно-практической конференции. М.: Перо. С. 38–45. [Gelvanovskiy M. I., Minchenkov M. A., Vodyanova V. V. (2016). Mechanism of expanding international reserves as a main mechanism of investment generator of development. In: Strategic anti-crisis management: Global challenges and the role of the state. Proceedings of VI scientific and practical conference. Moscow: Pero, pp. 38–45. (In Russian).]
- Делойт (2020). Опрос финансовых директоров ведущих компаний России: Первое полугодие 2020 г. Исследовательский центр компании «Делойт» в СНГ. [Deloitte (2020). *Survey of CFOs of leading Russian companies: First half of 2020*. Research Center of Deloitte CIS. (In Russian).]
- Набиуллина Э. С. (2020). Заявление Председателя Банка России по итогам заседания Совета директоров 23 октября. [Nabiullina E. S. (2020). *Statement by the Chairman of the Bank of Russia following the meeting of the Board of Directors on October 23*. (In Russian).] <https://www.cbr.ru/press/event/?id=8220>
- Baker S. R., Bloom N., Davis S. J., Terry S. J. (2020). COVID-induced economic uncertainty. *NBER Working Paper*, No. 26983. <https://doi.org/10.3386/w26983>
- BIS (2020). *Annual economic report*. Basel, June.
- Carney M. (2019). *Speech: The growing challenges for monetary policy in the current international monetary and financial system*. Jackson Hole Symposium, August 23.
- Draghi M. (2019). *Hearing at the Committee on Economic and Monetary Affairs of the European Parliament. Introductory statement at the ECON committee of the European Parliament*. Brussels, September 23.
- IMF (2020a). *Global financial stability report: Markets in the time of COVID-19*. Washington, DC: International Monetary Fund.
- IMF (2020b). *Global financial stability report: Bridge to recovery*. Washington, DC: International Monetary Fund.

- Kissinger H. A. (2020). The coronavirus pandemic will forever alter the world order. *Wall Street Journal*, April 3. <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>
- Powell J. H. (2020). *Semiannual monetary policy report to the Congress*. Washington, DC, February 11.
- UNCTAD (2020). *Trade and development report 2020. From global pandemic to prosperity for all: Avoiding another lost decade*. New York: United Nations Publications.
-

The world in 2020: New challenges expose systemic changes in the economy

Mikhail V. Ershov^{1,2}

Author affiliation: ¹ Institute for Energy and Finance (Moscow, Russia);

² Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia). Email: lupandina@fief.ru

The slowdown in economic growth in the world was noted back in 2019, and in early 2020 it intensified due to the coronavirus pandemic. The large-scale decline in economic activity because of the closure of many leading economies affected all countries, disrupting the usual way of life and business mechanisms. Regulators and governments were forced to urgently implement a wide range of support measures. At the same time, the root causes of the current crisis lie outside the economic or financial sphere, which makes it different from the previous ones. Uncertainty is complemented by the fact that the traditional relations in the economy and in society are fundamentally changing. The established global supply chains are disrupted, the nature of labor relations is beginning to change, and the remote access regime is increasingly practiced. Economies are losing the ability to function as self-sufficient systems and require more and more support measures. As of the end of 2020, the likelihood of a second wave of the pandemic is quite high, while its duration and scale are still unclear; the prospects for further development of the world economy are becoming more and more uncertain, and the scale and mechanisms of stabilization of the situation are becoming more diverse and non-standard.

Keywords: crisis, pandemic, support measures, monetary policy, central bank, government bonds, economic growth.

JEL: E52, E58, G15.

ЭКОНОМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту?*

Т. М. Малева, Е. Е. Гришина, А. Я. Бурдюк

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва, Россия)*

Исследование посвящено анализу хронической, или длительной бедности российского населения в 2010-е годы. Для получения оценок уровня хронической бедности использовалось модифицированное определение Евростата. Уровень и факторы хронической бедности оцениваются на сбалансированной панели РМЭЗ НИУ ВШЭ с учетом «осыпания» выборки, что позволяет учесть выбывшие из выборочного наблюдения домашние хозяйства. Основные факторы попадания домохозяйств в ловушку длительной бедности — наличие детей, безработица, проживание в сельской местности, частое употребление алкоголя. Риск хронической бедности ниже, если у членов семьи имеется опыт ведения своего бизнеса или в семье есть лица пенсионного возраста. По мере взросления детей снижается вероятность хронической бедности. Из этого состояния при прочих равных условиях крайне бедным семьям выбраться сложнее. Исследование факторов остроты хронической бедности показало, что они во многом схожи с факторами ее вероятности, а декомпозиция остроты на хроническую и временную составляющую обнаружила характеристики, по-разному влияющие на эти компоненты. В работе отмечено, что для снижения рисков хронической бедности необходимо увеличить охват лиц, находящихся в этом состоянии, мерами государственной поддержки на основании социального контракта. Оказание комплексной помощи хронически бедным семьям и социальное сопровождение этих семей будут способствовать развитию их человеческого капитала и снижению уровня хронической бедности населения.

Ключевые слова: хроническая бедность, длительная бедность, острота бедности, человеческий капитал.

JEL: I32, I38.

Малева Татьяна Михайловна (maleva-tm@ranepa.ru), к. э. н., ДВА, директор Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС; *Гришина Елена Евгеньевна* (grishina@ranepa.ru), к. э. н., в. н. с. РАНХиГС; *Бурдюк Александра Ярославовна* (burdyak-ay@ranepa.ru), с. н. с. РАНХиГС.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Одним из показателей, характеризующих достижение национальной цели по сохранению населения, здоровью и благополучию людей, поставленной Президентом РФ в Указе от 21.07.2020 № 474¹, выступает снижение уровня бедности. Ликвидация крайней бедности (нищеты) — одна из важнейших целей в области устойчивого развития, и все государства — члены ООН согласились ее достичь к 2030 г. В связи с этим важно изучить причины, которые приводят к тому, что человек оказывается в состоянии бедности, и препятствуют быстрому выходу из нее, так как хроническая бедность, то есть длительное пребывание индивида за чертой бедности, наиболее опасна для общества.

Негативное влияние длительной, хронической бедности, согласно Дж. Фостеру (Foster, 2009), сильнее, чем краткосрочный эффект от временной бедности, особенно если мы говорим о детях. Из-за хронической бедности они могут отставать в развитии, испытывать трудности в обучении, у них может ухудшаться состояние здоровья и снижаться производительность труда и доходы в будущем. Поэтому задача исследовать факторы хронической бедности весьма актуальна.

Обзор исследований

В научной литературе существует несколько определений хронической бедности. Например, Дж. Джалан и М. Раваллион (Jalan, Ravallion, 1998) считают хронически бедными людей, имеющих в течение длительного периода низкий уровень благосостояния. Д. Халм и А. Шепард (Hulme, Shepherd, 2003) рассматривают хроническую бедность как состояние, которое сохраняется в течение длительного времени или на протяжении всей жизни и может передаваться из поколения в поколение.

В рамках компонентного подхода к измерению хронической бедности (Jalan, Ravallion, 2000; Foster, Santos, 2013) считается, что индивид хронически бедный, если его средний доход за определенный период ниже черты бедности. Такому определению присуща инвариантность относительно количества периодов пребывания в бедности: всего один год в состоянии крайней бедности и невысокие, но превышающие черту бедности доходы в остальные годы в совокупности могут обеспечить средний доход ниже черты бедности и свидетельствовать о хронической бедности.

Другой распространенный подход к измерению хронической бедности основан на учете периодов бедности (так называемый «spells approach»), когда хронически бедными считаются лица, находящиеся в состоянии бедности определенное количество периодов. В рамках такого подхода Фостер (Foster, 2009) предложил следующую процедуру измерения: сначала определяются индивиды, бедные в определенный момент, например в конкретном году, а затем устанавливается доля периодов (лет), в которых индивид должен быть бедным, чтобы считаться хронически бедным.

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Существует много работ, посвященных анализу характеристик домохозяйств и индивидов, влияющих на вероятность хронической бедности (см., например: Fourarge, Layte, 2005; Mills, Mукерези, 2009; Coppola, Di Laurea, 2014). В исследованиях Ф. Девиченти (Devicienti et al., 2010), Л. Копполы и Д. ди Лауреа (Coppola, Di Laurea, 2014) отмечается, что домохозяйства, имеющие в своем составе детей и неработающих взрослых, подвержены более высокому риску хронической бедности. Характеристики главы домохозяйства, например уровень его образования, также влияют на вероятность хронической бедности. Кроме того, изменение характеристик занятости индивидов и их возможностей заработка может обуславливать «вход» и «выход» домохозяйств из бедности (McKernan, Ratcliffe, 2005). Изменение размера домохозяйства и рождение детей выступают важными факторами как материального положения домохозяйства, так и вероятности длительной бедности (Fourarge, Layte, 2005; McKernan, Ratcliffe, 2005; Coppola, Di Laurea, 2014).

Аналізу хронической бедности в России были посвящены работы ряда авторов (Спрысков, 2000; Такэда, 2005; Denisova, 2007; Mills, Mукерези, 2009), однако все указанные исследования были выполнены до 2010 г. В данной работе мы анализируем факторы хронической бедности в России в период с 2010 по 2018 г., а также оцениваем влияние различных характеристик домашних хозяйств на хроническую и временную бедность.

Используемые данные и методология

Анализ хронической бедности проводится на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)² (далее — РМЭЗ НИУ ВШЭ), панельная подвыборка которого позволяет отслеживать одних и тех же индивидов в течение длительного времени. Обследование РМЭЗ НИУ ВШЭ проводится ежегодно по репрезентативной для России в целом выборке семей.

Согласно определению Евростата, индивид рассматривается как хронически бедный, если он проживает в бедном домохозяйстве в текущем году и по крайней мере в течение двух лет из трех предшествующих³. При этом бедными считаются домохозяйства, эквивалентный располагаемый доход которых ниже 60% медианного по стране. Такое определение бедности основано на относительном монетарном подходе, широко применяемом в странах Европейского союза. На момент проведения исследования в России чаще использовался абсолютный монетарный подход, когда в качестве показателя бедности принимается

² Опрос РМЭЗ НИУ ВШЭ проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

³ Eurostat. EU statistics on income and living conditions (EU-SILC) methodology — monetary poverty. [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/EU_statistics_on_income_and_living_conditions_\(EU-SILC\)_methodology_-_monetary_poverty](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/EU_statistics_on_income_and_living_conditions_(EU-SILC)_methodology_-_monetary_poverty)

доля лиц, имеющих среднедушевые доходы ниже величины прожиточного минимума. В связи с этим было принято решение модифицировать определение хронической бедности Евростата, используя абсолютный монетарный подход к определению бедности. Отметим, что в конце 2020 г. Министерство труда и социальной защиты РФ подготовило проект федерального закона, предусматривающий переход к определению величины прожиточного минимума как черты бедности в виде доли от медианного дохода⁴, однако предложенный подход не в полной мере соответствует методике Евростата.

Поскольку наиболее актуальными данными РМЭЗ НИУ ВШЭ на момент проведения исследования были данные за 2018 г., расчет хронической бедности, согласно определению Евростата, должен был опираться на период с 2015 по 2018 г. Однако в этот временной интервал попадают 2015–2017 гг., когда наблюдалось падение реальных располагаемых денежных доходов населения⁵ под воздействием ряда факторов, в том числе экономического кризиса, введения международных санкций и контрсанкций со стороны России (Волчкова, Кузнецова, 2019). Поэтому мы расширили временной промежуток до девяти лет (с 2010 по 2018 г.) и определили, что хроническая бедность — это пребывание в состоянии бедности в текущем году и на протяжении 75% предыдущего периода. Таким образом, далее мы считаем хронически бедными индивидов, пребывающих в бедности в 2018 г., которые вдобавок были бедными по крайней мере в течение 6 из 8 предыдущих лет.

В качестве потенциальных факторов хронической бедности рассматриваются характеристики, влияющие на бедность в России (Бурдяк, Попова, 2007; Гришина, 2018). В первую очередь это социально-демографические индикаторы наличия и числа детей до 16 лет или лиц старше трудоспособного возраста в домохозяйстве, доля работающих и безработных лиц. Кроме того, рассматривается изменение перечисленных характеристик в течение периода хронической бедности домохозяйства за счет роста числа детей или уменьшения их количества из-за взросления, увеличения/снижения числа безработных, занятых, а также лиц старше трудоспособного возраста. На предмет влияния на хроническую бедность также тестировались характеристики образования (высшее, среднее и начальное), здоровья (высокая доля лиц, негативно оценивающих свое состояние здоровья), инвалидность и частое употребление алкогольных напитков (два раза в неделю и чаще). Кроме того, в модели были включены индивидуальные характеристики главы домохозяйства (член домохозяйства, приносящий наибольший доход) и место проживания (региональный центр, другой город, сельский населенный пункт; федеральный округ).

Зависимая переменная — индикатор хронической бедности, рассчитанный на сбалансированной панели РМЭЗ НИУ ВШЭ за

⁴ Проект федерального закона № 1027748-7 «О внесении изменений в Федеральный закон „О прожиточном минимуме в Российской Федерации“ и статью 1 ФЗ „О минимальном размере оплаты труда“». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1027748-7>

⁵ Росстат. Информация о социально-экономическом положении России — 2020 г. Январь. https://gks.ru/bgd/free/B20_00/Main.htm

2010–2018 гг., состоящей из 7083 индивидов. Индикаторы, описывающие изменение различных характеристик домохозяйства, охватывают весь период с 2010 по 2018 г. Остальные переменные, используемые в моделях, рассчитаны по состоянию на начало периода наблюдения (на 2010 г.).

Изучая длительную бедность на панельных данных, важно учитывать, что индивиды или домашние хозяйства имеют свойство по ряду причин выбывать из наблюдения. Если бедные и небедные домохозяйства с разной интенсивностью выпадают из выборки («осыпание» панели), например когда более образованные и небольшие по размеру домохозяйства чаще выбывают из панели (Mills, Muckerezi, 2009), то это может влиять на результат оценки факторов. При моделировании вероятности хронической бедности эффект «осыпания» панели учитывается с помощью включения в систему уравнения отбора.

При оценке влияния факторов на вероятность отнесения индивида к категории хронически бедных применялась модель Хекмана со смещением самоотбора⁶, которая в случае бинарной зависимой переменной реализуется в Stata в виде пробит-модели (Van de Ven, Van Praag, 1981):

$$y_j = (x_j\beta + u_{1j} > 0), \quad (1)$$

$$z_j\gamma + u_{2j} > 0, \quad (2)$$

где: $u_1 \in N(0, 1)$; $u_2 \in N(0, 1)$; $\text{corr}(u_1, u_2) = \rho$.

Уравнение отбора оценивалось на 21 202 респондентах обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2010 г., из которых 7083 человека остаются в сбалансированной панели до 2018 г. и 14 119 человек в разные годы выбывают из нее. В уравнение отбора входят следующие объясняющие переменные: индикатор наличия детей в домохозяйстве; индикатор домохозяйства, состоящего из одного человека; индикатор молодой семьи (возраст основного кормильца — до 29 лет включительно); тип населенного пункта (региональный центр или село, референтная категория — другие города), а также переменная, описывающая долю взрослых, оценивающих свое здоровье как плохое или очень плохое.

Чтобы выявить отличия в причинах хронической и временной бедности, мы дополнительно проанализировали факторы хронической и временной остроты бедности (Mills, Muckerezi, 2009). Показатель остроты бедности для домохозяйства i в период $(1; T)$ рассчитывался как:

$$P_i = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T \left(\max\left(\frac{z_{it} - x_{it}}{z_{it}}; 0\right) \right)^2, \quad (3)$$

где: z_{it} — черта бедности — величина прожиточного минимума домохозяйства i в период t ; x_{it} — общий денежный доход домохозяйства i в период t .

Мы провели декомпозицию показателя остроты бедности на две составляющие: хроническую и временную остроту бедности. Показатель

⁶ Авторы признательны Е. С. Котырло (НИУ ВШЭ) за обсуждение методологии и ценные рекомендации.

хронической остроты бедности для домохозяйства k в период $(1; T)$ рассчитывался по следующим формулам:

$$\left\{ \begin{array}{l} C_k = \left(\max \left(\frac{\bar{z}_k - \bar{x}_k}{\bar{z}_k}; 0 \right) \right)^2 \\ \bar{z}_k = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T z_{kt} \\ \bar{x}_k = \frac{1}{T} \sum_{t=1}^T x_{kt}, \end{array} \right. \quad (4)$$

где: z_{kt} — черта бедности — величина прожиточного минимума домохозяйства k в период времени t ; x_{kt} — общий денежный доход домохозяйства k в период t .

Показатель временной остроты бедности для домохозяйства i в период $(1; T)$ рассчитывался по следующей формуле:

$$T_i = P_i - C_i, \quad (5)$$

где: P_i — острота бедности для домохозяйства i в период $(1; T)$; C_i — хроническая острота бедности для домохозяйства i в период $(1; T)$.

Для оценки влияния различных факторов на временную и хроническую остроту бедности (обе переменные непрерывные) с учетом «осыпания» панели использовалась двухшаговая процедура Хекмана, которая подходит для моделей с цензурированными данными и со смещением самоотбора. В уравнении отбора участвуют те же переменные, что и при оценке влияния факторов на вероятность хронической бедности.

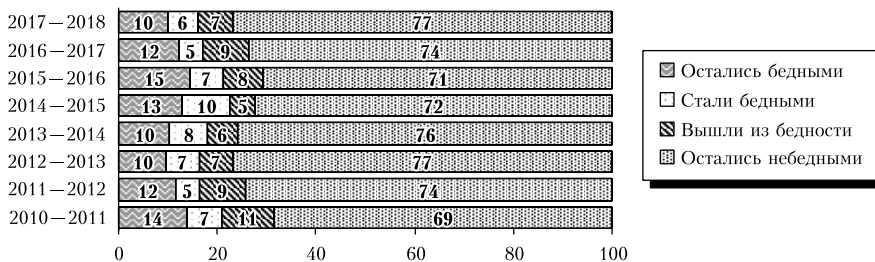
Анализ длительности бедности и распространенности хронической бедности

Анализ распределения респондентов по статусу «бедные» в период с 2010 по 2018 г. показывает, что стабильно бедными оставались от 10 до 15% респондентов; перемещались между состояниями «бедность» и «небедность» от 13 до 18% респондентов (рис. 1). Причем в 2013–2015 гг. доля респондентов, ставших бедными, превышала долю респондентов, вышедших из бедности, а в 2010–2012 и 2016–2018 гг. наблюдалось обратное: вышедших из бедности было больше.

На максимальном горизонте, с 2010 по 2018 г., почти половина респондентов (48,5%) хотя бы один год были бедными (рис. 2). При этом постоянно, пять лет и более, пребывали в состоянии бедности менее 6% респондентов.

Уровень хронической бедности респондентов в период с 2010 по 2018 г., рассчитанный как доля респондентов, имеющих среднедушевой денежный доход ниже величины прожиточного минимума в 2018 г. и в любые 6 из 8 предыдущих лет, составляет 6% (рис. 3). Среди респондентов, проживающих в 2010 г. с детьми, хронически бедными были

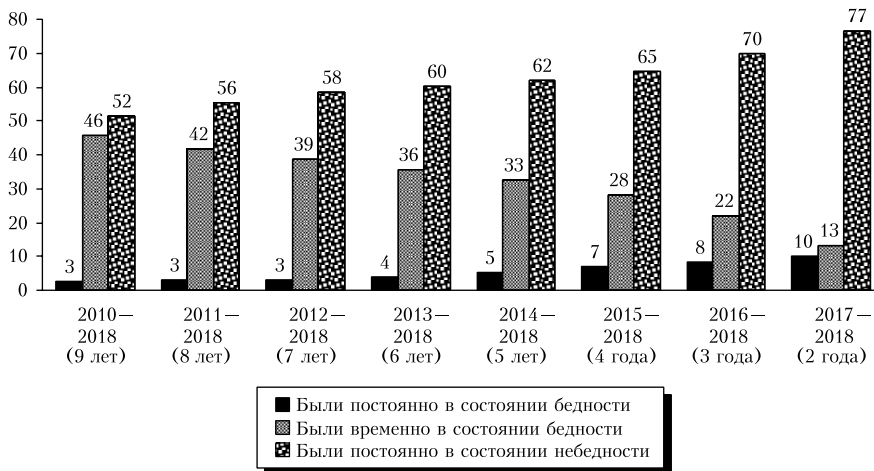
**Распределение респондентов по статусу «бедные»
в период с 2010 по 2018 г. (в %)**

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Рис. 1

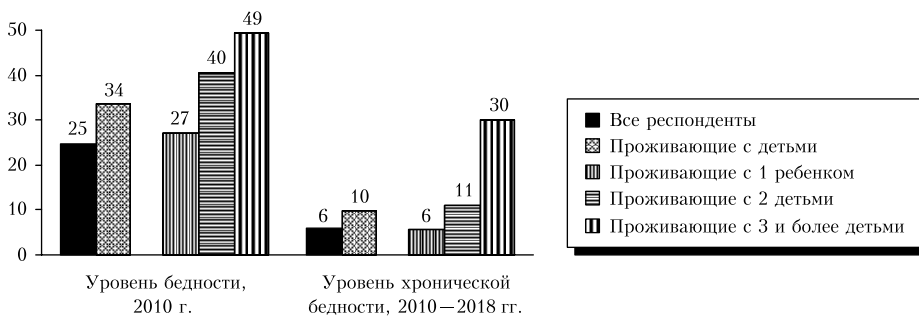
**Распределение респондентов в зависимости от нахождения
в состоянии бедности в периоды с 2010 по 2018 г. (в %)**

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Рис. 2

**Уровни бедности и хронической бедности
в зависимости от наличия детей (в %)**

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

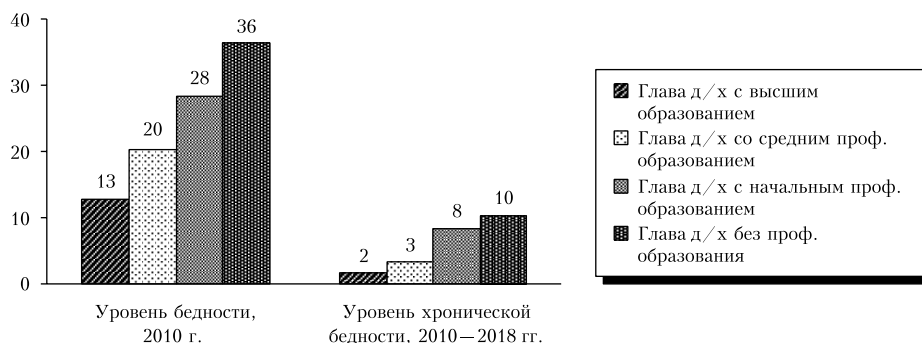
Рис. 3

10%. Особенно высоким был уровень хронической бедности у лиц, проживающих с тремя и более детьми (30%). Таким образом, семьи с детьми, особенно многодетные, имеют повышенные риски бедности и хронической бедности.

Уровни бедности и хронической бедности увеличиваются, если основной кормилец — глава домохозяйства, в котором проживает респондент, не имел профессионального образования в 2010 г., и снижаются, если глава домохозяйства имел высшее образование (рис. 4).

Уровни бедности и хронической бедности в зависимости от уровня образования главы домохозяйства (в %)

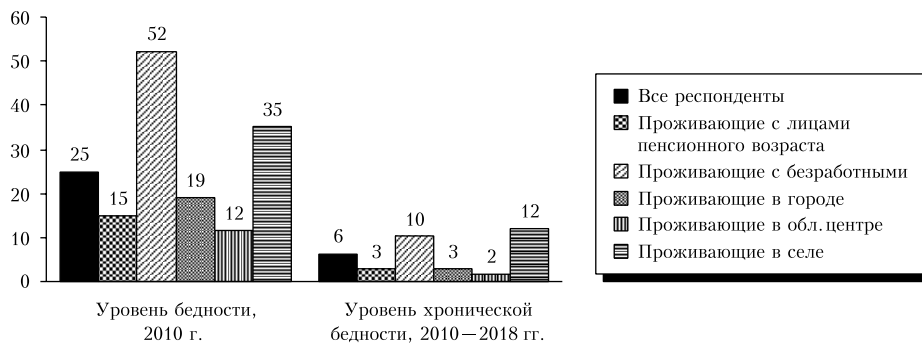

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Рис. 4

Повышенные уровни бедности и хронической бедности наблюдаются среди респондентов, проживающих в сельской местности, а также живущих в домохозяйствах с безработными лицами в 2010 г. Среди респондентов — жителей областных центров, а также живущих в домохозяйствах с лицами пенсионного возраста в 2010 г., бедность ниже среднего по всей выборке уровня (рис. 5).

Уровни бедности и хронической бедности в зависимости от состава домохозяйства и места проживания (в %)

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Рис. 5

Факторы хронической бедности

Тестирование различных модификаций уравнения отбора показало, что наличие в семье в 2010 г. несовершеннолетних детей и пенсионеров повышает вероятность того, что домохозяйство останется в панельной части исследования до 2018 г. Индикаторы молодой семьи (глава домохозяйства младше 30 лет), одиноко проживающего респондента или высокая доля людей с плохим здоровьем, напротив, указывают на повышенный риск выбытия из панели. Занятость на госпредприятии повышает вероятность остаться в выборке. Жители сельских поселений склонны оставаться в панельном наблюдении, а жители региональных центров, напротив, выбывают из исследования чаще, чем проживающие в других городах. Также в уравнение отбора были включены индикаторы федеральных округов для контроля стабильности наблюдения в территориальном разрезе. В основных моделях при оценке факторов хронической бедности федеральные округа и типы населенных пунктов также присутствуют. В таком виде уравнение отбора включено во все последующие модели для учета эффекта «осыпания» используемой панели РМЭЗ НИУ ВШЭ.

После тестирования множества факторов и их комбинаций мы остановились на двух моделях, наилучшим образом описывающих попадание индивида в состояние хронической бедности в период 2010–2018 гг. Наборы независимых переменных в обеих моделях во многом похожи, попарные корреляции внутри двух множеств не высоки. В модели 1 присутствуют индикатор крайней бедности, доля работающих и доля работающих на малом предприятии. В модели 2 участвуют фактор частого употребления алкоголя (два раза в неделю и чаще) и доля неработающих взрослых. В обеих моделях присутствуют индикаторы наличия в домашнем хозяйстве одного, двух, трех и более несовершеннолетних детей в 2010 г. (табл. 1).

Что в наибольшей степени обуславливает состояние хронической бедности? В обеих моделях многодетность выступает самым сильным предиктором хронической бедности. Если основной кормилец в домохозяйстве — женщина (член семьи с максимальным индивидуальным доходом), то при прочих равных условиях это повышает риск хронической бедности. Неполные семьи с детьми в большинстве случаев также входят в данную категорию. Наличие в семье человека, который имеет опыт ведения собственного дела, напротив, снижает вероятность долговременной бедности.

Чем выше доля работающих (или ниже доля неработающих) среди взрослых членов домохозяйства или чем выше доля людей с высшим образованием в семье, тем ниже риск хронической бедности. Наличие людей старше трудоспособного возраста также снижает риск хронической бедности.

Проживание в сельской местности значительно повышает риск хронической бедности. Поселенческие различия российской бедности были подтверждены в начале 2000-х годов (Gerry et al., 2008): было показано, что тогда бедность сельских жителей носила более затяжной характер (Такэда, 2005). Как показали наши расчеты, более высокая

**Результаты моделирования зависимости
вероятности хронической бедности от различных факторов**

Фактор	Модель 1	Модель 2
Д/х с 1 ребенком	0,47***	0,46***
Д/х с 2 детьми	0,62***	0,65***
Д/х с 3 и более детьми	1,04***	1,09***
Д/х с лицами пенсионного возраста	-0,48***	
Доля работающих в д/х	-1,09***	
Доля неработающих взрослых в д/х		0,24***
Доля работающих на малом предприятии	0,49***	
Глава д/х — женщина	0,15***	0,14***
Крайне бедное д/х	0,60***	
Опыт открытия собственного дела	-0,20**	-0,18***
Доля лиц с высшим образованием в д/х		-1,09***
Д/х без лиц с высшим образованием	0,46***	
Доля часто употребляющих алкоголь в д/х		0,23**
Сельская местность	0,24**	
ЦФО	0,24***	0,19***
СЗФО	-0,63**	-0,33*
ПФО	0,21**	0,09*
УФО	0,35***	0,35***
СФО	0,53***	0,44***
ДФО	0,88***	0,79***
Рост числа детей	0,48***	0,36***
Снижение числа детей	-0,15**	-0,15***
Рост числа лиц пенсионного возраста	-0,44***	-0,28***
Снижение числа лиц пенсионного возраста	0,30***	
Рост числа безработных	0,15***	0,12***
Константа	-1,77***	-0,89***

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

распространенность хронической бедности среди жителей сельской местности наблюдалась и в 2010-е годы. Крайняя бедность домашнего хозяйства в 2010 г. в значительной степени означает, что оно будет хронически бедным.

Помимо характеристик домашнего хозяйства в 2010 г., в модели были включены их производные, а именно индикатор увеличения числа детей в семье за 2010–2018 гг. (рождение детей); индикатор снижения числа несовершеннолетних детей за период наблюдения (их взросление); рост числа людей старше трудоспособного возраста (достижение пенсионного возраста); снижение числа лиц пенсионного возраста (смертность в пенсионных возрастах); увеличение числа безработных (в большинстве случаев — потеря работы одним из взрослых). Перечисленные переменные в составе семьи за девятилетний период значимо влияют на вероятность ее хронической бедности: рост числа детей и безработных повышает риск длительной бедности, а взросление детей, переход взрослых в пенсионный возраст, напротив, снижают вероятность попадания в число длительно бедных.

Факторы хронической и временной остроты бедности

В ходе тестирования различных факторов хронической и временной остроты бедности были определены две модели, содержащие наборы факторов, хорошо объясняющих указанные компоненты остроты бедности. Если среди независимых переменных первой модели (модель 3) присутствуют индикатор частого потребления алкоголя каким-либо членом семьи (два раза в неделю и чаще), а также переменные, характеризующие долю лиц с высшим образованием и проживание в областном центре, то в число независимых переменных второй модели (модель 4) входят индикатор пребывания домашнего хозяйства в 2010 г. в состоянии крайней бедности, а также переменная, характеризующая долю работающих в домохозяйстве.

Согласно модели 3, для хронической составляющей остроты бедности наибольшую силу имеет фактор многодетности. Значимое влияние оказывают проживание в сельской местности, наличие в семье безработного на момент начала наблюдения (в 2010 г.), а также двух несовершеннолетних детей (табл. 2). Примечательно, что многодетность и проживание в селе значительно сильнее влияют на хроническую, чем на временную составляющую остроты бедности. Наличие безработного в 2010 г. или рост числа безработных в период 2010–2018 гг., напротив, скорее выступают факторами временной компоненты остроты бедности.

Наличие в семье людей, употребляющих алкоголь два раза в неделю и чаще, а также ощущающих себя бесправными⁷, статистически значимо увеличивает хроническую компоненту остроты бедности. Влияние ощущения своего бесправия каким-либо членом семьи на временную компоненту бедности незначимо, а потребление алкоголя повышает и временную остроту бедности, правда не столь сильно, как хроническую.

Если основным кормильцем в семье выступает женщина, то это в равной мере повышает и хроническую, и временную компоненты остроты бедности. Наличие в семье человека в пенсионном возрасте снижает ее остроту, сильнее влияя на временную компоненту. Достижение кем-то из членов домашнего хозяйства пенсионного возраста в период 2010–2018 гг. оказывает значимое, примерно одинаковое влияние на снижение обеих компонент остроты бедности. Наличие людей с опытом открытия собственного дела также уменьшает бедность, главным образом за счет ее хронической составляющей. Взросление детей снижает хроническую остроту бедности, не оказывая значимого влияния на временную бедность.

При включении в модель 4 индикатора пребывания домохозяйства в 2010 г. в состоянии крайней бедности и его дохода ниже половины

⁷ Бесправными мы считаем тех, кто поставил себя на самую нижнюю ступень при ответе на вопрос: «А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

**Результаты моделирования зависимости
хронической и временной остроты бедности от различных факторов**

Фактор	Модель 3		Модель 4	
	хроническая острота бедности	временная острота бедности	хроническая острота бедности	временная острота бедности
Д/х с 1 ребенком	0,006***	0,003***	0,002*	0,000
Д/х с 2 детьми	0,013***	0,012***	0,007***	0,006***
Д/х с 3 и более детьми	0,047***	0,024***	0,032***	0,009***
Доля работающих в д/х			-0,008***	-0,011***
Д/х с безработными	0,010***	0,014***	0,003**	0,006***
Д/х с лицами пенсионного возраста	-0,006***	-0,010***	-0,006***	-0,010***
Глава д/х — женщина	0,006***	0,005***	0,004***	0,003***
Доля лиц с высшим образованием в д/х	-0,005***	-0,008***		
Доля часто употребляющих алкоголь в д/х	0,008***	0,006***		
Опыт открытия собственного дела	-0,007***	-0,003***	-0,004***	0,000
Ощущение себя бесправным	0,006***	-0,001	0,007***	0,000
Крайне бедное д/х			0,065***	0,062***
Областной центр	-0,006***	-0,004***		
Сельская местность	0,016***	0,006***	0,009***	0,001
ЦФО	0,000	-0,009***	0,006***	-0,003**
СЗФО	-0,013***	-0,012***	0,000	0,000
ПФО	0,004**	-0,008***	0,007***	-0,005***
УФО	0,000	-0,005*	0,009***	0,004
СФО	0,005**	-0,002	0,011***	0,003**
ДФО	0,017***	0,014***	0,020***	0,016***
Рост числа детей	0,009***	0,003***	0,009***	0,003***
Снижение числа детей	-0,004***	-0,001	-0,002*	0,001
Рост числа лиц пенсионного возраста	-0,006***	-0,005***	-0,005***	-0,004***
Снижение числа лиц пенсионного возраста	0,000	0,002*	0,001	0,002**
Рост числа безработных	0,004***	0,010***	0,002**	0,009***
Константа	-0,034***	0,014	-0,007	0,037***

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты авторов по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ.

прожиточного минимума остальные переменные отходят на второй план. Индикатор крайней бедности значимо положительно и практически в равной степени повышает и хроническую, и временную остроту бедности (коэффициент выше 0,06). При такой спецификации модели эффект следующего по силе фактора хронической остроты бедности — индикатора наличия трех и более детей — составляет 0,03 (см. табл. 2).

Индикатор проживания в сельской местности значимо повышает хроническую составляющую остроты бедности, а его влияние на временную компоненту статистически не значимо. Временную остроту бедности значимо повышает рост числа безработных, при этом не влияя на хроническую бедность.

Обсуждение результатов

Проведенный анализ показал, что большинство социально-демографических характеристик домохозяйств одинаково влияют как на временную, так и на хроническую остроту бедности. При этом направленность влияния этих факторов на остроту бедности (модели 3–4) совпадает с направленностью их влияния на вероятность хронической бедности индивида (модели 1–2). Основным индикатором бедности в России по-прежнему выступает наличие в семье детей; о том, что семьи с детьми испытывают повышенные риски бедности, свидетельствуют многочисленные исследования (Овчарова, Прокофьева, 2009; Малева, Овчарова, 2010; Горшков, Тихонова, 2014).

В контексте длительной, или хронической бедности, как показывают проведенные расчеты, многодетные и неполные семьи с детьми наиболее уязвимы: они подвержены более высокому риску хронической бедности, несмотря на принятые в последние годы меры их поддержки. Социальные пособия для детей и семей с детьми предоставляются, как правило, в фиксированном размере без учета дефицита доходов семьи. Уровень большинства региональных пособий невысок: средний размер регулярных выплат малоимущим семьям с детьми за счет средств региональных бюджетов в 2019 г., по данным Росстата, составлял лишь 9,3% прожиточного минимума⁸, что не позволяет таким семьям выбраться из бедности. Помимо этого, значимая доля бедных семей с детьми не охвачена социальной поддержкой: в 2018 г., по данным ВНДН Росстата, 14,3% бедных домохозяйств с детьми не получали никаких социальных выплат. Важно увеличить охват мерами поддержки малоимущих семей с детьми, а также размер предоставляемых им пособий и увязать его с дефицитом доходов семьи.

Одним из эффективных инструментов предоставления социальной поддержки выступает механизм социального контракта, применяемый в настоящее время в рамках пилотного проекта по снижению уровня бедности в два раза, реализуемого в субъектах РФ в соответствии с Приказом Минтруда России № 748 от 29 ноября 2018 г. Важно увеличить охват малоимущих семей, в первую очередь семей с детьми, мерами государственной поддержки на основании социального контракта и в рамках выполнения мероприятий программ социальной адаптации усилить взаимодействие центров социальной защиты населения с центрами социального обслуживания, центрами занятости, учреждениями здравоохранения, образования, а также с НКО и волонтерами. Использование таких инструментов, как социальное сопровождение семьи и наставничество при открытии собственного дела, повысит эффективность оказания государственной помощи на основании социального контракта, будет способствовать развитию человеческого капитала, снизит уровень хронической бедности среди уязвимых групп населения.

⁸ Рассчитано по данным стат. бюллетеня Росстата «Реализация мер социальной поддержки отдельных категорий граждан в 2019 году». https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_103/Main.htm

Отметим, что лица, находящиеся в глубокой бедности, а также имеющие серьезные проблемы, такие как алкогольная и наркотическая зависимость, расстройство социального поведения и др., часто не могут выполнить возложенные на них обязательства в рамках социального контракта. В исследовании М. Картера и М. Икегами (Carter, Ikegami, 2009) отмечается, что для поддержания материального положения индивиду необходимы не только достаточные активы, но и определенные способности и целевые ориентиры. Если он не имеет должных устремлений к достижению поставленной цели, ощущает свою беспомощность, то это ограничивает его способность предпринимать действия, направленные на достижение данной цели, а также использовать имеющиеся у него возможности и ресурсы (Duflo, 2012). Кроме того, индивиды с низким уровнем притязаний чаще осуществляют действия, препятствующие их восходящей социально-экономической мобильности, например употребляют алкоголь и наркотики. Поэтому необходимо модифицировать программу государственной социальной помощи на основании социального контракта для лиц, находящихся в глубокой хронической бедности, с учетом увеличения периода их социального сопровождения и объемов предоставляемой им помощи. Оказание комплексной помощи таким семьям должно также включать психологическую помощь с целью обучения позитивному мышлению для решения возникающих проблем.

Вместе с тем уровень хронической бедности зависит не только от объема имеющихся у семьи ресурсов, но и от того, насколько благоприятны для их использования внешние условия. Отсутствие необходимой инфраструктуры и доступа к определенным услугам может существенно ограничивать возможности использования собственных ресурсов семей. Зарубежный опыт показывает (Grosh et al., 2008), что социальные программы могут и не повлиять существенно на снижение хронической бедности, если они реализуются в отсутствие необходимых сервисов, услуг или инфраструктуры. Таким образом, программы социальной поддержки на основании социального контракта должны осуществляться совместно с программами, направленными на развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест с достойной оплатой труда и повышение доступности различных услуг для населения.

* * *

Расчеты на данных панельного обследования населения РМЭЗ НИУ ВШЭ свидетельствуют о существенной мобильности респондентов по доходам в период с 2010 по 2018 г. В разные годы между состояниями «бедность» и «небедность» перемещались от 13 до 18% респондентов. При этом в течение всего рассматриваемого периода почти половина респондентов хотя бы один год из девяти находилась в состоянии бедности. Определив хроническую бедность на основе подхода Евростата, модифицированного применительно к российским условиям, мы получили, что 6% респондентов были хронически бедными в 2010–2018 гг.

Изучение влияния различных факторов на вероятность хронической бедности показало, что ее риски выше среди лиц, проживающих в многодетных, неполных и крайне бедных семьях, в семьях, имеющих в своем составе безработных, а также лиц, часто употребляющих алкоголь, в сельских поселениях. При этом вероятность хронической бедности снижают высокая доля работающих среди взрослых членов семьи и лиц с высшим образованием, наличие и рост числа лиц старше трудоспособного возраста, а также наличие членов семьи, пытавшихся когда-либо открыть собственное дело. Взросление детей тоже снижает вероятность хронической бедности. Из этого состояния при прочих равных условиях крайне бедным семьям выбраться сложнее.

При исследовании факторов остроты хронической бедности выявлено, что они во многом схожи с факторами ее вероятности. Декомпозиция остроты хронической бедности на постоянную и временную составляющие обнаруживает факторы, по-разному влияющие на эти компоненты. Так, взросление детей значительно ослабляет хроническую, но не временную остроту бедности. Ощущение полной несправедливости усиливает хроническую остроту бедности, но не влияет на ее временную компоненту. Сокращение числа лиц старше трудоспособного возраста в домохозяйстве усиливает временную остроту бедности, не оказывая значимого влияния на ее хроническую остроту.

Проведенный анализ позволил сформулировать некоторые рекомендации по уменьшению хронической бедности. В частности, снижению ее рисков могло бы способствовать расширение программы государственной социальной помощи на основании социального контракта для лиц, находящихся в глубокой хронической бедности, при условии увеличения периода их социального сопровождения и объемов предоставляемой им помощи. Оказание комплексной помощи хронически бедным семьям и их социальное сопровождение будут способствовать развитию их человеческого капитала, улучшению материального положения этих семей и ликвидации хронической бедности населения.

Список литературы / References

- Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (ред.) (2014). Бедность и бедные в современной России. М.: Весь мир. [Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds.) (2014). *Poverty and the poor in modern Russia*. Moscow: Ves Mir. (In Russian).]
- Бурдяк А. Я., Попова Д. О. (2007). Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области) // SPERO. № 6. С. 31–56. [Burdyak A. Y., Popova D. O. (2007). Causes of poverty of families with children (Based on a survey of households in the Leningrad region). *SPERO*, No. 6, pp. 31–56. (In Russian).]
- Волчкова Н. А., Кузнецова П. О. (2019). Сколько стоят контрсанкции: анализ благосостояния // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 4, № 3. С. 173–183. [Volchkova N. A., Kuznetsova P. O. (2019). How much do counter-sanctions cost: Well-Being analysis. *Journal of the New Economic Association*, Vol. 4, No. 3, pp. 173–183. (In Russian).] <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-43-3-9>
- Гришина Е. Е. (2018). Различные аспекты бедности семей с детьми // ЭКО. № 3. С. 7–26. [Grishina E. E. (2018). Various aspects of poverty among families with children. *EKO*, No. 3, pp. 7–26. (In Russian).]

- Малева Т. М., Овчарова Л. Н. (ред.) (2010). Социальная поддержка: уроки кризисов и векторы модернизации. М.: Дело. [Maleva T. M., Ovcharova L. N. (eds.) (2010). *Social safety net: Lessons of crises and patterns of modernization*. Moscow: Delo. (In Russian).]
- Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М. (ред.) (2009). Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее М.: ИСЭПН РАН. [Ovcharova L. N., Prokofieva L. M. (eds.) (2009). *Family and children in Russia: Features of modern life and a look into the future*. Moscow: ISEPN RAN. (In Russian).]
- Спрысков Д. С. (2000). Длительная бедность в России (Препринт № BSP/2000/037). М.: РЭШ. [Spryskov D. S. (2000). *Long-term poverty in Russia* (Preprint No. BSP/2000/037). Moscow: NES. (In Russian).]
- Такада Ю. (2005). Временная или хроническая бедность в России? // XX век и сельская Россия (CIRJE Research Report Series, Vol. CIRJE-R-2). Токио: CIRJE. С. 364–391. [Takeda Y. (2005). Temporary or chronic poverty in Russia? In: *XX century and rural Russia* (CIRJE Research Report Series, Vol. CIRJE-R-2). Tokyo: CIRJE, pp. 364–391. (In Russian).]
- Carter M., Ikegami M. (2009). Looking forward: Theory-based measures of chronic poverty and vulnerability. In: T. Addison, D. Hulme, R. Kanbur (eds.). *Poverty dynamics: Interdisciplinary perspectives*. Oxford: Oxford University Press, pp. 128–153.
- Coppola L., Di Laurea D. (2014). Persistent at-risk-of-poverty rate in Italy (2007–2010). *Net-Silc2 Working Paper*, No. 3. Vienna: Statistics Austria.
- Denisova I. (2007). Entry to and exit from poverty in Russia: Evidence from longitudinal data. *NES Working Papers*, No. w0098. Moscow: New Economic School.
- Devicienti F., Gualtieri V., Rossi M. (2010). The dynamics and persistence of poverty: Evidence from Italy. *Carlo Alberto Notebooks*, No. 173.
- Duflo E. (2012). *Human values and the design of the fight against poverty*. Cambridge, MA: Massachusetts Institute of Technology.
- Foster J. (2009). A class of chronic poverty measures. In: T. Addison, D. Hulme, R. Kanbur (eds.). *Poverty dynamics: Interdisciplinary perspectives*. Oxford: Oxford University Press, pp. 59–76.
- Foster J. E., Santos M. E. (2013). Measuring chronic poverty. In: G. Betti, A. Lemmi (eds.). *Poverty and social exclusion: New methods of analysis*. New York: Routledge, pp. 143–165.
- Fourarge D., Layte R. (2005). Welfare regimes and poverty dynamics: The duration and recurrence of poverty spells in Europe. *Journal of Social Policy*, Vol. 34, No. 3, pp. 407–426.
- Gerry C. J., Nivorozhkin E., Rigg J. A. (2008). The great divide. Ruralisation of poverty in Russia. *Cambridge Journal of Economics*, Vol. 32, No. 4, pp. 593–607. <https://doi.org/10.1093/cje/bem052>
- Grosh M., del Ninno C., Tesliuc E., Ouerghi A. (2008). *For protection and promotion*. Washington, DC: World Bank.
- Hulme D., Shepherd A. (2003). Conceptualizing chronic poverty. *World Development*, Vol. 31, No. 3, pp. 403–423. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(02\)00222-X](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(02)00222-X)
- Jalan J., Ravallion M. (1998). *Determinants of transient and chronic poverty: Evidence from rural China*. Washington, DC: World Bank.
- Jalan J., Ravallion M. (2000). Is transient poverty different? Evidence for rural China. *Journal of Development Studies*, Vol. 36, No. 6, pp. 82–99. <https://doi.org/10.1080/00220380008422655>
- McKernan S. M., Ratcliffe C. (2005). Events that trigger poverty entries and exits. *Social Science Quarterly*, Vol. 86, No. s1, pp. 1146–1169. <https://doi.org/10.1111/j.0038-4941.2005.00340.x>
- Mills B. F., Mykerezzi E. (2009). Chronic and transient poverty in the Russian Federation. *Post-Communist Economies*, Vol. 21, No. 3, pp. 283–306. <https://doi.org/10.1080/14631370903090590>
- Van de Ven W. P. M. M., Van Pragg B. M. S. (1981). The demand for deductibles in private health insurance: A probit model with sample selection. *Journal of Econometrics*, Vol. 17, pp. 229–252. [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(81\)90028-2](https://doi.org/10.1016/0304-4076(81)90028-2)

Chronic poverty: What affects its level and severity?

Tatiana M. Maleva, Elena E. Grishina, Aleksandra Y. Burdyak*

Authors affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

*Corresponding author, email: burdyak-ay@ranepa.ru

The study focuses on the chronic or long-term poverty of the Russian population in the 2010s. To estimate the chronic poverty, Eurostat modified definition is applied. The level and factors of chronic poverty are estimated at the balanced panel data of the Russia Longitudinal Monitoring Survey subject to sample attrition effect. The main factors of falling into a long-term poverty trap are the presence of children, unemployment, living in rural areas, and frequent alcohol consumption. The risk of chronic poverty is lower if family members have tried to start their own business. The presence of retirement age persons in the family and children growing up reduce the risk of poverty. Extreme poverty, with all other things being equal, makes it harder for families to escape from chronic poverty. The main factors of chronic poverty severity are similar to those of chronic poverty. Some differences in the effects on chronic and transitory components of poverty severity are identified. It is noted that the increase in the coverage of the chronic poor with multiple deprivations by the conditional cash transfer program with the extended period of support and the increased assistance granted to these persons could contribute to the chronic poverty reduction.

Keywords: chronic poverty, long-term poverty, severity of poverty, human capital.

JEL: I32, I38.

Funding: The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов*

Д. М. Логинов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва, Россия)*

На основе данных мониторинга социального самочувствия населения, реализованного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2015–2019 гг., проанализированы ожидания, оценки и адаптационные стратегии различных групп населения России во второй половине 2010-х годов. Показаны этапы восприятия «новой реальности»: от ожидания быстрого выхода на траекторию позитивного развития к росту алармистских настроений, а затем — к распространению стабилизационного тренда. Выявлены формы адаптационного поведения: наиболее массовой и быстро воспроизводимой стала экономия на всех видах расходов, что привело к снижению уровня и качества жизни разных социальных групп. Однако со временем сформировались и на основе использования человеческого капитала распространились адаптационные практики, связанные с трудовой и финансовой активностью. Проанализированы характеристики и интегральные оценки социального самочувствия населения страны. Полученные данные показывают, что вследствие ограниченного потенциала позитивной социальной динамики возрастают социально-экономические риски, вызванные текущими эпидемиологическими проблемами.

Ключевые слова: население, кризис, социально-экономическая адаптация, адаптационные практики, модели поведения, социально-экономические ресурсы, социально-экономические риски, благосостояние, потребление, занятость.

JEL: E21, I31, Z13.

Логинов Дмитрий Михайлович (loginov-dm@ranepa.ru), к. э. н., с. н. с.
Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Постановка проблемы

Экономический кризис в России в конце 2014 г. был обусловлен сочетанием неблагоприятных внутренних и внешних факторов. При усилении негативных эффектов кризиса и расширении временного горизонта социально-экономического неблагополучия возросла необходимость поиска путей адаптации населения к изменившемуся контексту.

Осознание необходимости и последующая реализация адаптационных стратегий, как правило, происходят под воздействием внешней среды на основе субъективных особенностей ее восприятия. Согласно теории рационального выбора (Schultz, 1974; Berk, 1980; Coleman, 1986; Саймон, 1993; Швери, 1995; Рузавин, 2003), сталкиваясь со снижением уровня благосостояния и рисками нарастания экономической напряженности, представители различных групп населения изменяют целеполагание совершаемых действий, стараясь извлечь максимальную выгоду. С учетом априорной неполноты информации, на основе которой выбирают реализуемые практики (Simon, 1959; Светлова, Ван Элст, 2013), рациональность принимает ограниченный характер. В этом случае роль институтов состоит в создании условий, обеспечивающих поиск и реализацию наиболее эффективных и социально приемлемых стратегий адаптационного поведения, максимизирующих полезность в условиях, когда представления о будущем лишь вероятностные (Шумейкер, 1994).

Концепция социально-экономической адаптации применительно к российским реалиям сформировалась в ходе исследования процессов приспособления к длительным и масштабным преобразованиям 1990-х годов (Гордон, 1994; Заславская, 1995; Тихонова, 1997; Авраимова, 1998). Анализ и осмысление практик, складывающихся под воздействием перемен, позволили выявить комплекс адаптационных ресурсов и формируемых на их основе стратегий, имманентных складывающейся среде (Козырева и др., 2013; Авраимова, Малева, 2015). Исследование, проведенное П. М. Козыревой и А. И. Смирновым на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (Козырева, Смирнов, 2016), обобщило адаптационные практики российского населения в 1998–2014 гг., которые позволили повысить уровень жизни, достичь более высоких стандартов потребления, расширить возможности самореализации.

Кризис, начавшийся в конце 2014 г., вновь сделал актуальной проблематику социально-экономической адаптации. Выходили из этого кризиса, затронувшего все массовые социальные группы, очень медленно (Воронин и др., 2019), а реализация населением эффективных адаптационных практик была существенно затруднена неопределенностью социально-экономического контекста (Козырева, Смирнов, 2018). Оценки населением ситуации в стране в начальной фазе рассматриваемого кризисного цикла были менее тревожными по сравнению с периодами напряженности 1998 и 2009 гг., однако массовый негативный тренд в характеристиках материального благополучия потребовал проанализировать комплекс адаптационных ресурсов населения (Горшков, Тихонова, 2016). В ходе проводимых исследований рассматривались как ресурсный потенциал и шансы его реализации в новых условиях (Горшков, Петухов,

2016; Тихонова, 2018; Авраимова, Логинов, 2018; Каравай, 2019), так и институциональные возможности (Maу, 2016), в том числе особенности российского рынка труда, обеспечивающие высокую гибкость и амортизацию негативных шоков (Гимпельсон и др., 2017).

Сегодня, на пороге нового этапа экономической нестабильности, глубина и масштабность которого пока неочевидны, представляется особенно важным рассмотреть период второй половины 2010-х годов с точки зрения восприятия различными группами населения происходивших изменений и адаптационных практик, реализуемых на основе как индивидуальных, так и институциональных возможностей. Эмпирическую базу анализа составили данные Мониторинга социального самочувствия населения, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в поволновом режиме в 2015–2019 гг.¹

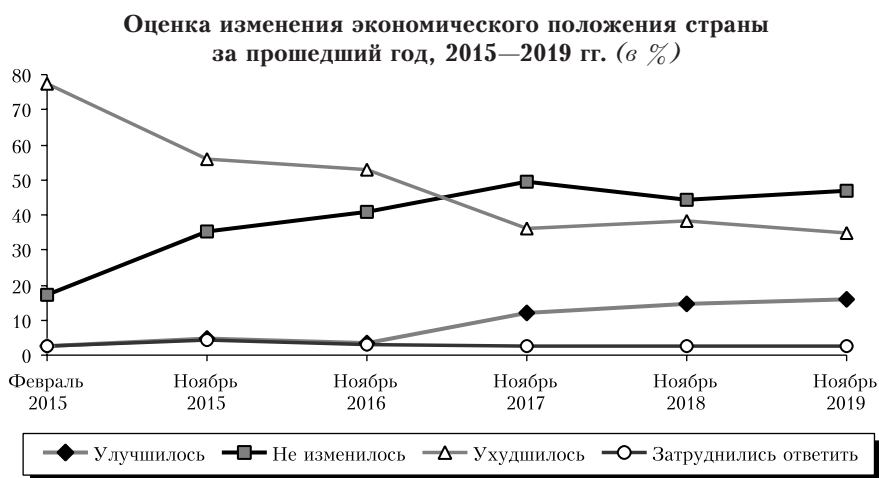
Восприятие макроэкономического контекста

Можно выделить три основных этапа восприятия населением происходящих изменений. В начале 2015 г. большинство населения воспринимало изменение экономической ситуации в стране резко негативно: ухудшение отметили почти $\frac{3}{4}$ респондентов. К концу года драматизм оценок несколько сгладился: вдвое увеличилась доля россиян, посчитавших, что экономическая ситуация стабилизировалась и уже не ухудшится, а численность пессимистов существенно сократилась (продолжая, однако, превышать половину опрошенных). В течение 2017 г. произошла принципиально новая корректировка: самой массовой стала группа, в которой фиксируется стабильность макроэкономической ситуации, а доля отмечающих негативные изменения существенно сократилась — до менее 40% выборочной совокупности. Далее ситуация не менялась до конца 2019 г.: доля отмечающих макроэкономические улучшения плавно возрастала (при этом рост за двухлетний период

¹ Социологический мониторинг реализован в поволновом режиме в период 2015–2019 гг. (всего проведено 38 волн опроса). Объем выборочной совокупности в каждой волне не менее 1600 респондентов, репрезентирующих население России в возрасте 18 лет и старше. Сбор эмпирической информации в ходе каждой волны проходил не менее чем в 130 точках опроса (городских и сельских поселениях), расположенных не менее чем в 49 субъектах РФ. Репрезентативность и сопоставимость социологической информации обеспечивались путем воспроизводства многоступенчатой модели формирования выборочной совокупности. Все первичные единицы отбора (городские населенные пункты и сельские районы) распределялись по субъектам РФ и размеру населенного пункта, образуя 38 страт. Отбор городских населенных пунктов и сельских районов для проведения опроса осуществлен случайным методом с вероятностью, пропорциональной размеру, за исключением вошедших в выборку саморепрезентативных объектов — городов с населением свыше 1 млн человек. В городских населенных пунктах в качестве опросного участка использованы избирательные участки, в сельских районах — деревни и села. Отбор домохозяйств проводился маршрутным систематическим методом с фиксированным шагом для различного типа застройки. Респонденты в домохозяйстве отбирались в соответствии с квотным заданием, включающим поло-возрастные и поло-образовательные квоты, и лично опрашивались в месте проживания путем заполнения формализованного анкетного бланка. Сформированный по итогам каждой волны массив данных взвешен по полу, возрасту, уровню образования и типу населенного пункта. Статистическая погрешность полученных данных при использованном дизайне выборки не превышает 3,4%.

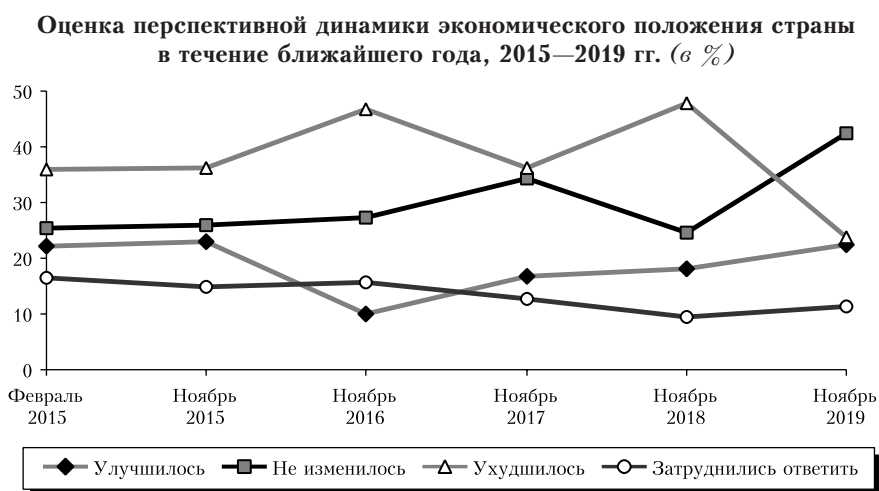
соответствует около 4 п. п., максимальная доля таких ответов — 16%), а доля негативных оценок составляла немногим более $\frac{1}{3}$ (рис. 1).

Если тревожность населения относительно текущей экономической ситуации массово проявилась уже с первых месяцев кризисного периода, то динамика оценок перспектив имела другой характер (рис. 2). В 2015 г. у населения преобладали скорее оптимистические оценки в отношении длительности кризисных явлений. Представительные по численности группы высказывались в пользу либо достаточно быстрых улучшений, либо стабилизации ситуации, а более $\frac{1}{3}$ населения предполагали, что кризис закончится в течение одного-двух лет. Массовых алармистских настроений — представлений о том, что происходит полномасштабный экономический кризис, который затянется не на

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Рис. 1

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Рис. 2

один год, — не было видно. Но постепенно общая тенденция в оценке будущих изменений экономической ситуации менялась: оптимизм в отношении масштабов и длительности кризисных явлений сменялся ростом негативных ожиданий. На протяжении 2016–2018 гг. восприятие макроэкономических перспектив отличалось неоднозначной динамикой; в этот период был достигнут максимум негативных характеристик, когда ухудшения ожидали около половины опрошенных, а улучшения — лишь каждый десятый. В 2019 г. сформировался уверенный стабилизационный тренд: доля ожидающих дальнейшего ухудшения стала устойчиво снижаться, а распространенность ответов, фиксирующих стабилизацию, превысила 40%.

Оценки вектора и длительности макроэкономических изменений входили в определенное противоречие с информацией о том, в какой степени изменения затронули россиян лично. Численность считающих себя неуязвимыми для кризиса на протяжении всего 2015 г. находилась в пределах 10%, при этом доля тех, кого он затронул непосредственно (незначительно или в сильной степени), превышала 70%.

В течение первого кризисного года нарастало воздействие неблагоприятных явлений в социальных группах, которые сначала были менее уязвимыми, — например, молодых и жителей сельских поселений. К ноябрю 2015 г. поселенческие и возрастные различия среди существенно пострадавших от кризиса практически стерлись. Ярко выраженная материальная дифференциация сохранилась, однако стало существенно больше негативных оценок со стороны среднеобеспеченных, и даже среди сравнительно высокодоходных респондентов лишь менее половины смогли назвать себя не пострадавшими от кризиса (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Доля затронутых негативными эффектами кризиса, по возрастным, поселенческим и материальным группам (в %)

Группа населения	Оценка негативного влияния кризиса			
	март 2015 г.		ноябрь 2015 г.	
	незначительно	существенно	незначительно	существенно
В целом	46,9	24,0	44,7	31,1
<i>По типам поселений</i>				
Города от 500 тыс. человек	47,5	24,5	48,1	31,4
Города до 500 тыс. человек	46,5	26,7	45,1	31,0
Сельские поселения	47,0	18,5	40,1	30,9
<i>По возрастным группам</i>				
35 лет и младше	49,0	16,9	44,0	29,5
36–55 лет	49,4	24,9	47,2	31,1
56 лет и старше	41,2	31,3	42,3	32,9
<i>По группам материальной обеспеченности (по самооценке)</i>				
Ниже среднего	38,4	44,0	32,4	53,8
Средний	52,9	17,0	51,3	25,5
Выше среднего	45,1	7,3	49,2	5,7

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Таким образом, уже к концу первого кризисного года негативное влияние макроэкономического контекста проявилось в жизнедеятельности всех групп российского общества. При этом многие надеялись на скоротечность кризиса, но постепенно поняли беспочвенность таких надежд.

Динамика потребительских возможностей

Столкнувшись с ситуацией нестабильности, население было вынуждено уменьшить свою потребительскую активность. Сокращение потребления, массово охватившее все социальные группы, проявилось с первых месяцев и в дальнейшем не ослабевало, что на протяжении всего периода наблюдений подтверждали более 70% опрошенных. Как показывают данные таблицы 2, сокращение потребительских расходов достаточно равномерно затронуло основные поселенческие группы. Представители самой молодой когорты в меньшей степени столкнулись с такой необходимостью, но различия по возрастным группам невелики. Очевидно, что в сравнительно привилегированном положении находились наиболее обеспеченные респонденты, но и они в каждой точке опроса массово фиксировали значимость проблем в сфере потребления.

Т а б л и ц а 2

**Доля сокративших потребительские расходы
по сравнению с докризисным периодом, по возрастным,
поселенческим и материальным группам (в %)**

Группа населения	Доля		
	ноябрь 2015 г.	ноябрь 2017 г.	ноябрь 2019 г.
В целом	75,9	74,3	78,2
<i>По типам поселений</i>			
Города от 500 тыс. человек	75,5	76,0	76,6
Города до 500 тыс. человек	73,9	72,1	76,0
Сельские поселения	79,5	74,7	83,8
<i>По возрастным группам</i>			
35 лет и младше	70,3	66,1	71,8
36–55 лет	75,6	75,8	79,6
56 лет и старше	83,3	80,8	82,7
<i>По группам материальной обеспеченности (по самооценке)</i>			
Ниже среднего	86,8	86,8	91,9
Средний	74,7	77,9	77,7
Выше среднего	58,1	54,1	65,6

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Чтобы определить группы товаров и услуг, потребление которых сократилось в наибольшей степени, необходимо выяснить, что и в каких социальных группах было предметом потребления в докризисный период. Данные таблицы 3 показывают структуру и дифференциацию докризисного потребления.

**Доля населения, потреблявшего группы товаров и услуг
до начала кризиса (в %)**

Группа товаров и услуг	В целом	По группам материальной обеспеченности (по самооценке)			По возрастным группам		
		ниже среднего	средний	выше среднего	35 лет и младше	36–55 лет	56 лет и старше
Определенные/дорогие продукты	65,7	61,7	65,9	72,3	65,9	70,2	58,7
Лекарства	81,2	84,5	80,3	79,1	69,7	83,3	92,6
Медицинские услуги	60,9	59,0	60,0	69,0	54,3	62,2	67,4
Образование	25,5	19,7	26,3	34,3	34,3	29,2	9,6
Развлечения	52,8	44,8	54,8	61,9	71,2	59,2	21,4
Отпуск за границей	23,9	19,5	24,6	29,2	28,4	30,4	9,3
Внутренний туризм	35,8	29,9	37,8	41,2	40,3	42,6	21,1
Добровольное страхование	16,9	14,6	15,6	25,1	18,9	19,9	10,2
Уход за детьми	11,9	12,0	11,8	12,5	14,5	14,4	5,1

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Выделяются потребительские сегменты, актуальные для более 60% респондентов: лекарственные препараты, воспринимаемые как дорогие продукты питания и медицинские услуги. Около половины опрошенных регулярно тратили деньги на развлечения. В следующую группу, характеризующую докризисную потребительскую активность от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ россиян, входили туризм и отдых вне места проживания (внутри страны или за рубежом), а также оплата образовательных услуг. И, наконец, наименее распространенными статьями расходов выступали услуги медицинского страхования и уход за детьми.

Очевидно, что почти для каждой расходной статьи отмечается прямая корреляция с материальной обеспеченностью респондентов, при этом уровень дифференциации несколько различается. Если в отношении приобретения лекарств и услуг по уходу за детьми материальная дифференциация практически не наблюдается (можно предположить, что различия здесь характеризуются объемом затрачиваемых сумм), то применительно к таким статьям расходов, как образовательные услуги, затраты на туризм и отдых, страхование, различия наиболее заметны. Дифференциация по возрастным группам в отношении большинства товаров и услуг явно выражена в пользу более молодых, и в наибольшей степени это проявляется при рассмотрении затрат на образование, развлечения, выездной отдых. Приобретение лекарств и медицинских услуг характерно для более возрастных групп.

Под влиянием экономического кризиса россияне, ранее приобретавшие выделенные группы товаров и услуг, стали полностью или частично отказываться от их потребления. Как свидетельствуют результаты опросов (табл. 4), после массового сокращения платежеспособного спроса в первый кризисный год, к концу 2016 г. нарастала негативная динамика с незначительным адаптационным «отскоком»

**Доля сокративших расходы на потребление групп товаров и услуг
(в % от ранее потреблявших)**

Группа товаров и услуг	Ноябрь 2015 г.	Ноябрь 2016 г.	Ноябрь 2018 г.
Определенные/дорогие продукты	49,2	51,9	58,2
Лекарства	19,4	25,9	21,8
Медицинские услуги	25,3	33,3	30,9
Образование	24,3	36,2	30,3
Развлечения	51,0	57,5	52,4
Отпуск за границей	59,1	61,5	60,8
Внутренний туризм	42,6	49,5	43,8
Добровольное страхование	29,4	31,8	28,2
Уход за детьми	24,5	27,5	26,2

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

в последующие два года. В наибольшей степени экономия отразилась на продуктах питания, то есть товарной группе, в которой для каждой более дорогой позиции существует множество заменителей, а также на выездном отдыхе и развлечениях, которые могут быть в кризисной ситуации как замещены сравнительно дешевыми вариантами, так и отложены на более благополучное время.

Несмотря на дифференциацию в сокращении потребления по группам материальной обеспеченности, даже наиболее успешные не избежали неблагоприятного воздействия изменившейся внешней среды. Так, по некоторым группам расходов доля сокративших потребление превышает $\frac{1}{3}$ опрошенных (табл. 5).

**Доля сокративших расходы на потребление групп товаров и услуг,
по самооценке материальной обеспеченности и возрастным группам,
ноябрь 2018 г. (в % от потреблявших)**

Группа товаров и услуг	В целом	По группам материальной обеспеченности (по самооценке)			По возрастным группам		
		выше среднего	средний	ниже среднего	35 лет и младше	36–55 лет	56 лет и старше
Определенные / дорогие продукты	58,2	36,2	53,8	76,9	50,7	55,9	71,4
Лекарства	21,8	10,3	16,6	34,3	16,4	26,3	21,8
Медицинские услуги	30,9	21,4	24,7	44,5	24,5	35,8	31,7
Образование	30,3	16,7	24,4	50,0	24,9	31,8	47,1
Развлечения	52,4	30,6	47,3	80,1	44,9	57,2	63,6
Отпуск за границей	60,8	38,2	57,9	87,8	57,0	64,6	63,2
Внутренний туризм	43,8	22,5	42,3	61,8	40,2	47,2	44,8
Добровольное страхование	28,2	18,0	23,1	43,1	32,1	29,0	20,5
Уход за детьми	26,2	19,2	13,6	45,9	21,0	33,0	27,0

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Напряженность на рынке труда

Рассмотрим ситуацию в сфере занятости. Уже к концу 2015 г. значительная часть работающих зафиксировала произошедшие или потенциальные события, ухудшающие положение на рынке труда. Случившееся или вероятное снижение размера оплаты труда указали около половины занятых, а потерю работы либо опасение ее потерять — около 40% (табл. 6). В течение следующих лет, по мере институциональной и индивидуальной адаптации к изменившемуся экономическому контексту, ситуация в отношении большинства выделенных позиций постепенно улучшалась. При этом к концу 2019 г. за стабилизацией ситуации не последовало ее существенного улучшения, и напряжение на рынке труда по-прежнему достаточно велико.

Т а б л и ц а 6

Доля ощутивших негативные эффекты и риски в сфере занятости, по субъективной оценке (в % от работающих)

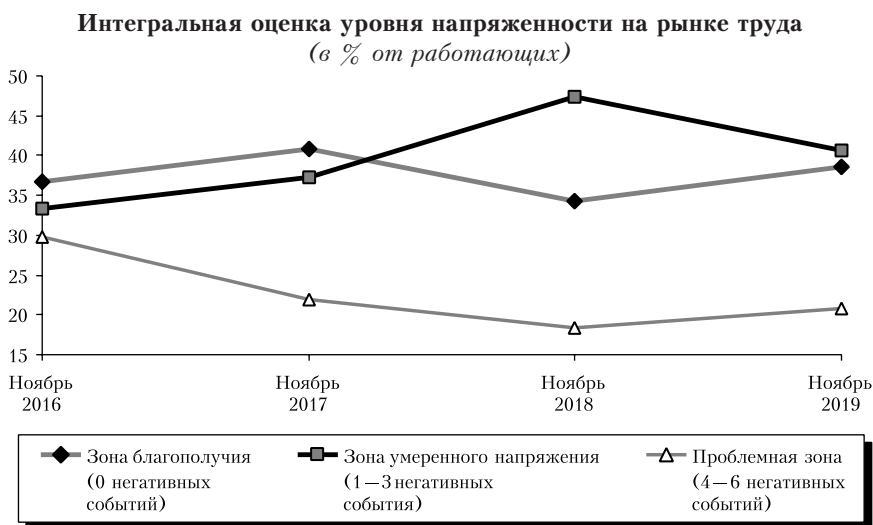
Негативное событие в сфере занятости	Доля опрошенных, столкнувшихся с негативным событием за последний год или видящих риск его возникновения в ближайшее время				
	ноябрь 2015 г.	ноябрь 2016 г.	ноябрь 2017 г.	ноябрь 2018 г.	ноябрь 2019 г.
Потеря работы	38,1	36,0	35,2	35,9	32,1
Снижение заработной платы	48,0	48,9	37,1	41,2	40,0
Сокращение оплачиваемого рабочего времени	28,7	32,3	23,9	24,0	25,8
Уход в неоплачиваемый отпуск	20,8	30,7	23,1	20,7	22,0
Задержки выплаты заработной платы	–*	40,6	33,3	28,4	32,8
Переход к неформальным формам оплаты труда	26,2	26,8	25,4	21,5	24,0

* Вопрос не задавался.

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Интегральная оценка уровня напряженности на рынке труда на основе суммирования количества негативных событий, которые произошли или представляются респондентам вероятными в ближайшем будущем², показана на рисунке 3. В 2015–2016 гг. кризисный фон вызвал распространение проблемной зоны в сфере занятости на 30% работающего населения. Затем эта группа сократилась, составив около 20% работающих. Колебания в пределах наиболее благополучного сегмента рынка труда были существенно меньше, и к концу 2019 г. численность соответствующей группы составляла почти 40% опрошенных.

² Интегральная оценка получена путем суммирования количества негативных событий в сфере занятости (потеря работы, снижение заработной платы, сокращение оплачиваемого рабочего времени, уход в неоплачиваемый отпуск, задержки выплаты заработной платы, переход к неформальным формам оплаты труда), которые произошли в течение предшествующего опросу года или могут, по оценке респондента, произойти в ближайшем будущем. Зона благополучия — отсутствие соответствующих событий, зона умеренного напряжения — 1–3 события, проблемная зона — 4–6 событий.

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Рис. 3

Важно определить масштабы дифференциации групп населения, отметивших напряженность в трудовой сфере. Рассмотрим эту ситуацию в «точке максимальной стабилизации» — ноябре 2019 г.

Женщины, чаще представляющие бюджетные и сравнительно низкооплачиваемые сферы занятости, чувствовали себя несколько более защищенными: в наиболее стабильных сегментах рынка труда, где отсутствуют негативные эффекты и риски их возникновения, находились 42% женщин и 36% мужчин.

Значимым фактором смягчения остроты проблем в сфере занятости было наличие профессионального образования. Структура рынка труда и массовость получения высшего образования сгладили различия между имеющими высшее и среднее профессиональное образование: в каждой из этих групп в проблемную зону были включены около 18% работающих. При этом среди тех, у кого профессиональное образование отсутствует, соответствующая зона расширилась до более чем 29%.

С возрастом риски занятости нарастают, однако различия по возрастным группам не очень велики (табл. 7).

Рынки труда городов, особенно крупных, заметно расширяют возможности эффективной занятости. Как показывают данные таблицы 8, разница в наполненности полярных групп (благополучной и проблемной) в крупных городах составляла 26 п. п., в средних и малых — 17 п. п., а в сельских поселениях — лишь 7 п. п.

Под воздействием кризисных экономических явлений второй половины 2010-х годов напряженность как в сфере потребления, так и в сфере занятости стала более заметной. Сравнительно высокая ресурсная обеспеченность и проживание в крупных городах позволили сгладить негативное воздействие кризиса, однако не выявлено ни одной массовой социальной группы, представители которой смогли бы прожить это время без существенных потерь.

Т а б л и ц а 7

**Интегральная оценка уровня напряженности на рынке труда,
по возрастным группам, ноябрь 2019 г. (в % от работающих, по строке)**

Возрастная группа	Интегральная оценка уровня напряженности на рынке труда		
	зона благополучия	зона умеренного напряжения	проблемная зона
18–29 лет	41,1	41,6	17,3
30–39 лет	40,0	40,7	19,3
40–49 лет	36,2	41,2	22,6
50 лет и старше	37,5	39,1	23,4
В целом	38,5	40,7	20,8

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Т а б л и ц а 8

**Интегральная оценка уровня напряженности на рынке труда,
по поселенческим группам, ноябрь 2019 г. (в % от работающих, по строке)**

Поселенческая группа	Интегральная оценка уровня напряженности на рынке труда		
	зона благополучия	зона умеренного напряжения	проблемная зона
Города 500 тыс. человек и более	43,5	38,8	17,7
Города менее 500 тыс. человек	37,6	42,1	20,3
Сельские поселения	33,3	40,5	26,2
В целом	38,5	40,7	20,8

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Адаптационные практики

Как мы уже отмечали, в начале кризиса большая часть населения предполагала, что период экономического неблагополучия продлится недолго, и массовых ожиданий того, что кризис затянется на несколько лет и потребует существенных изменений жизненных стратегий, не наблюдалось. Подобное восприятие обусловлено сохранением сложившихся к середине 2010-х годов моделей социально-экономического поведения, и сначала доминирующей формой адаптации выступала пассивная, основанная на потребительской экономии. В последующие годы, по мере нарастания экономического неблагополучия, различные социальные группы столкнулись с необходимостью формировать массовые адаптационные практики. Спектр возможных адаптационных стратегий достаточно широк и включает сферы жизнедеятельности, связанные с экономической, социальной и демографической активностью. В данной работе рассмотрены адаптационные практики прямого действия, которые к концу 2018 г. образовали следующую структуру:

– *активизация трудовых стратегий*, включающая успешный поиск работы (основной либо дополнительной) и/или приработков, – 25,4% респондентов;

– активизация финансовых стратегий, возможными составляющими которых выступают формирование сбережений, приобретение валюты, покупка ценных бумаг и т. п., – 21,9%;

– активизация стратегии использования личного подсобного хозяйства (ЛПХ), предполагающая либо первичное обращение к этому ресурсному источнику, либо увеличение активности его использования, – 29,1%;

– ни одной из выделенных выше практик не осуществлялось – 44,6%.

Более половины населения в течение трех кризисных лет посчитали необходимым и смогли реализовать одну или несколько выделенных адаптационных практик. Обращение к ним различается по поселенческому, возрастным, гендерным и образовательным группам (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

**Адаптационные практики различных групп населения,
ноябрь 2018 г. (в %)**

Группа населения	Форма адаптационных практик			
	трудовые	финансовые	активизация ЛПХ	отсутствуют
В целом	24,5	21,9	29,1	44,6
<i>По типам поселений</i>				
Города 500 тыс. человек и более	24,2	24,1	22,7	47,6
Города менее 500 тыс. человек	24,7	23,6	28,6	44,0
Сельские поселения	28,1	16,4	38,0	41,9
<i>По возрастным группам</i>				
35 лет и младше	35,0	29,9	22,5	39,8
36–55 лет	26,2	19,4	33,4	42,8
56 лет и старше	5,4	14,9	28,3	59,3
<i>По гендерным группам</i>				
Мужчины	27,2	24,8	25,0	44,8
Женщины	24,1	19,6	32,5	44,5
<i>По уровню образования</i>				
Без профессионального образования	20,3	17,2	29,1	48,7
Со средним (начальным) профессиональным образованием	27,5	21,0	31,5	41,8
С высшим образованием	28,2	28,2	25,9	43,8

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Проживание в различных типах населенных пунктов значительно повлияло на уровень актуализации финансовых стратегий и практик, связанных с использованием ЛПХ. В первом случае выделялись сельские поселения, в которых такие формы поведения характеризовали вдвое меньшую группу по сравнению с городскими, и размер города при этом практически не важен. Во втором случае с переходом к каждой последующей поселенческой группе популярность использования ЛПХ росла, ожидаемо достигая максимума в сельских поселениях.

Адаптационное поведение трех укрупненных возрастных групп различалось, и с возрастом явно снижаются возможности реализовать активные адаптационные практики, к которым мы относим трудовые и финансовые. Для молодежи в большей мере были характерны вовлеченность в финансовые стратегии и активная позиция на рынке труда — соответственно 30 и 35% данной возрастной когорты. Среднее поколение максимизировало использование ЛПХ и активно включалось в трудовые и финансовые практики. Возможности представителей старших возрастов в финансовой и особенно трудовой сферах объективно ограничены, и в данной группе отмечалась максимальная доля тех, у кого адаптационные практики отсутствуют.

Гендерная асимметрия в адаптационном поведении наиболее сильно проявилась в отношении финансовых стратегий, в большей степени реализуемых мужчинами, и активности использования ЛПХ, что чаще характеризовало женщин. Отметим, что активность на рынке труда, более характерная для мужчин, была распределена между гендерными группами более равномерно, различия составляли лишь 3 п. п.

Уровень образования заметно повлиял на использование финансовых практик: чем выше образовательный потенциал, тем чаще использовался этот вид адаптации. Среди имеющих диплом вуза оказалось больше и тех, кто реализовал трудовые адаптационные стратегии. При этом использование ЛПХ зависело от образования незначительно — к этому виду деятельности обращались более ¼ представителей всех выделенных групп.

Распространение активных форм адаптационного поведения помогло сгладить последствия экономической нестабильности. Как показывают данные таблицы 10, около 20% имевших возможность реализовать финансовые практики отметили позитивную динамику материальной обеспеченности, такого же результата достигли 15% тех, кто активно действовал на рынке труда. Интенсивное использование ЛПХ — стратегия, в лучшем случае расширяющая возможности сохранить достигнутый уровень материальной обеспеченности, и материальные достижения респондентов, реализующих эту форму адаптации, были практически такими же, как при отсутствии ка-

Т а б л и ц а 10

Субъективная оценка динамики материальной обеспеченности за прошедший год, по группам адаптационного поведения, ноябрь 2018 г. (в % от давших значимый ответ, по строке)

Форма адаптационных практик	Динамика материальной обеспеченности, по самооценке		
	улучшилась	не изменилась	ухудшилась
Трудовые	15,3	42,4	42,3
Финансовые	18,8	52,8	28,4
Активизация использования ЛПХ	8,1	50,7	41,2
Отсутствуют	5,0	56,2	38,8
В целом	9,4	51,5	39,1

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

ких-либо адаптационных практик. Отметим, что вне зависимости от адаптационных стратегий динамика материальной обеспеченности имела ярко выраженный негативный характер, который не удавалось преодолеть даже представителям группы наиболее успешных — тем, кто сумел реализовать наиболее дефицитные и продуктивные усилия в сфере финансов.

Активно действуя на рынке труда, что включает смену работы или поиск новых источников заработка, респонденты демонстрировали значительный оптимизм относительно возможности повысить уровень своей материальной обеспеченности. Финансовые практики при этом представляются менее перспективными, а оценки максимизировавших использование ЛПХ вновь очень близки к тем, которые характеризовали респондентов, не предпринявших специальных адаптационных усилий (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Представления о перспективной динамике материальной обеспеченности в ближайший год, по группам адаптационного поведения, ноябрь 2018 г.
(в % от давших значимый ответ, по строке)

Форма адаптационных практик	Перспективная динамика материальной обеспеченности, по самооценке		
	улучшится	не изменится	ухудшится
Трудовые	34,3	40,6	25,1
Финансовые	28,2	48,0	23,8
Активизация ЛПХ	21,8	49,2	29,0
Отсутствуют	17,1	54,8	28,1
В целом	22,2	49,8	28,0

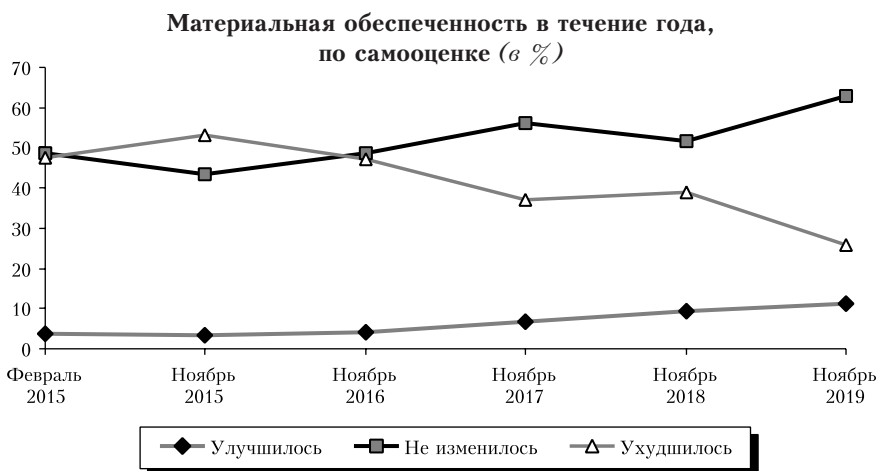
Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

На исходе четвертого года экономической нестабильности массовые группы населения смогли реализовать потенциал адаптационных практик. Усилия и возможности на рынке труда, а также в финансовой сфере сформировали достаточно ликвидные адаптационные ресурсы, но условия макроэкономического контекста определили кризисный характер адаптации и ограничили возможности не только улучшения, но и сохранения достигнутых ранее материальных позиций.

Потребительское благополучие

В конце 2019 г. в целом завершился период адаптации населения к изменившемуся во второй половине 2010-х годов социально-экономическому контексту. К этому времени социальное самочувствие населения заметно улучшилось, а доля тех, кто отмечал негативную динамику материальной обеспеченности, сократилась до чуть более $\frac{1}{4}$ (рис. 4).

На основе комбинации ответов респондентов на вопросы об их текущих потребительских возможностях и представлениях о пер-

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Рис. 4

спективах динамики материального статуса в течение ближайшего года мы классифицировали население по критерию потребительского благополучия.

1. *Зона бедности* (20,9%): группа респондентов, материальные возможности которых предполагают проблемы при приобретении более чем необходимого набора базовых продуктов питания.

2. *Зона потребительского риска* (39,2%): текущие доходы позволяют обеспечить нормальное питание и комплекты повседневной одежды, но покупка предметов длительного пользования (срок использования которых объективно ограничен) вызывает сложности. Перспективы повышения материального статуса при этом отсутствуют, что делает эту группу населения уязвимой с точки зрения как внутренних рисков для домохозяйства (например, дополнительных расходов в случае необходимости ремонта или замены части имущества), так и внешних рисков нового этапа экономической нестабильности.

3. *Зона перспектив* (9,9%): текущие доходы позволяют обеспечить нормальное питание и комплекты повседневной одежды. Покупка предметов длительного пользования в настоящее время вызывает сложности, но респонденты ожидают повышения уровня материальной обеспеченности.

4. *Зона относительного потребительского комфорта* (20,0%): есть возможность приобретать товары длительного пользования, при этом перспективы повышения доходов, по субъективной оценке, отсутствуют.

5. *Зона благополучия и развития* (10,0%): есть возможность приобретать товары длительного пользования, дополненная видением перспектив повышения материального статуса.

Оценка потребительских возможностей зависит от типа поселения, в котором проживают респонденты: чем крупнее населенный пункт, тем вероятнее вхождение в относительно благополучные группы

**Уровень потребительского благополучия,
по поселенческим группам, ноябрь 2019 г. (в % по строке)**

Поселенческая группа	Уровень потребительского благополучия				
	зона бедности	зона риска	зона перспектив	зона комфорта	зона развития
Города 500 тыс. человек и более	16,1	38,6	10,4	26,6	8,3
Города менее 500 тыс. человек	22,7	35,8	11,0	20,0	10,5
Сельские поселения	24,2	45,9	7,4	11,4	11,1
В целом	20,9	39,2	9,9	20,0	10,0

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

(табл. 12). Так, суммарная наполненность зоны комфорта и зоны развития в крупных городах составляла 35%, в небольших — 30,5%, а в сельских поселениях — 22,5%. В то же время зона бедности в большей степени была распространена на селе и в минимальной — в городах с большим числом жителей.

Накопленный образовательный потенциал, как свидетельствуют данные таблицы 13, существенно расширяет возможности обеспечить приемлемые адаптационные результаты.

**Уровень потребительского благополучия,
по образовательным группам, ноябрь 2019 г. (в % по строке)**

Образовательная группа	Уровень потребительского благополучия				
	зона бедности	зона риска	зона перспектив	зона комфорта	зона развития
Без профессионального образования	31,8	36,8	9,2	14,3	7,9
Со средним (начальным) профессиональным образованием	19,1	43,1	8,9	18,9	10,0
С высшим образованием	11,7	36,7	11,9	27,8	11,9
В целом	20,9	39,2	9,9	20,0	10,0

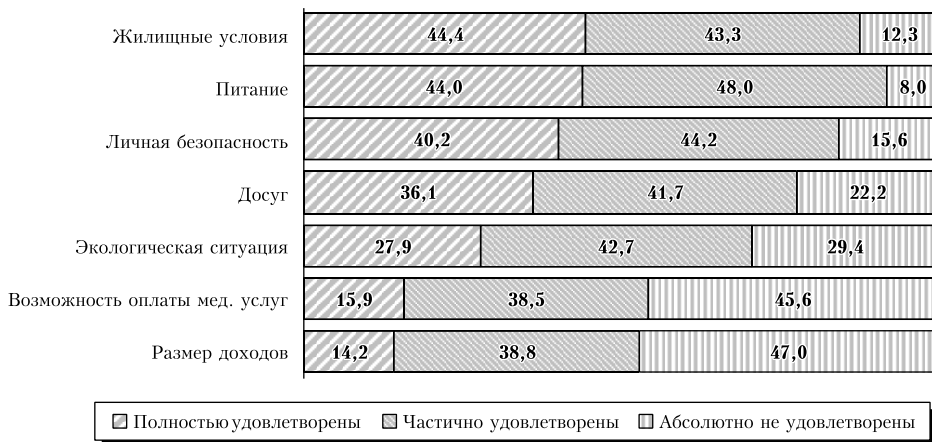
Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

В зону бедности были включены около $\frac{1}{3}$ респондентов, не имеющих профессионального образования, а среди обладателей диплома вуза таких лишь 12%. Если различия между имеющими высшее и среднее профессиональное образование по критерию вхождения в зону развития невелики, то в зоне потребительского комфорта существенно больше тех, кто имеет наивысший уровень подготовки.

Социальное самочувствие населения

Рассмотрим достигнутые к окончанию адаптационного периода параметры социального самочувствия населения. Уровень удовлетворенности различными сторонами жизни, включающими как

**Оценка параметров социального самочувствия,
ноябрь 2019 г. (в %)**

Источник: расчеты автора по данным Мониторинга социального самочувствия населения РАНХиГС.

Рис. 5

материальные, так и нематериальные параметры, представлен на рисунке 5.

Наибольшие по численности группы населения относительно высоко оценили собственную возможность приобретать продукты питания и уровень жилищной обеспеченности: этими параметрами более чем удовлетворено больше 40% опрошенных, а распространенность соответствующих негативных оценок минимальна. В отношении личной безопасности и возможностей проводить досуг уровень тревоги и негатива составляет порядка 16–22%. Восприятие экологической ситуации незначительно смещено в сторону негативных оценок, их дали почти 30% опрошенных. Наибольшая напряженность наблюдается в сфере доходов, а также применительно к возможности оплаты медицинских услуг.

Интегральную оценку социального самочувствия населения³ иллюстрирует следующее распределение:

- высокий уровень социального самочувствия (12–14 баллов) – 13,7%;
- уровень социального самочувствия выше среднего (9–11 баллов) – 22,2%;
- средний уровень (6–8 баллов) – 31,1%;
- уровень социального самочувствия ниже среднего (3–5 баллов) – 25,4%;
- низкий уровень социального самочувствия (0–2 балла) – 7,6%.

Наиболее заметна дифференциация в оценках представителей разных доходных групп. Так, среди наиболее обеспеченных выбравшие

³ Каждому параметру социального самочувствия присвоены балльные значения в зависимости от оценок удовлетворенности респондентов: «полностью удовлетворены» – 2 балла; «скорее удовлетворены» – 1 балл; «абсолютно не удовлетворены» – 0.

две верхние позиции оценочной шкалы в сумме составили 65%. При этом отметим следующие проблемы. Во-первых, количество сравнительно высокообеспеченных невелико (немного превышает 15% выборочной совокупности), что иллюстрирует ограниченность группы населения с высокими показателями социальной удовлетворенности. Во-вторых, уровень дифференциации между доходными группами значительный: различия между высоко- и среднедоходными группами с точки зрения социального самочувствия выше среднего и высокого составляют 19 п. п. (56 и 37% соответственно).

Гендерные различия в интегральной оценке удовлетворенности различными сторонами жизни заметны, хотя и не слишком велики: высокий уровень социального самочувствия отмечен у 16% мужчин и 12% женщин, уровень выше среднего — соответственно 25 и 20%. Возрастные различия более существенны: наиболее высокий уровень социальной удовлетворенности у представителей молодежной когорты, среди которых доля подобных оценок составляет 20%, что на 8–10 п. п. выше, чем в более старших когортах.

* * *

Подведем некоторые итоги. Восприятие населением макроэкономического контекста второй половины 2010-х годов к концу 2019 г. претерпело существенные изменения. К этому времени большинство воспринимало ситуацию уже не как кризисную, а скорее как длительно-стагнационную. Результаты адаптационных усилий, предпринятых массовыми группами населения, позволили сгладить негативные эффекты кризиса и добиться позитивных результатов, которые носят частично-восстановительный характер. В результате распространенность алармистских настроений по сравнению с острой фазой кризисного периода существенно снизилась, но оптимизм проявляли лишь небольшие группы населения. Негативные ожидания в отношении снижения уровня благосостояния по-прежнему широко распространены.

К тем, кто пострадал от кризиса наиболее сильно, относятся социальные группы с ограниченным человеческим потенциалом. Вместе с тем индивидуальные и семейные вложения в человеческий капитал снизились, поскольку в кризисный период большинство населения столкнулось с необходимостью снижать расходы, что повлекло сокращение инвестиций в человеческий капитал даже в относительно успешных социальных группах.

Глубина негативных последствий, вызванных развитием эпидемиологического кризиса в 2020 г., пока не до конца понятна. Но очевидно, что в этой ситуации обостряются проблемы социально-экономического неблагополучия различных групп населения. Исчерпание ресурсного потенциала домохозяйств в период экономической нестабильности и ограниченность массовых стратегий вертикальной мобильности ставят под сомнение возможности эффективного социального развития в ближайшие годы.

Список литературы / References

- Авраамова Е. М. (1998). Время перемен: социально-экономическая адаптация населения. М.: ИСЭПН РАН. [Avraamova E. M. (1998). *Time of changes: Socio-economic adaptation of the population*. Moscow: ISEPN RAN. (In Russian).]
- Авраамова Е. М., Логинов Д. М. (2018). Адаптация населения к «новой экономической реальности» // ЭКО. № 6. С. 86–102. [Avraamova E. M., Loginov D. M. (2018). Adaptation of the population to the “New Economic Reality”. *EKO*, No. 6, pp. 86–102. (In Russian).] <http://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2018-6-86-102>
- Авраамова Е. М., Малева Т. М. (2015). Социальные ресурсы населения в условиях потери экономической стабильности // Вопросы экономики. № 11. С. 86–99. [Avraamova E. M., Maleva T. M. (2015). Social recourses of the population under conditions of losing economic stability. *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 86–99. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-86-99>
- Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О. (2019). Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994–2017 гг. // Вестник Российского мониторинга Экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 9. С. 7–107. [Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O. (2019). Socio-economic behavior of Russian households in 1994–2017. *Bulletin RLMS-HSE*, Iss. 9, pp. 7–107. (In Russian).] <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2038-3>
- Гимпельсон В., Капелюшников Р., Рошин С. (ред.) (2017). Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Доклад Центра трудовых исследований и Лаборатории исследований рынка труда. М.: ЦСР, НИУ ВШЭ. [Gimpelson V., Kapeliushnikov R., Roshchin S. (eds.) (2017). *The Russian labor market: Trends, institutions, and structural changes*. Report of the Center for Labor Research and Labor Market Research Laboratory. Moscow: CSR and HSE University. (In Russian).]
- Гордон Л. А. (1994). Социальная адаптация в современных условиях // Социологические исследования. № 8–9. С. 3–15. [Gordon L. A. (1994). Social adaptation in modern conditions. *Sociologicheskie Issledovaniya*, No. 8–9, pp. 3–15. (In Russian).]
- Горшков М. К., Петухов В. В. (ред.) (2016). Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая. М.: Весь мир. [Gorshkov M. K., Petukhov V. V. (eds.) (2016). *Russian society and challenges of the time*. Book IV. Moscow: Ves Mir. (In Russian).]
- Горшков М. К., Тихонова Н. Е. (ред.) (2016). Российское общество и вызовы времени. Книга третья. М.: Весь мир. [Gorshkov M. K., Tikhonova N. E. (eds.) (2016). *Russian society and challenges of the time*. Book III. Moscow: Ves Mir. (In Russian).]
- Заславская Т. И. (1995). Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. № 3. С. 5–21. [Zaslavskaya T. I. (1995). Social mechanism of transformation of the Russian society. *Sociologicheskii Zhurnal*, No. 3, pp. 5–21. (In Russian).]
- Каравай А. В. (2019). Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. Т. 17, № 3. С. 128–145. [Karavay A. V. (2019). Basic models of socio-economic adaptation in different strata of Russian society. *Terra Economicus*, Vol. 17, No. 3, pp. 128–145. (In Russian).] <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-128-145>
- Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. (2013). Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф. [Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2013). *Resources and practices of socio-economic adaptation of the Russian population*. Moscow: Noviy Chronograph. (In Russian).]

- Козырева П. М., Смирнов А. И. (2016). Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 14 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф. С. 133–171. [Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2016). Features and trends of adaptation of Russians to changing conditions in the post-Soviet period. In: M. K. Gorshkov (ed.). *Russia reforming: Yearbook*, Iss. 14, pp. 133–171. Moscow: Noviy Chronograph. (In Russian).]
- Козырева П. М., Смирнов А. И. (2018). Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. № 6. С. 66–78. [Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2018). Life in an uncertain crisis society: Experience and expectations. *Sociologicheskie Issledovaniya*, No. 6, pp. 66–78. (In Russian).] <https://doi.org/10.7868/S0132162518060065>
- Май В. (2016). Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. № 2. С. 5–33. [Mau V. (2016). Anti-crisis measures or structural reforms: Russia's economic policy in 2015. *Voprosy Ekonomiki*, No. 2, pp. 5–33. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-2-5-33>
- Рузавин Г. (2003). К проблеме рационального выбора в экономике и других общественных науках // Вопросы экономики. № 8. С. 102–116. [Ruzavin G. (2003). On the problem of rational choice in economics and other social sciences. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 102–116. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2003-8-102-116>
- Саймон Г. А. (1993). Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. № 3. С. 16–38. [Simon H. A. (1993). Rationality as a process and as a product of thought. *THESIS*, No. 3, pp. 16–38. (In Russian).]
- Светлова Е., Ван Элст Х. (2013). Феномен неполного знания будущего в экономической теории // Вопросы экономики. № 8. С. 82–105. [Svetlova E., Van Elst H. (2013). How is non-knowledge represented in economic theory? *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 82–105. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2013-8-82-105>
- Тихонова Н. Е. (1997). Динамика социальной стратификации в постсоветском обществе // Общественные науки и современность. № 5. С. 5–14. [Tikhonova N. E. (1997). Dynamics of social stratification in the post-Soviet society. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 5, pp. 5–14. (In Russian).]
- Тихонова Н. Е. (2018). Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. № 6. С. 53–65. [Tikhonova N. E. (2018). Stratification by life chances of mass strata of modern Russian society. *Sociologicheskie Issledovaniya*, No. 6, pp. 53–65. (In Russian).] <https://doi.org/10.7868/S0132162518060053>
- Швери Р. (1995). Теория рационального выбора: аналитический обзор // Социологические исследования. № 2. С. 43–57. [Shveri R. (1995). Rational choice theory: An analytical review. *Sociologicheskie Issledovaniya*, No. 2, pp. 43–57. (In Russian).]
- Шумейкер П. (1994). Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // THESIS. Вып. 5. С. 29–80. [Shoemaker P. (1994). Model of expected utility: Varieties, approaches, results and limits of possibilities. *THESIS*, Iss. 5, pp. 29–80. (In Russian).]
- Berk R. A. (1980). The new home economics: An agenda for sociological research. In: S. F. Berk (ed.). *Women and household labor*. Beverly Hills, CA: Sage, pp. 113–148.
- Coleman J. S. (1986). Social theory, social research, and a theory of action. *American Journal of Sociology*, Vol. 91, No. 6, pp. 1309–1335. <https://doi.org/10.1086/228423>
- Schultz T. W. (ed.) (1974). Marriage, family human capital, and fertility. *Journal of Political Economy*, Vol. 82, No. 2, Part 2. Chicago: University of Chicago Press.
- Simon H. (1959). Theories of decision-making in economics and behavioral science. *American Economic Review*, Vol. 49, No. 3, pp. 253–283.

How the Russian population went through the crisis of the second half of the 2010s

Dmitry M. Loginov

Author affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). Email: loginov-dm@ranepa.ru

Basing on the data of the population social well-being monitoring, held by the Institute of Social Analysis and Forecasting of RANEPA in the period from 2015 to 2019, expectations, evaluations, adaptive strategies and results of various population groups in the second half of the 2010s have been analyzed. The stages of “new reality” perception are shown – from expectations of quick escape to the trajectory of positive development to the growth of alarmist moods and then to distribution of stabilizing trend by the second half of 2019. The new forms of adaptive behavior are revealed, the most widespread and rapidly reproducible of which is reducing all types of expenses that led to decrease in the level and quality of life of various social groups. However, over time, the adaptive practices associated with labor and financial activity have been developed and spread basing on use of human capital. The characteristics and integral estimations of the country population social well-being have been analyzed. The data show that the scarcity of the positive social dynamics’ capacity actualizes the socio-economic risks caused by the unfavorable situation with the virus.

Keywords: population, crisis, socio-economic adaptation, adaptive practices, behavior models, socio-economic resources, socio-economic risks, welfare, consumption, employment.

JEL: E21, I31, Z13.

Funding: The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Влияние регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России

П. Н. Павлов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)*

В работе исследуется влияние федеральной регуляторной нагрузки на динамику бедности в России. Для субъектов Российской Федерации по данным за 2008–2018 гг. были рассчитаны индексы федеральной регуляторной нагрузки на экономику с учетом отраслевой структуры выпуска (валового регионального продукта) и уровня регуляторной жесткости федеральных нормативно-правовых актов, применяемых в отношении видов экономической деятельности. Оценки эмпирических спецификаций теоретической модели для уровня бедности с включением макроэкономических и институциональных факторов показывают, что упорядочение нормотворческой активности и ограничение регуляторной жесткости вновь принимаемых федеральными органами власти нормативных актов способствуют статистически значимому снижению уровня бедности в российских регионах. Упразднение 10% требований, имеющихся в российской нормативной базе федерального уровня, в рамках «регуляторной гильотины» может способствовать выходу из состояния бедности порядка 1,1–1,4 млн человек.

Ключевые слова: уровень бедности, нормотворческая активность, индекс федеральной регуляторной нагрузки, регионы, регуляторная гильотина.

JEL: I32, K20, R10.

Указом Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» поставлена цель снизить уровень бедности в два раза¹. На фоне пандемии COVID-19 во многих

Павлов Павел Николаевич (pavlov@ranepa.ru), с. н. с. лаборатории системного анализа отраслевых рынков Института прикладных экономических исследований РАНХиГС.

¹ По сравнению с уровнем 2017 г. См. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.».

странах и в России в том числе наблюдаются сокращение продолжительности рабочего времени, перевод занятых на удаленную работу и в неоплачиваемые отпуска, существенный рост уровня безработицы. Все это ведет к снижению реальных располагаемых доходов граждан и повышает сложность и актуальность проблемы бедности в России.

В современных исследованиях, включая и работы NBER, указывается на чувствительность отдельных показателей социально-экономической динамики к уровню регуляторной жесткости нормативно-правовой базы государства (Gordon et al., 2019; Chambers et al., 2019; Ellig, McLaughlin, 2016; Bailey, Thomas, 2017; Gutiérrez, Philippon, 2017, 2019)². Исследователи отмечают отдельные механизмы, посредством которых регуляторная нагрузка может влиять на уровень бедности (Chambers et al., 2019). Во-первых, предполагается, что чем жестче государственное регулирование экономики, тем сложнее входить на рынок предпринимателям (ИП, МСП), поскольку регулирование формирует определенные барьеры входа. Во-вторых, детализированные нормы и правила, задающие требования к профессиональным навыкам и подготовке, ограничивают вход в отдельные высокооплачиваемые профессии для индивидов с низким уровнем человеческого капитала. Таким образом, повышение регуляторной нагрузки, при прочих равных, может вести к росту уровня бедности.

На современном этапе теоретические и эмпирические модели определения уровня бедности включают как хорошо известные и описанные в литературе классические факторы (доходы на душу населения, показатели концентрации доходов) (Ravallion, Chen, 1997; Adams, 2004), так и экспериментальные факторы, такие как показатели регуляторной нагрузки, детализации и регуляторной жесткости нормативно-правовой базы (Chambers et al., 2019).

Проблема бедности в России привлекает внимание многих исследователей (Овчарова, Горина, 2017; Ovcharova, Viryukova, 2018; Шилкина, 2019; Лившиц, 2017). В отличие от предыдущих работ, где содержательное объяснение и математическое моделирование динамики бедности в России проводилось с использованием преимущественно микроэкономических факторов (см., например: Слободенюк, Аникин, 2018; Горшков и др., 2013; Кузьминов, Овчарова, 2019), в данной работе динамика бедности будет моделироваться с использованием макроэкономических и институциональных факторов, в том числе будет оценено влияние уровня регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России. Это особенно актуально в контексте объявленной реформы по сокращению регуляторной нагрузки на экономику («регуляторной гильотины»). По результатам оценки эконометрической модели для уровня бедности с включением классических факторов бедности (показатели доходов и их распределения) и экспериментальных факторов (регуляторная нагрузка на региональную экономику, зависящая от уровня детализации и жесткости действующей нормативной базы) можно будет оценить потенциальное воздействие «регуляторной гильотины» на уровень бедности в России.

² Обзор взаимосвязи показателей нормотворческой активности государственных институтов и показателей социально-экономической динамики см. в работе: Павлов, 2019а.

Показатели нормотворческой активности в системе индикаторов государственного вмешательства в экономику

В традиционных подходах к измерению уровня государственного вмешательства в экономику используются следующие показатели: величина относительных размеров государства (доля госрасходов в ВВП, доля госзакупок в ВВП, масштабы общественного сектора, измеряемые по численности занятых, доле общественного сектора в ВВП³); уровень перераспределительной активности государства (доля налогов в ВВП, доля трансфертов в объеме расходов бюджета)⁴; вклад госкомпаний и компаний с госучастием в выпуск отраслей экономики (и экономики в целом)⁵; уровень качества государственных услуг, уровень трансакционных издержек, обусловленных наличием административных барьеров⁶.

Индикаторы *нормотворческой активности* исследователи-экономисты разрабатывают сравнительно недавно, в целом они позволяют дополнить традиционные подходы к измерению уровня государственного вмешательства в экономику. Нормотворческая активность институтов государственной власти измеряется преимущественно с использованием двух типов показателей (Павлов, 2019а):

– показатели уровня детализации нормативной базы, предполагающие оценку объемов документов: количество страниц, количество печатных знаков (или килобайт текстовой информации) законов, приказов, указов, постановлений и распоряжений, других типов документов (Mulligan, Shleifer, 2005; Dawson, Seater, 2013; Gordon et al., 2019);

– показатели уровня регуляторной жесткости нормативной базы, которые рассчитываются с использованием методов статистико-лингвистического анализа документов органов государственной власти и предполагают учет количества употребленных в нормативных актах рестриктивных лексем, отражающих обязательства и требования, запрещения, устанавливаемые регулятором в отношении адресатов регулирования (экономических агентов) (Al-Ubaydli, McLaughlin, 2017; McLaughlin, Sherouse, 2019).

В одной из работ, где были предложены подходы к расчету индекса федеральной регуляторной нагрузки на уровне регионов (McLaughlin, Sherouse, 2016), использовалась база данных официальных документов органов власти, которая содержала оценки частоты употребления рестриктивных лексем и лингвистические метрики, позволяющие проводить классификацию регулятивных мер по видам экономической деятельности⁷ (для разграничения видов

³ См. отчет ОЭСР (OECD, 2017).

⁴ См.: World Bank Indicators. <https://data.worldbank.org/indicator>

⁵ См. отчет Центра стратегических разработок (Радыгин и др., 2018).

⁶ См. отчет Всемирного банка: проект Doing Business (World Bank, 2019).

⁷ Методы статистико-лингвистического анализа позволяют сопоставить текст нормативно-правового документа и перечень отраслей, к регулированию которых относится его содержание. Данные методы дают возможность распределить по отраслям народного хозяйства количество рестриктивных лексем, вырабатываемых регуляторами в нормативных документах, которыми ограничивается поведение экономических агентов, вводятся определенные нормы, правила, требования. Это позволяет выявить отрасли, зарегулированные в большей или меньшей степени.

деятельности авторы использовали классификатор NAICS). В итоге для каждой отрасли, выделенной на уровне 2, 3 и 4 знаков классификатора NAICS, рассчитывался временной ряд, отражающий регуляторную нагрузку в том или ином периоде на уровне отраслей народного хозяйства.

Взвешивая регуляторную нагрузку на отрасли экономики по доле отраслей в структуре выпуска (ВРП) регионов, авторы рассчитывают индекс федеральной регуляторной нагрузки (ИФРН) на уровне регионов⁸. Если важные для региона (крупнейшие по доле в ВРП) отрасли сильно зарегулированы на федеральном уровне, то для региона отмечаются высокие значения ИФРН (и наоборот). Исходно авторы методики рассматривают построенный индекс как инструмент оценки влияния федерального регулирования на частный сектор экономики того или иного региона.

Формально, ИФРН на уровне региона i выражается следующим образом:

$$IFRN_i = \frac{\sum_{k=1}^K \omega_{i,k} r_k}{\sum_{k=1}^K r_k}, \quad (1)$$

где: $IFRN_i$ — значение ИФРН в регионе i ; r_k — уровень федеральной регуляторной нагрузки на отрасль экономики k (например, количество рестриктивных лексем, относящихся к отрасли экономики k); $\omega_{i,k}$ — доля отрасли k в выпуске региона i относительно доли отрасли k в выпуске экономики в целом:

$$\omega_{i,k} = \frac{y_{i,k}}{\sum_{k=1}^K y_{i,k}} \bigg/ \frac{Y_k}{\sum_{k=1}^K Y_k};$$

$y_{i,k}$ — объем выпуска отрасли k в регионе i ; Y_k — объем выпуска отрасли k в целом (по стране).

Базисный индекс федеральной регуляторной нагрузки рассчитывается как соотношение значения ИФРН для региона в текущем периоде и значения ИФРН для страны в целом в базисном периоде. Ряды базисного индекса позволяют определить, в какой степени федеральная регуляторная нагрузка в данном регионе изменилась со временем по отношению к общестрановой регуляторной нагрузке в базисном периоде.

Аналогичная методика может использоваться и для расчета федеральной регуляторной нагрузки на региональном уровне в России, в том числе для исследования влияния регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на уровень бедности в России⁹.

⁸ В оригинале показатель называется «FRASE Index» (The Federal Regulation and State Enterprise Index).

⁹ Впервые аналогичные показатели использовались для исследования влияния регуляторной нагрузки на динамику бедности в работе: Chambers et al., 2019.

Теоретическая модель и гипотезы исследования

Теоретическая модель для уровня бедности

Проследим эволюцию факторных теоретических моделей, используемых для описания динамики показателей бедности. В одной из наиболее цитируемых работ по проблематике бедности и распределения доходов (Ravallion, Chen, 1997) М. Равайон и С. Чен используют международную выборку, включающую опросы домохозяйств для 67 стран, которые проводились в период 1981–1994 гг. Предложена следующая модель определения уровня бедности:

$$p_{it} = \alpha_i + \beta\mu_{it} + \gamma t + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где: p_{it} — натуральный логарифм уровня бедности в стране i в период t ; α_i — фиксированный эффект для страны i ; μ_{it} — натуральный логарифм индикатора уровня жизни (средний уровень потребления); t — временной тренд; ε_{it} — случайная ошибка, белый шум, который включает ошибки в измерении уровня бедности в той или иной стране; γ — трендовый темп изменения уровня бедности; β — эластичность уровня бедности по уровню потребления. Показатели потребления используются для аппроксимации уровня доходов, поскольку в развивающихся странах, как отмечают исследователи, достаточно низкое качество статистики для показателей доходов населения. Равайон и Чен для коэффициента β употребляют также выражение «growth elasticity».

В работе Р. Адамса (Adams, 2004) развивается подход Равайона—Чена, в модель включается показатель концентрации доходов:

$$p_{it} = \alpha_i + \beta\mu_{it} + \gamma t + \delta gini_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (3)$$

где: μ_{it} — натуральный логарифм показателя уровня жизни (расходы на потребление, подушевой ВВП); $gini_{it}$ — натуральный логарифм индекса Джини для страны i в период t ; β — эластичность уровня бедности по росту (средним расходам на потребление, среднему подушевому ВВП); δ — эластичность уровня бедности по показателю неравенства по доходам, измеренному коэффициентом Джини.

На основе работ предшественников исследователи перешли от анализа факторов бедности на межстрановой выборке к исследованию факторов бедности в региональном разрезе: для исследования уровня бедности на уровне штатов США учитывались как классические (макроэкономические), так и экспериментальные (институциональные) факторы (Chambers et al., 2019).

Для этого использовалась следующая модель:

$$p_{it} = \alpha_i + \beta_1\eta_t + \beta_2y_{it} + \beta_3gini_{it} + \beta_4R_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (4)$$

где: α_i — фиксированный эффект для региона (в данном случае — для штата) i , который позволяет учесть специфические различия в уровне бедности между регионами, не объясненные другими переменными; η_t — экзогенный временной тренд $\eta_t = t$; y_{it} — натуральный логарифм уровня реальных доходов на душу населения в регионе i в период t ;

$gini_{it}$ — натуральный логарифм индекса Джини в регионе i в период t ; R_{it} — натуральный логарифм ИФРН в регионе i в период t , рассчитанный с учетом структуры выпуска региона i в период t ¹⁰; ε_{it} — случайная ошибка.

Развитие подхода к моделированию динамики бедности в работе Д. Чэмберса и других состояло во включении в теоретическую модель показателей федеральной регуляторной нагрузки, определяемой сложностью и многочисленностью нормативных документов, которыми регулируются отрасли экономики, представленные в том или ином регионе (показатель отражает качество формальной институциональной среды). Кроме того, в работе Чэмберса и других был реализован переход от уровня межстранового к уровню регионального анализа.

Разработанная Чэмберсом и соавторами модель, основанная на теоретических разработках Равайона—Чена и Адамса (см. формулу (4)), будет использоваться в настоящем исследовании для оценки вклада различных факторов в динамику уровня бедности на уровне российских регионов.

Гипотезы исследования

Теоретической модели для объяснения феномена бедности, сформулированной для уровня регионов (4), соответствуют следующие содержательные гипотезы:

- увеличение объема реальных доходов на душу населения¹¹ способствует снижению уровня бедности в регионе i в период t ;
- увеличение уровня концентрации доходов (индекса Джини) ведет к повышению уровня бедности в регионе i в период t , поскольку доходы менее равномерно распределяются между индивидами региона;
- увеличение уровня федеральной регуляторной нагрузки на ключевые отрасли экономики региона i ведет к повышению уровня бедности в регионе i в период t .

Данные

Данные по регионам России за 2008–2018 гг., использованные для оценки влияния показателей нормотворческой активности на динамику уровня бедности, имеют панельную структуру. Для оценки эмпирических спецификаций построенной теоретической модели бедности использованы данные Росстата о динамике уровня бедности, реальных доходов населения, индекса концентрации доходов (индекса Джини), а также данные о динамике федеральной регуляторной нагрузки на экономику

¹⁰ Потенциальная проблема эндогенности, обусловленная обратной зависимостью между уровнем бедности и регуляторной нагрузкой, смягчается тем, что в модели учитывается регуляторная нагрузка, формирующаяся на федеральном уровне, которая в значительной мере экзогенна для регионов. Определенная эндогенность также может быть связана с взвешиванием федеральной регуляторной нагрузки на веса, обусловленные структурой выпуска регионов. Однако и в данном случае скорее отраслевая структура выпуска определяет уровень бедности, чем уровень бедности — отраслевую структуру выпуска.

¹¹ Среднедушевые доходы в постоянных ценах 2019 г.

Основные переменные теоретической модели,
(период: 2008–2018 гг.; частота: год)

Переменная	Показатель	Источник данных
Уровень бедности	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленной в субъекте РФ	Росстат
Реальные доходы на душу населения	Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам РФ, руб. (в постоянных ценах)	Росстат; расчеты автора
Уровень концентрации доходов (уровень неравенства по доходам)	Коэффициент Джини	Росстат
	Соотношение доходов 20% наиболее обеспеченных и 20% наименее обеспеченных индивидов*	Росстат; расчеты автора
Показатель регуляторной нагрузки	ИФРН (базисный индекс)	Консультант Плюс; расчеты автора

* Рассчитано на основе показателя «Распределение общего объема денежных доходов по 20-процентным группам населения» (Росстат).

Источник: составлено автором.

регионов России (табл. 1). В работе используется абсолютный подход к определению уровня бедности, который основывается на определении некоторого стандарта уровня жизни, заданного, например, в форме потребительской корзины, соответствующей прожиточному минимуму¹².

Ряды ИФРН рассчитывались с учетом частоты употребления в федеральных нормативных документах, относящихся к регулированию тех или иных отраслей народного хозяйства, лексемы «требование»¹³, а также с учетом отраслевой структуры выпуска (ВРП) российских регионов (методику см. в: McLaughlin, Sherouse, 2016). В качестве информационной базы для расчета ИФРН в регионах России использовались полные тексты новых (вновь принятых в течение соответствующего года) нормативно-правовых документов федеральных органов государственной власти: федеральные законы, указы Президента России, приказы федеральных органов исполнительной власти, акты Правительства России (постановления и распоряжения).

Распределение количества требований, употребляемых в новых федеральных нормативных актах, по отраслям народного хозяйства проводилось на основе методов статистико-лингвистического анализа. Отраслевая принадлежность того или иного нормативного акта определялась на основе частоты употребления в нем ключевых слов и словосочетаний, обозначающих наименование видов экономической деятель-

¹² Абсолютный подход к определению уровня бедности использован в работах: Rowntree, 1901; Rowntree, Kendall, 1913. Существует также относительный подход, согласно которому под чертой бедности понимается минимальный (типичный) уровень жизни, характерный для репрезентативного представителя того или иного общества, использован в работах: Townsend, 1979, 1987. Подробнее о различных подходах к определению уровня бедности см. в: Слободенюк, Аникин, 2018.

¹³ В англоязычной версии методики применялись и другие лексемы, имеющие ограничительную коннотацию и вводящие различного рода ограничения на действия экономических агентов: shall, must, must not, prohibited, required. В тексте российских нормативных документов использование различного рода ограничительных лексем взаимно обусловлено, а лексема «требование» — одна из наиболее часто употребляемых, она универсальна для бюрократического языка в России (Павлов, 2019b).

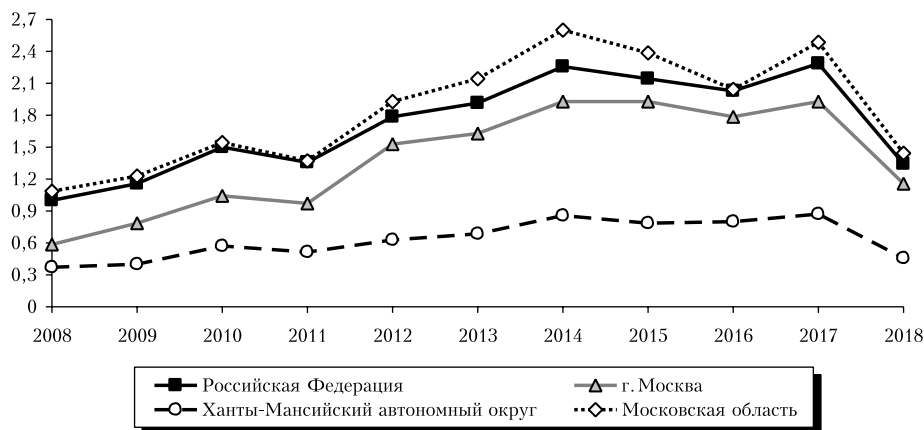
ности. Словарь специфических отраслевых ключевых слов и словосочетаний был разработан на базе классификатора видов экономической деятельности ОКВЭД. Также для каждого документа рассчитывалась частота употребления лексемы «требование», чтобы аппроксимировать уровень регуляторной жесткости нормативных документов. Результаты применения данной методики приведены в таблице 2.

Для расчета региональных ИФРН показатели федеральной регуляторной нагрузки на отрасли экономики (см. табл. 2) взвешивались с учетом доли отраслей народного хозяйства в стоимостной структуре выпуска (ВРП) регионов России. (Отметим, что показатель федеральной регуляторной нагрузки можно рассчитать и для России в целом, используя в качестве весов доли отраслей экономики в стоимостном объеме ВВП в соответствующем году.) Базисные ИФРН в регионе рассчитываются как отношение показателей нагрузки в регионе в текущем периоде к показателям нагрузки в экономике в целом в нулевом периоде. Поэтому базисный ИФРН в экономике в целом в нулевом периоде будет равен 1.

На рисунке 1 приведены примеры динамики базисного ИФРН для отдельных регионов и России в целом. В качестве базисного периода принят 2008 г.

Значения базисного ИФРН дифференцированы по регионам, для дальнейшего изложения рассмотрим отдельные примеры. Так, в 2008 г. федеральная регуляторная нагрузка на экономику Московской области была приблизительно на 10% выше, чем на экономику РФ в целом. Это обусловлено тем, что в структуре выпуска региона вклад интенсивно регулируемых отраслей (в отношении которых введено множество требований в новых официальных документах) был выше, чем для российской экономики в целом. В Ханты-Мансийском автономном округе осуществляется добыча полезных ископаемых, добыча нефти и газа вносит значимый вклад в ВРП, при этом регулирование неф-

Базисный ИФРН в регионах России
(ИФРН для России в 2008 г. = 1)

Источник: расчеты автора по данным Консультант Плюс.

Рис. 1

Т а б л и ц а 2

Употребление лексемы «требование» в новых (вновь принятых в соответствующем году) нормативных актах федерального уровня, относящихся к регулированию отраслей экономики

Отрасль экономики	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство (AA)	143	195	231	281	253	253	275	587	410	604	373
Рыболовство, рыболовство (BA)	105	91	54	23	36	55	93	151	87	178	84
Добыча каменного угля, бурого угля... (CA_10)	7	4	5	12	8	19	16	17	22	34	12
Добыча сырой нефти и природного газа; предоставление услуг в этих областях (CA_11)	64	85	86	136	102	172	191	255	291	286	172
Добыча металлических руд (CB_13)	22	11	23	26	26	58	62	64	55	90	36
Производство пищевых продуктов... (DA)	122	57	153	123	105	68	106	125	130	152	91
Текстильное и швейное производство (DB)	5	28	31	29	11	163	105	42	41	210	169
Обработка древесины и производство изделий из дерева (DD)	5	10	20	14	14	26	67	50	55	63	49
Целлюлозно-бумажное производство. Издательская и полиграфическая деятельность (DE)	180	283	310	392	466	380	480	486	444	522	309
Производство нефтепродуктов (DF_23_20)	74	57	51	49	40	50	62	101	84	107	66
Химическое производство (DG)	89	73	135	133	135	125	223	226	226	345	177
Производство резиновых и пластмассовых изделий (DH)	2	16	11	32	19	32	21	14	11	29	10
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов (DI)	60	120	108	120	88	202	229	395	131	394	158
Металлургическое производство... (DJ)	4091	3552	4104	2766	2610	4696	7522	7049	5075	10697	5905
Производство машин и оборудования (DK)	3117	6900	7669	5581	6013	8712	17 571	13 281	9254	15 969	11 263
Производство электрооборудования... (DL)	2119	4503	4392	3058	3690	4397	8506	7663	5110	8935	6063
Производство автомобилей, прицепов... (DM_34)	199	446	427	414	256	584	943	655	537	1063	551
Производство судов, летательных и космических аппаратов и пр. транспортных средств (DM_35)	410	877	949	959	640	1031	1670	1896	1386	2458	1574
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды (EA)	152	153	285	325	276	336	517	419	423	987	466
Строительство (FA)	178	196	298	335	326	337	714	1014	722	856	524
Оптовая и розничная торговля... (GA)	276	368	475	592	603	723	840	990	735	955	1098
Гостиницы и рестораны (HA)	4	10	13	41	21	9	36	24	69	38	31
Деятельность железнодорожного транспорта (IA_60_10)	111	67	175	153	272	153	166	180	311	424	406
Деятельность прочего сухопутного транспорта (IA_60_20)	124	117	247	190	275	310	258	278	450	526	242
Транспортирование по трубопроводам (IA_60_30)	7	8	13	9	9	25	24	44	21	62	36
Деятельность воздушного транспорта (IA_62)	260	376	171	266	271	313	405	382	419	547	395
Связь (IA_64)	974	918	827	1648	2360	1637	1621	1928	2399	2599	1271
Финансовая деятельность (JA)	5589	2551	2926	3817	3888	4707	4038	4989	4203	5749	3896
Научные исследования и разработки (KA_73)	394	847	1696	1025	799	1042	2349	2204	2007	2290	1504
Государственное управление... (LA)	3827	3105	4430	4524	4998	5132	5452	6267	6341	6913	4126
Образование (MA)	134	1602	2453	1781	1810	2298	3933	3200	2826	3949	2360
Здравоохранение и предоставление социальных услуг (N).	83	251	383	464	824	463	573	498	489	719	541
Сумма за год	23 717	27 877	33 151	29 318	31 257	38 508	59 068	55 474	44 764	68 750	43 958
Накопленный итог	23 717	51 594	84 745	114 063	145 320	183 828	242 896	298 370	343 134	411 884	455 842

Источники: расчеты автора по данным Консультанг Плюс.

тегазового сектора развивается очень инерционно, редко появляются нормативные документы с новыми требованиями¹⁴, чем обусловлен низкий уровень ИФРН для ХМАО.

График на рисунке 1 показывает, что в 2008–2018 гг. в текстах вновь принимаемых нормативных документов увеличилась частота упоминания различного рода требований. Общее изменение тренда темпов роста ИФРН, которое отмечается в последние годы, обусловлено, главным образом, разработкой и внедрением механизмов оценки регулирующего воздействия (ОРВ), которые ограничили нормотворческую активность федеральных органов исполнительной власти¹⁵. Методика ОРВ проектов нормативных актов была утверждена в 2013 г.¹⁶

Парные диаграммы рассеяния для переменных, включаемых в теоретическую модель, приведены на рисунке 2. Видно, что росту ИФРН соответствует рост уровня бедности в регионах России. В свою очередь росту душевых доходов соответствует снижение уровня бедности. Кроме того, рост неравенства коррелирует с сокращением уровня бедности. Эти закономерности сохраняются на протяжении всего периода исследования. Матрица корреляции переменных, используемых в модели, приведена в таблице 3.

Во-первых, необходимо отметить высокий уровень корреляции между показателями уровня бедности и ИФРН в регионах России. Во-вторых, показатель ИФРН отрицательно коррелирует с показателями реальных доходов (коэффициент корреляции статистически

Т а б л и ц а 3

Корреляция переменных в 2008–2018 гг.

Показатель	Уровень бедности	Реальные доходы на душу населения	Индекс Джини	Соотношение доходов 20% наиболее и наименее обеспеченных индивидов	ИФРН
Уровень бедности	1				
Реальные доходы на душу населения	-0,53***	1			
Индекс Джини	-0,46***	0,62***	1		
Соотношение доходов 20% наиболее и наименее обеспеченных индивидов	-0,44***	0,63***	0,99***	1	
ИФРН	0,58***	-0,28***	-0,47***	-0,46***	1

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источник: расчеты автора.

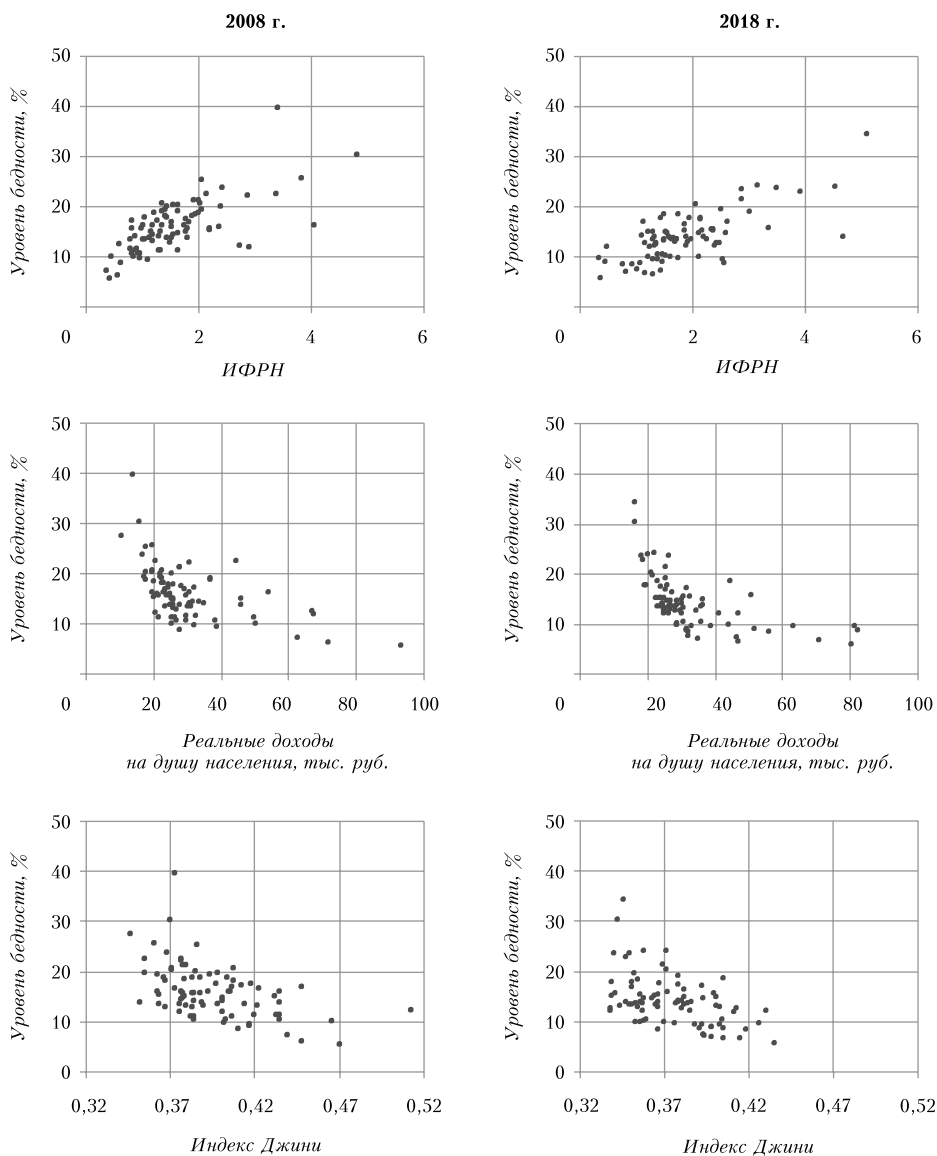
¹⁴ Например, в таблице 2 см. строку для отрасли СА_11.

¹⁵ По данным отчета Министерства экономического развития России, в 2017 г. было подготовлено более 1 тыс. заключений об ОРВ, из них порядка $\frac{1}{3}$ — отрицательные (Минэкономразвития России, 2018).

¹⁶ См.: Приказ Минэкономразвития России от 27.05.2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия». Разработка методики была анонсирована в указах Президента России в 2012 г. См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

Диаграммы рассеяния переменных теоретической модели

Источник: расчеты автора.

Рис. 2

значим, но относительно небольшой). Это может означать, что высокая регуляторная нагрузка соответствует снижению экономических результатов деятельности, особенно для наименее защищенных групп населения, и соответственно усилению неравенства (отрицательная корреляция с индексом Джини). В-третьих, как и предполагалось, уровень бедности отрицательно и значимо коррелирует с показателями реальных доходов на душу населения. В то же время уровень неравенства по доходам (индекс Джини) положительно коррелирует с уровнем реальных подушевых доходов и отрицательно — с уровнем бедности.

Таким образом, в более богатых регионах менее выражена проблема бедности, но более выражена проблема расслоения. Между индексом Джини и показателем соотношения доходов 20% наиболее и наименее обеспеченных групп наблюдается практически функциональная положительная взаимосвязь (получены аналогичные корреляции данного показателя неравенства с показателями бедности, реальных подушевых доходов и ИФРН).

Оценка эмпирических спецификаций теоретической модели

Уравнение (4) будет использоваться в качестве основы при моделировании динамики уровня бедности в регионах России. Индивидуальные особенности регионов, которые могут повлиять на динамику уровня бедности, будут учитываться при оценке эмпирических спецификаций теоретической модели при помощи фиксированных эффектов.

В спецификациях (1)–(16) таблицы 4 ИФРН рассчитывался только для отраслей частного сектора (не учитывались отрасли общественного сектора экономики: образование, здравоохранение, государственное управление)¹⁷. В целом результаты эмпирических оценок соотносятся с результатами предыдущего исследования¹⁸.

Оценки модели показывают, что один из наиболее существенных факторов снижения уровня бедности в регионах России — повышение среднедушевых реальных доходов населения как следствие экономического роста. Оцененная эластичность уровня бедности по величине реальных доходов близка к 1. Таким образом, при повышении доходов на 1% уровень бедности в регионе снижается на 1,00–1,12%. Подобный результат соотносится с выдвинутыми ранее содержательными гипотезами исследования.

Для коэффициента при показателе концентрации доходов (индекс Джини и соотношение доходов 20% наиболее и наименее состоятельных индивидов) получен отрицательный знак, таким образом, показатели неравенства и бедности в исследуемом периоде изменялись в противоположных направлениях¹⁹. Наблюдаемый характер совместных изменений показателей бедности и неравенства может быть обусловлен их

¹⁷ Результаты расчетов с исключением только отрасли «Государственное управление, обеспечение военной безопасности...» несущественно отличаются от результатов, представленных в таблице 4.

¹⁸ Chambers et al., 2019, p. 139. См. в указанной работе уравнение для логарифма уровня бедности, с включением фиксированных эффектов для регионов и временного тренда. Мы получили аналогичные оценки эластичности уровня бедности по доходам, близкие к 1, и менее высокие оценки эластичности по величине регуляторной нагрузки (0,06–0,08 против 0,21). Отличия могут быть обусловлены тем, что при расчете мы оценивали динамику регуляторной нагрузки, используя данные по новым нормативным актам, принятым в соответствующем году, а в работе Чэмберса и соавторов показатель регуляторной нагрузки рассчитывался на основе всех действующих на определенный момент нормативных актов. Аналогичные оценки получены для включенного в модель временного тренда. Как и в работе Чэмберса и соавторов, были получены неоднозначные результаты для показателей неравенства, где показатель концентрации доходов (индекс Джини) в аналогичной эмпирической спецификации имел «неправильный» знак и оказался статистически незначим.

¹⁹ Подобный феномен описан в: Biewen et al., 2019.

Результаты эконометрических оценок модели уровня бедности (зависимая переменная – доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленной в регионе, логарифм)

Переменная	Спецификация модели															
	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)
Реальные доходы на душу населения, логарифм	-1,12*** (0,00)	-1,00*** (0,00)	-1,12*** (0,00)	-1,01*** (0,00)	-1,15*** (0,00)	-1,09*** (0,00)	-1,12*** (0,00)	-0,99*** (0,00)	-1,12*** (0,00)	-0,99*** (0,00)	-1,15*** (0,00)	-1,08*** (0,00)	-1,12*** (0,00)	-1,11*** (0,00)	-1,13*** (0,00)	-1,10*** (0,00)
Базисный ИФРН в регионах, логарифм	0,06*** (0,00)	0,07*** (0,00)	0,06*** (0,00)	0,07*** (0,00)	0,07*** (0,00)	0,08*** (0,00)	0,06*** (0,00)	0,08*** (0,00)	0,06*** (0,00)	0,07*** (0,00)	0,07*** (0,00)	0,08*** (0,00)	0,06*** (0,00)	0,08*** (0,00)	0,07*** (0,00)	0,08*** (0,00)
Индекс Джини, логарифм	-0,02 (0,90)	-0,45* (0,01)					-0,08 (0,55)	-0,47*** (0,01)								
Соотношение доходов 20% наиболее обеспеченных и 20% наименее обеспеченных индивидов, логарифм			-0,01 (0,90)	-0,19** (0,01)				-0,03 (0,56)	-0,20** (0,01)							
Соотношение доходов 10% наиболее обеспеченных и 40% наименее обеспеченных индивидов ^а , логарифм ^б					0,07 (0,22)	-0,03 (0,68)					0,05 (0,40)	-0,04 (0,66)				
Временной тренд		-0,01*** (0,00)		-0,01*** (0,00)		-0,00* (0,08)		-0,01*** (0,00)		-0,01*** (0,00)		-0,00* (0,10)		-0,00** (0,04)		-0,00* (0,07)
Контрольная переменная ^в																
Константа	14,11*** (0,00)	24,94*** (0,00)	14,14*** (0,00)	25,47*** (0,00)	14,41*** (0,00)	20,27*** (0,00)	14,09*** (0,00)	26,82*** (0,00)	14,23*** (0,00)	27,33*** (0,00)	14,43*** (0,00)	21,07*** (0,00)	14,15*** (0,00)	19,35*** (0,00)	14,28*** (0,00)	19,97*** (0,00)
Количество наблюдений	902	902	902	902	902	902	902	902	902	902	902	902	902	902	902	902
Количество групп	82	82	82	82	82	82	82	82	82	82	82	82	82	82	82	82
R ² – overall	0,455	0,471	0,455	0,470	0,456	0,465	0,457	0,472	0,457	0,472	0,457	0,465	0,455	0,464	0,457	0,464
R ² – within	0,454	0,461	0,454	0,461	0,455	0,457	0,455	0,462	0,455	0,461	0,455	0,457	0,454	0,457	0,455	0,457
R ² – between	0,472	0,487	0,472	0,487	0,474	0,482	0,474	0,488	0,474	0,488	0,475	0,483	0,472	0,481	0,474	0,482

^а Индекс Пальмы: Palma, Stiglitz, 2016.

^б Незначимые коэффициенты при переменной неравенства и аналогичные по величине и статистической значимости коэффициенты при остальных переменных модели были получены при использовании альтернативных показателей неравенства в распределении доходов, включая: коэффициент фондов, децильный коэффициент, долю доходов 10% наиболее обеспеченных индивидов (источники данных: сборники Росстата «Социальное положение и уровень жизни населения России», включая Приложение к сборнику: информация по субъектам Российской Федерации).

^в Расходы на социальную политику в общем объеме расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ (в %), логарифм. Также в качестве контрольной переменной включался показатель «Доля общественного сектора в выпуске регионов (в %)», логарифм. Включение контрольных переменных не оказало существенного влияния на результаты оценок.

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Источники: расчеты автора.

связью с третьей переменной — уровнем подушевых доходов²⁰: в более обеспеченных регионах ниже уровень бедности, но выше уровень неравенства. Отчасти это свидетельствует о неэффективности действующих перераспределительных механизмов. После начала мирового финансово-экономического кризиса доля социальных выплат в структуре денежных доходов населения достигла исторических максимумов, увеличившись с 13,2% в 2008 г. до 19,4–19,6% в 2017–2018 гг., но активность перераспределительных механизмов на фоне низких среднегодовых темпов роста в 2008–2018 гг.²¹ и инфляционного шока²², обусловленного девальвацией рубля в 2014–2015 гг., оказалась недостаточной для устойчивого снижения численности бедного населения в большинстве регионов России²³.

Соответствие эмпирических результатов выдвинутой теоретической гипотезе о взаимосвязи неравенства и бедности могло бы наблюдаться при значительно более выраженных результатах работы перераспределительных механизмов, чем те, которые отмечены в исследуемом периоде в России. С одной стороны, большее перераспределение уменьшило бы коэффициент корреляции между показателями подушевых доходов и неравенства (потенциально высокие коэффициенты корреляции между данными переменными ведут к проблеме мультиколлинеарности в регрессионной модели), с другой стороны, вероятно, изменило бы направление связи между показателями неравенства и бедности. Для учета возможного влияния мультиколлинеарности на результаты оценок были построены спецификации модели (13)–(16) без включения показателей неравенства. Результаты оценок оказались достаточно устойчивы к данной процедуре²⁴.

Для показателей федеральной регуляторной нагрузки в регионах России был получен положительный коэффициент, согласующийся с ранее выдвинутой гипотезой: рост ИФРН на 10% ведет к повышению уровня бедности в регионе на 0,6–0,7%. Результаты робастны — во всех оцененных спецификациях уровень статистической значимости коэффициента при переменной ИФРН составил 1%. Таким образом, снижение регуляторной жесткости новых нормативных актов, которые принимаются в течение очередного календарного года федеральными

²⁰ Проблема увеличения неравенства по мере роста подушевых доходов в рамках гипотезы Кузнецца изначально рассматривалась как временная, исчезающая по мере роста благосостояния (Kuznets, 1955). Согласно современным исследованиям в данной области, гипотеза Кузнецца не находит эмпирического подтверждения (Piketty, 2014).

²¹ Порядка 1,3% в год.

²² Рост стоимости минимальной потребительской корзины, обусловленный инфляционным шоком, привел к увеличению численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, локальный пик уровня бедности по России в целом пришелся на 2015 г.

²³ Существуют и исключения, например, уровень бедности в 2008–2018 гг. практически монотонно снижался в Москве, Санкт-Петербурге, Ленинградской области и ряде регионов.

²⁴ Также отметим возможное более радикальное объяснение полученной отрицательной связи неравенства и бедности. См. критику современных подходов к расчету показателей неравенства в целом, в том числе для России, и тезис о ненадежности имеющихся методик в силу большого количества принимаемых в них допущений, приводящих порой к противоречивым результатам оценок, составленных различными авторами, как по величине (большой/небольшой масштаб неравенства), так и по направлению развития тенденции (неравенство растет/снижается) (Капелюшников, 2019, 2020).

органами государственной власти, само по себе может вносить заметный вклад в решение проблемы бедности на уровне регионов России. Отметим, что в данном случае рассматривается лишь ограничение «потока» новых требований. Еще больший потенциал могут иметь действия, направленные на упорядочивание и пересмотр всей действующей нормативно-правовой базы.

Количество требований в *новых* нормативных актах по состоянию на 2018 г. (см. табл. 2) составило порядка 9,6% *накопленного* количества требований, опубликованных в течение всего периода 2008–2018 гг.²⁵ Если в рамках «регуляторной гильотины» будет упразднено порядка 10% объема действующей (накопленной) нормативно-правовой базы, то снижение уровня бедности в России, согласно полученным оценкам, может составить порядка 6–8%, или 0,8–1 п. п.²⁶ Таким образом в результате 10%-й «регуляторной гильотины» уровень бедности в России может снизиться с 12,3% по состоянию на 2019 г. до 11,3–11,5%, что будет означать выход из состояния бедности для 1–1,4 млн человек.

Временной тренд оказался значимым при включении в отдельные эмпирические спецификации теоретической модели, что свидетельствует о тенденции к последовательному снижению уровня бедности в исследуемом периоде, не объясняемой другими содержательно интерпретируемыми факторами.

* * *

Проведенное исследование посвящено изучению влияния федеральной регуляторной нагрузки на уровень бедности в регионах России. Эмпирическая оценка теоретической модели уровня бедности показывает, что не только стандартные, традиционные механизмы борьбы с бедностью, например увеличение реальных доходов населения, могут эффективно использоваться в современных условиях. Ограничение избыточной федеральной регуляторной нагрузки на экономику регионов также способствует снижению уровня бедности в субъектах Российской Федерации. Упорядочивание нормотворческой активности и последовательное проведение «регуляторной гильотины» — административной реформы по отмене устаревших регуляторных требований, содержащихся в действующей нормативно-правовой базе, — может стать одним из вспомогательных механизмов преодоления проблемы бедности в регионах России, в том числе за счет стимулирования предпринимательской активности и повышения доходов от предпринимательской деятельности в структуре денежных доходов населения.

Проведенное исследование основано на преобладающей в настоящее время в российской практике и социальной политике концепции

²⁵ 43 958 требований принято в 2018 г., 455 842 — за период 2008–2018 гг.

²⁶ При допущении, что регуляторная нагрузка, исходящая от вновь принятых документов, влияет на показатели бедности так же, как и регуляторная нагрузка от документов, принятых ранее.

абсолютной монетарной бедности, в рамках которой предполагается сопоставление доходов индивида со стоимостью минимальной потребительской корзины — стандартом выживания. Анализ влияния регуляторной нагрузки и мероприятий «регуляторной гильотины» на иные показатели бедности, определяемые в соответствии с концепцией относительной бедности, в том числе предполагающей сравнение уровня жизни (доходов) индивида с преобладающим в данном регионе/данной стране стандартом жизни, а также обращение к концепции немонетарной бедности могут быть вариантами развития предложенного в настоящей работе направления исследований.

Список литературы / References

- Горшков М. К., Тихонова Н. Е., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Пахомова Е. И., Петухов В. В., Тюрина И. О., Седова Н. Н., Трауб-Мерц Р. (2013). Бедность и неравенство в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН. [Gorshkov M. K., Tihonova N. E., Lezhnina J. P., Mareeva S. V., Pahomova E. I., Petuhov V. V., Tjurina I. O., Sedova N. N., Traub-Merc R. (2013). *Poverty and inequality in modern Russia: 10 years later. Analytical report*. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russian).]
- Капелюшников Р. И. (2019). Экономическое неравенство — вселенское зло? // Вопросы экономики. № 4. С. 91–106. [Kapeliushnikov R. I. (2019). Is economic inequality a universal evil? *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 91–106. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-91-106>
- Капелюшников Р. И. (2020). Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. № 4. С. 67–106. [Kapeliushnikov R. I. (2020). Piketty's team on inequality in Russia: A collection of statistical artifacts. *Voprosy Ekonomiki*, No. 4, pp. 67–106. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-4-67-106>
- Кузьминов Я., Овcharова Л. (отв. ред.). (2019). Национальные цели социального развития: вызовы и решения. Доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом ВШЭ. [Kuzminov J., Ovcharova L. (eds.) (2019). *National goals for social development: Challenges and decisions*. Report to XX April international scientific conference on the development of the economy and society. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Лившиц В. Н. (2017). Бедность и неравенство доходов населения в России и за рубежом: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. [Livshic V. N. (2017). *Poverty and income inequality in Russia and abroad: A scientific report*. Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russian).]
- Минэкономразвития России (2018). Отчет об основных результатах работы Департамента ОРБ за 2017 год. [Ministry of Economic Development of the Russian Federation (2018). *Report on main results of Regulatory Impact Assessment Department for 2017*. (In Russian).]
- Овcharова Л., Горина Е. (2017). Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // Вопросы экономики. № 3. С. 5–21. [Ovcharova L., Gorina E. (2017). Promoting the income-tested social support in Russia: Barriers and facilitators. *Voprosy Ekonomiki*, No. 3, pp. 5–21. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-3-5-21>
- Павлов П. Н. (2019а). Экономические факторы нормотворческой активности в России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 39–70. [Pavlov P. N. (2019a). Economic determinants of the rule-making activity in Russia. *Public Administration Issues*, No. 2, pp. 39–70. (In Russian).]

- Павлов П. Н. (2019b). Экономические и политико-экономические факторы регуляторной активности в России: анализ в разрезе субъектов нормотворческой инициативы // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 74–90. [Pavlov P. N. (2019b). Economic and political-economic factors of regulatory activity in Russia: Analysis in the context of the rule-making initiative subjects. *Obshchestvennyye Nauki i Sovremennost*, No. 6, pp. 74–90. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S086904990007569-7>
- Радыгин А., Абрамов А., Аксенов И., Ильясова Г., Мальгинов Г., Чернова М., Энтов Р. (2018). Эффективное управление государственной собственностью в 2018–2024 гг. и до 2035 г. Аналитический доклад. М.: Центр стратегических разработок. [Radygin A., Abramov A., Aksenov I., Ilyasova G., Malginov G., Chernova M., Entov R. (2018). *Effective management of state property in 2018–2024 and until 2035. Analytical report*. Moscow: Center for Strategic Research. (In Russian).]
- Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. (2018). Где пролегал «черта бедности» в России? // *Вопросы экономики*. № 1. С. 104–127. [Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. (2018). Locating the “poverty threshold” in Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 104–127. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-104-127>
- Шилкина И. С. (2019). Социальное неравенство и бедность в России в свете глобальных трансформаций: обзор. М.: ИНИОН РАН. [Shilkina I. S. (2019). *Social Inequality and poverty in Russia in the light of global transformations: A survey*. Moscow: INION RAS. (In Russian).]
- Adams R. H. Jr. (2004). Economic growth, inequality and poverty: estimating the growth elasticity of poverty. *World Development*, Vol. 32, No. 12, pp. 1989–2014. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2004.08.006>
- Al-Ubaydli O., McLaughlin P. (2017). RegData: A numerical database on industry-specific regulations for all United States industries and federal regulations, 1997–2012. *Regulation and Governance*, Vol. 11, No. 1, pp. 109–123. <https://doi.org/10.1111/rego.12107>
- Bailey J., Thomas D. (2017). Regulating away competition: The effect of regulation on entrepreneurship and employment. *Journal of Regulatory Economics*, Vol. 52, No. 3, pp. 237–254. <https://doi.org/10.1007/s11149-017-9343-9>
- Biewen M., Ungerer M., Löffler M. (2019). Why did income inequality in Germany not increase further after 2005? *German Economic Review*, Vol. 20, No. 4, pp. 471–504. <https://doi.org/10.1111/geer.12153>
- Chambers D., McLaughlin P., Stanley L. (2019). Regulation and poverty: An empirical examination of the relationship between the incidence of federal regulation and the occurrence of poverty across the US state. *Public Choice*, Vol. 180, No. 1–2, pp. 131–144. <https://doi.org/10.1007/s11127-018-0603-8>
- Dawson J., Seater J. (2013). Federal regulation and aggregate economic growth. *Journal of Economic Growth*, Vol. 18, No. 2, pp. 137–177. <https://doi.org/10.1007/s10887-013-9088-y>
- Ellig J., McLaughlin P. (2016). The regulatory determinants of railroad safety. *Review of Industrial Organization*, Vol. 49, No. 2, pp. 371–398. <https://doi.org/10.1007/s11151-016-9525-0>
- Gordon S., Garen J., Clark J. (2019). The growth of government, trust in government, and evidence on their co-evolution. *Journal of Economics and Finance*, Vol. 43, No. 3, pp. 456–480. <https://doi.org/10.1007/s12197-018-9453-y>
- Gutiérrez G., Philippon T. (2017). Declining competition and investment in the US. *NBER Working Paper*, No. 23583. <https://doi.org/10.3386/w23583>
- Gutiérrez G., Philippon T. (2019). The failure of free entry. *NBER Working Paper*, No. 26001. <https://doi.org/10.3386/w26001>
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *American Economic Review*, Vol. 45, No. 1, pp. 1–28.
- McLaughlin P. A., Sherouse O. (2016). *The impact of federal regulation on the 50 states*. Available at SSRN: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2939260>

- McLaughlin P., Sherouse O. (2019). RegData 2.2: A panel dataset on US federal regulations. *Public Choice*, Vol. 180, No. 1–2, pp. 43–55. <https://doi.org/10.1007/s11127-018-0600-y>
- Mulligan C., Shleifer A. (2005). The extent of the market and the supply of regulation. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 120, pp. 1445–1473. <https://doi.org/10.1162/003355305775097579>
- OECD. (2017). *Government at a Glance 2017*. Paris: OECD Publishing.
- Ovcharova L., Biryukova S. (2018). Poverty and the poor in post-soviet Russia. In: N. Hatti, D. Rauhut (eds.). *Poverty, politics and the poverty of politics*. New Delhi: BR Publishing Corporation, pp. 151–175.
- Palma J. G., Stiglitz J. E. (2016). Do nations just get the inequality they deserve? The “Palma Ratio” re-examined. In: K. Basu et al. (eds.) *Inequality and growth: Patterns and policy*. London: Palgrave Macmillan, pp. 35–97.
- Piketty T. (2014). *Capital in the 21st century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ravallion M., Chen S. (1997). What can new survey data tell us about recent changes in distribution and poverty? *The World Bank Economic Review*, Vol. 11, No. 2, pp. 357–382. <https://doi.org/10.1093/wber/11.2.357>
- Rowntree B. (1901). *Poverty: A study of town life*. London: Macmillan.
- Rowntree B., Kendall M. (1913). *How the laborer lives*. London: Thomas Nelson and Sons.
- Townsend P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: A survey of household resources and standards of living*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Townsend P. (1987). Deprivation. *Journal of Social Policy*, Vol. 16, No. 2, pp. 125–146. <https://doi.org/10.1017/S0047279400020341>
- World Bank (2019). *Doing business 2019. Training for reform*. Washington, DC.
-

Impact of regulatory framework rigidity on poverty in the regions of Russia

Pavel N. Pavlov

Author affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). Email: pavlov@ranepa.ru

The paper analyzes the impact of the federal regulatory burden on poverty dynamics in Russia. The paper provides regional level indices of the federal regulatory burden on the economy in 2008–2018 which take into account sectoral structure of regions' output and the level of regulatory rigidity of federal regulations governing certain types of economic activity. Estimates of empirical specifications of poverty theoretical model with the inclusion of macroeconomic and institutional factors shows that limiting the scope of the rule-making activity of government bodies and weakening of new regulations rigidity contributes to a statistically significant reduction in the level of poverty in Russian regions. Cancellation of 10% of accumulated federal level requirements through the “regulatory guillotine” administrative reform may take out of poverty about 1.1–1.4 million people.

Keywords: poverty, rule-making, index of federal regulatory burden, regions, regulatory guillotine.

JEL: I32, K20, R10.

Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы*

Ю. М. Горлин, В. Ю. Ляшок, А. А. Салмина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Москва, Россия)*

В статье исследуется один из основных индикаторов достаточности пенсионного обеспечения — коэффициент замещения. Обоснована важность использования данного показателя для управления пенсионной системой. Предложена методология определения теоретических и эмпирических коэффициентов замещения с учетом особенностей российской системы обязательного пенсионного страхования. Представлены результаты проведенных на разработанной авторами модели теоретического коэффициента замещения расчетов, согласно которым в текущих условиях коэффициент замещения для работника с медианной заработной платой и средним стажем составляет более 40%, что соответствует международным критериям достаточности пенсий по данному индикатору. Однако при более высокой заработной плате, например равной средней и выше, наблюдается отставание от уровня большинства стран ЕС. Результаты моделирования показывают, что в 2002–2018 гг. усиливалась дифференциация размеров пенсий и коэффициентов замещения в зависимости от заработной платы. Прогнозные расчеты на период до 2050 г. выявили следующие тренды: снижение коэффициентов замещения у получателей минимальных и медианных зарплат, примерная стабилизация применительно к средним и рост у получателей высоких зарплат. Приведены примеры использования теоретического коэффициента замещения для анализа пенсионной системы в части влияния на уровень пенсий: участия в формировании пенсионных накоплений, валоризации, конкретного периода страхового стажа и др.

Горлин Юрий Михайлович (gorlinum@yandex.ru), к. э. н., замдиректора Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС; *Ляшок Виктор Юрьевич* (victorlyashok@gmail.com), к. э. н., с. н. с. ИНСАП РАНХиГС; *Салмина Алла Александровна* (salmina-aa@ranepa.ru), к. соц. н., с. н. с. ИНСАП РАНХиГС.

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-80-103>
© НП «Вопросы экономики», 2020

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, пенсионная система, коэффициент замещения, заработная плата, пенсия.

JEL: H55, H75, J32.

Введение

К основным функциям пенсионных систем, прежде всего страховых, относятся: сглаживание уровня дохода в периоды до и после выхода на пенсию; снижение рисков бедности пенсионеров; поддержание баланса между доходами пенсионеров и работников (Draxler, Mortensen, 2009). Проведенный анализ (Горлин, Салмина, 2019) показал, что в зарубежной практике для оценки выполнения пенсионной системой указанных функций применяют различные индикаторы достаточности (адекватности) уровня пенсионного обеспечения. Они необходимы для формирования политики в пенсионной сфере и мер по ее реализации на основе анализа ситуации с пенсионным обеспечением в стране и ее динамики в историческом и прогнозируемом периодах; формулирования целей пенсионной политики; мониторинга их реализации; оценки влияния возможных мер в пенсионной и связанной с ней системах на достижение указанных целей; проведения межстрановых сравнений.

Среди пенсионных индикаторов важную роль играют так называемые коэффициенты замещения (КЗ), предназначенные для оценки выполнения функции сглаживания дохода, обеспечивающего необходимый уровень потребления, в периоды до и после выхода на пенсию¹. Они должны характеризовать, в какой мере пенсия (а в ряде случаев и другие связанные с ней выплаты) компенсируют (замещают) доход, утрачиваемый в связи с выходом на нее.

Коэффициенты замещения широко применяются в зарубежной практике как отдельными странами, так и международными организациями (Европейская комиссия, ОЭСР, МОТ и др.) для анализа ситуации с пенсионным обеспечением в отдельных странах и для межстрановых сравнений (ОЭСР, 2017; ЕС, 2005, 2012). Именно КЗ в большинстве научных исследований рассматривают в качестве основных индикаторов достаточности пенсионного обеспечения (Whitehouse, 2007; Borella, Fornero, 2009; Finch, Gardiner, 2017). Подробный обзор указанной практики и результатов соответствующих научных исследований содержится в: Горлин, Салмина, 2019.

С нашей точки зрения, в настоящее время в России отсутствует минимально приближенная к международной практике система индикаторов для оценки достаточности уровня пенсий и, в частности, ее ключевого индикатора — коэффициента замещения. Поэтому в настоящей работе основное внимание уделено разработке методологии

---

¹ Для определения коэффициента замещения в настоящей статье под выходом на пенсию (по старости) понимается прекращение лицом, которому назначена страховая пенсия по старости, официально оплачиваемой работы или другой деятельности, на вознаграждение за которую начисляются страховые взносы по обязательному пенсионному страхованию. При этом предполагается, что прекращение работы носит достаточно длительный и устойчивый характер (более 6 месяцев подряд).

расчета КЗ и возможностям его применения в качестве инструмента анализа и прогнозирования российской системы обязательного пенсионного страхования (ОПС).

Виды коэффициентов замещения

С учетом особенностей методологии расчета различают два вида коэффициентов замещения — эмпирические и теоретические. *Эмпирические коэффициенты замещения* рассчитываются как отношение усредненных значений (медианных, средних) соответствующих доходов пенсионеров (их определенных групп) в первоначальный период после выхода на пенсию и определенных групп работающего населения предпенсионного возраста (ОЕСД, 2017). В доходах пенсионеров могут учитываться доходы только от пенсии или другие пенсионные выплаты, а также полученные из других источников. Значения эмпирических индикаторов в настоящее время преимущественно определяются на основе данных официальной статистики, исследований рынка труда, социологических обследований населения. Эмпирические КЗ, как правило, могут характеризовать только ситуацию в прошлом.

Теоретический коэффициент замещения, как правило, рассчитывается как отношение модельных оценок среднего размера пенсии за определенный период (обычно — первый год) после выхода на пенсию и среднемесячной величины заработка за определенный период перед выходом на пенсию (обычно — за последний год) (Grech, 2013). Размер пенсии рассчитывается исходя из текущих норм пенсионного законодательства (с учетом «поглощения» ими ранее действовавших). Также учитываются другие нормы законодательства, которые могут влиять на индикатор (например, налоговое или регулирующие социальные выплаты и льготы, положенные пенсионерам, и др.). Значения параметров, используемых для расчета теоретического КЗ, могут определяться на основе данных официальной статистики, исследований рынка труда, социологических обследований населения, административных данных (ПФР и др.). Расчет, как правило, связан с рядом дополнительных допущений.

В зависимости от периода, за который определяются коэффициенты замещения, различают два их вида — ретроспективные и проспективные. *Ретроспективные оценки КЗ* основаны только на фактических данных и характеризуют уровень пенсий в прошедшем периоде. *Проспективные оценки* формируются на будущий период, для чего требуются дополнительные допущения, например об изменениях в пенсионном законодательстве. Для построения проспективных оценок необходим прогноз макроэкономических, демографических и других параметров: численности пенсионеров и работников, динамики заработной платы, доходов пенсионной системы, инфляции и др.

Исходя из учета/неучета налогов и других обязательных платежей выделяют два вида КЗ — валовые (брутто) и чистые (нетто). КЗ должен характеризовать изменение дохода, обеспечивающего необходимые объем и структуру потребления, в периоды до и после выхода

на пенсию. Поэтому при расчете этого показателя корректнее использовать располагаемые доходы в соответствующие периоды, то есть доходы за вычетом соответствующих налогов и обязательных платежей. Коэффициенты замещения, рассчитываемые на основе располагаемых доходов, называют *чистыми, или нетто-коэффициентами*².

Наряду с нетто-коэффициентами в зарубежной практике применяют *валовые КЗ*, основанные на валовых доходах (до удержания налогов и обязательных платежей). Их целесообразно использовать при межстрановых сравнениях для оценки влияния налоговой системы на относительное положение пенсионеров.

Основные положения методологии определения коэффициента замещения

Ограничение предметной области в части учитываемых доходов

Предлагаемая методология определения коэффициента замещения ориентирована на систему ОПС (в части страховых пенсий по старости), являющуюся основным компонентом российской пенсионной системы³. В рамках системы ОПС предусмотрены следующие выплаты пенсионерам по старости (далее — пенсионные выплаты): страховая пенсия, включая фиксированную выплату к ней; выплаты по обязательной накопительной пенсии⁴. Соответственно КЗ будет рассчитываться исходя из размера указанных пенсионных выплат. С помощью такого коэффициента можно оценить, в какой мере система ОПС обеспечивает выполнение функции сглаживания уровня дохода при выходе на пенсию (коэффициент замещения по пенсионной выплате).

Однако возможен и расширенный подход к оценке данного показателя. В соответствии с законодательством получатели страховой пенсии по старости, помимо пенсионных выплат в рамках ОПС, имеют право на ряд социальных выплат и льгот, в частности: социальные доплаты до прожиточного минимума пенсионера; льготные лекарства по рецептам; льготы по медицинскому обслуживанию; льготные путевки на санаторно-курортное лечение; бесплатный проезд на городском, пригородном и междугородном транспорте (в зависимости от законодательства соответствующего субъекта РФ); льготы по налогам и др. Эти выплаты и льготы в совокупности с пенсионными выплатами определяют пенсионный доход пенсионера по старости (далее — пенсионный доход). Поэтому если нужно оценить, в какой мере все установленные законодательством выплаты и льготы компенсируют

² Далее, если не оговорено особо, под коэффициентом замещения будем понимать чистый (нетто) показатель.

³ Такое ограничение предметной области обусловлено тем, что система ОПС охватывает подавляющую часть российских пенсионеров (91%), расходы на выплаты страховых пенсий доминируют в общих пенсионных расходах (89%). При этом в рамках системы ОПС главное место занимают страховые пенсии по старости (99% расходов на выплаты).

⁴ Если не оговорено особо, далее в статье для краткости термины «пенсия», «страховая пенсия по старости», «пенсионная выплата» понимаются как эквивалентные.

утрачиваемый доход в связи с выходом на пенсию, то следует рассчитывать КЗ исходя из размера пенсионного дохода.

Чтобы определить, в какой мере собственно пенсионная система выполняет функцию компенсации утрачиваемого заработка, при расчете КЗ будут использованы данные об индивидуальных пенсионных доходах пенсионеров без учета доходов и состава их домохозяйства.

Ограничение предметной области в части оцениваемого контингента пенсионеров

Страховая пенсия по старости — ежемесячная денежная выплата в целях компенсации застрахованным лицам заработной платы и иных выплат и вознаграждений, утраченных ими в связи с наступлением нетрудоспособности вследствие старости⁵, то есть это страховое возмещение утрачиваемого заработка. Поэтому в данной статье и применительно к российским условиям контингент пенсионеров, в отношении которого предлагается определить коэффициент замещения, ограничивается неработающими пенсионерами⁶.

Нормативные граничные уровни коэффициента замещения

В официальных российских и зарубежных документах, касающихся индикаторов достаточности пенсий, с нашей точки зрения, не содержится обоснованных оценок величины КЗ в части как «ограничений снизу», так и «ограничений сверху». В Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. № 2524-р) в качестве одной из основных задач определено «обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате». Есть рекомендуемые оценки МОТ в размере 40–50% (ILO, 1952, 1967).

Если ориентироваться на рекомендации Всемирного банка (Holzmann, Hinz, 2005), то для типичного работника, имевшего медианную заработную плату и полный страховой стаж (соответствует непрерывной работе от 20 лет до достижения общеустановленного пенсионного возраста, то есть в настоящее время для российских условий это примерно 40 лет для мужчин и 35 лет для женщин), то минимальное нормативное значение КЗ (за счет пенсий из обязательной пенсионной системы) должно быть около 40% заработка перед выходом на пенсию. При этом для работников с относительно низкой заработной платой требуются несколько более высокие уровни минимального нормативного значения КЗ, а с более высокой — более низкие. Это следствие солидарного характера пенсионной системы, предусматривающего определенное

⁵ Ст. 3 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Далее под страховой пенсией по старости понимается сумма страховой пенсии, фиксированной выплаты к ней и повышения фиксированной выплаты.

⁶ Подробнее обоснование данного ограничения приведено ниже при определении исходных предпосылок.

перераспределение пенсионных средств от лиц с большими доходами в пользу лиц с меньшими. Есть и социально-экономическое объяснение: индивиды с относительно высокой зарплатой к моменту выхода на пенсию, как правило, располагают бóльшим объемом сбережений, недвижимости и других активов по сравнению с индивидами с меньшей зарплатой. Поэтому объем их расходов, необходимых для поддержания приемлемого уровня жизни, относительно меньше, чем у последних.

Всемирный банк формулирует рекомендацию и в отношении верхней границы КЗ. Согласно ей, поддержание коэффициента замещения для типичного работника выше 60% создает риски для финансовой устойчивости пенсионной системы в долгосрочной перспективе, поскольку требует высоких ставок страховых пенсионных взносов, которые могут стать непосильным бременем для работающих (Holzmann, Hinz, 2005).

Величина коэффициента замещения существенно зависит от влияющих на него факторов (стажа, заработка, пола). Поэтому целесообразно устанавливать дифференцированные нормативы для различных групп индивидов с типовыми значениями указанных факторов.

Определение исходных предпосылок

Для расчета коэффициента замещения надо знать величину двух видов доходов: доход «после», то есть размер пенсии, и доход «до», то есть величину зарплаты, которую пенсия должна заместить. Но более глубокий анализ показывает, что определение подлежащих соотношению доходов «после» и «до» имеет ряд нюансов. Для корректного расчета необходимо ответить на ряд вопросов:

- что следует считать периодами «до» и «после», какие события (моменты) их определяют;
- какова целесообразная продолжительность этих периодов;
- что следует понимать под доходом пенсионера в период «после» и каковы его составляющие;
- какой доход работника следует учитывать в период «до»;
- как обеспечить сопоставимость доходов «до» и «после» с учетом их одновременности и различий в налоговых режимах?

1. *Что следует считать периодами «до» и «после», какие события (моменты) их определяют?* Как правило, в подходах к определению КЗ неявно предполагается, что непосредственно, без временного перерыва за периодом «до» следует период «после», то есть когда назначена пенсия и человек начал ее получать, он сразу прекращает работать. В реальности дело обстоит иначе. По статистике, в России мужчины в среднем уходят с рынка труда в 63 года, женщины — в 60 лет. Значит, до повышения пенсионного возраста средний период продолжения работы после назначения пенсии по старости составлял для мужчин три года, а для женщин — пять лет. Повышение пенсионного возраста внесет свои коррективы, но все равно часть людей будут работать после назначения пенсии. Поэтому мы исходим из того, что эти периоды не следуют непосредственно друг за другом, и каждый должен быть определен исходя из своих условий.

Период «после». Возможны два подхода к выбору события, которое означает начало периода «после», за который надо оценить средний

размер пенсионной выплаты (пенсионного дохода) как компенсации утрачиваемой зарплаты в связи с выходом на пенсию:

- «назначение пенсии по старости»; тогда в расчете КЗ должен использоваться размер пенсионной выплаты (пенсионного дохода) за период, начинающийся со дня первоначального назначения пенсии;
- «первое длительное прекращение работы в период, когда пенсия уже назначена»; при этом в расчете КЗ должен использоваться размер пенсии за период, начинающийся со дня прекращения работы.

Оба подхода имеют право на существование, но второй нам представляется более адекватным. Если после назначения пенсии пенсионер продолжает работать, то нет потери дохода, более того, он увеличивается: в дополнение к зарплате пенсионер начинает получать пенсию и другие связанные с ней выплаты и льготы. В этих условиях неправомерно возлагать на нее функцию компенсации утрачиваемого заработка. Следует также учитывать, что при продолжении работы после назначения пенсии ее размер ежегодно корректируется с учетом начисленных страховых взносов с зарплаты работающего пенсионера. Поэтому при прекращении работы ее размер будет больше (в том числе в реальном выражении, так как пропущенные индексации пенсии, пока пенсионер работал, будут восстановлены), чем в момент назначения.

Поэтому, с нашей точки зрения, при расчете КЗ событием, определяющим начало периода «после», следует считать прекращение работы. Соответственно используемая для расчета индикатора величина пенсионной выплаты (пенсионного дохода) должна приниматься в размере, установленном на дату прекращения работы⁷.

Для правомерности постановки вопроса о компенсации утрачиваемого заработка прекращение работы должно носить достаточно длительный и устойчивый характер, например не менее 6 месяцев/180 дней подряд. Поскольку в период после назначения пенсии пенсионер может неоднократно прекращать и вновь начинать работу, целесообразно в качестве события, определяющего начало периода «после», принять первое длительное прекращение работы, так как именно тогда возникает потребность в компенсации утрачиваемого заработка.

Период «до». Здесь также возможны два подхода к тому, что считать событием, означающим окончание периода «до»:

- «назначение пенсии по старости»; при таком подходе в расчете КЗ должен использоваться размер заработной платы за период, оканчивающийся датой первоначального назначения пенсии;
- «первое длительное прекращение работы в период, когда пенсия уже назначена»; при этом в расчете КЗ должен использоваться размер зарплаты за период, оканчивающийся соответствующей датой прекращения работы.

С нашей точки зрения, для корректной оценки выполнения функции компенсации утрачиваемого заработка более адекватен первый

⁷ В общем случае, возможно, корректнее принимать в расчет среднюю величину пенсионной выплаты за определенный период, например 12 месяцев, начинающийся с даты прекращения работы. Но учитывая, что изменение размера пенсионной выплаты в течение этого периода, как правило, незначительно, и в целях упрощения расчет может приниматься величина пенсионной выплаты на дату прекращения работы.

подход. Дело в том, что после назначения пенсии со временем трудовая активность, как правило, снижается. Соответственно снижается и заработная плата (в реальном выражении) по сравнению с ее уровнем в более молодом возрасте. Другим фактором ее снижения выступает получение пенсии. Пенсионеры часто соглашаются на меньшую оплату труда, так как получение средств из двух источников (пенсия и заработная плата) позволяет сохранять, а в большинстве случаев и повысить доход, который был до назначения пенсии. Поэтому использовать размер заработной платы на момент прекращения работы (точнее, в определенный период, предшествующий ему) в качестве показателя, который должна замещать пенсионная выплата, некорректно, поскольку это, как правило, будет вести к неоправданному завышению величины КЗ. Лучше использовать средний размер зарплаты за период, предшествующий моменту назначения пенсии.

2. *Какова целесообразная продолжительность периодов «после» и «до»?* Продолжительность периода «до» должна быть достаточной для получения устойчивой и представительной оценки дохода, к которому адаптировалось потребление индивида перед выходом на пенсию. Именно по отношению к такой величине дохода следует оценивать степень его замещения пенсионной выплатой. Соответственно продолжительность периода «до» не должна быть слишком малой. В то же время не имеет смысла слишком большая продолжительность, так как компенсация после выхода на пенсию доходов от заработной платы и соответствующего им потребления, значительно отстоящих от текущего момента, утрачивает свою актуальность.

В отношении продолжительности периода «после» вопрос не так важен, поскольку размер пенсионных выплат и основных компонент пенсионного дохода с определенными оговорками можно считать неизменным, по крайней мере в течение года. Поэтому для расчета КЗ можно принять значение размера пенсионной выплаты (пенсионного дохода⁸) на момент прекращения работы.

При определении КЗ в целях упрощения расчетов и следуя наиболее распространенной зарубежной практике целесообразно принять продолжительность этих периодов равной 12 месяцам.

3. *Что следует понимать под доходом пенсионера в период «после» и каковы его составляющие?* В качестве дохода пенсионера, учитываемого для расчета коэффициента замещения, в зависимости от типа индикатора будет приниматься либо «пенсионная выплата», либо «пенсионный доход».

4. *Какой доход работника следует учитывать в период «до»?* Поскольку речь идет о выполнении пенсией функции страхования утрачиваемой заработной платы, логично, чтобы пенсионная выплата в определенной мере компенсировала утрату именно страхуемого заработка, то есть его части, на которую начисляются страховые взносы,

---

⁸ Определение размера пенсионной выплаты на дату прекращения работы не должно вызывать особых сложностей. Менее однозначная ситуация с пенсионным доходом, так как он включает выплаты и льготы, которые могут носить нерегулярный характер, а их размер не всегда детерминирован. Поэтому эти компоненты пенсионного дохода можно оценить, как правило, только аналитически.

влияющие на размер пенсии. Соответственно при расчете КЗ должны учитываться только официальные доходы работника от выплат и иных вознаграждений по трудовым и/или по гражданско-правовым договорам, предметом которых являются выполнение работ, оказание услуг, в части, подлежащей страхованию в рамках ОПС.

Таким образом, величина заработной платы, которая должна использоваться при расчете КЗ, учитывается в пределах, подлежащих страхованию в рамках системы ОПС (в 2020 г. — не более 1292 тыс. руб. в год). Она включает не все составляющие, которые учитываются при расчете средней заработной платы⁹, например: единовременная материальная помощь и различные виды нормированных компенсационных выплат в случаях, предусмотренных законодательством, платежи за работников (на медицинское страхование, по договорам медобслуживания и негосударственного пенсионного обеспечения и пр.) и др.

5. *Как обеспечивать сопоставимость доходов «до» и «после» с учетом их разновременности и различий в налоговых режимах?* Для корректного соотнесения доходов «после» и «до» следует:

- привести разновременные доходы к единой базе с учетом различий в их стоимости для пенсионера; в качестве нормы приведения предлагается использовать индекс потребительских цен;
- исходить из располагаемых доходов, после вычета налогов и обязательных платежей;
- учитывать различия в налоговых режимах для работников и пенсионеров.

Анализ индикаторов, применяемых в российской практике

В российской статистике, практике анализа и управления пенсионной системой в качестве одного из основных индикаторов уровня пенсионного обеспечения используется показатель «отношение среднего размера назначенных пенсий (страховых¹⁰) к среднему размеру начисленной заработной платы по РФ». Также применяется ряд его разновидностей:

- «отношение среднего размера страховых пенсий по старости к среднему размеру начисленной заработной платы по РФ»;
- «отношение среднего размера страховых пенсий по старости неработающих пенсионеров к среднему размеру начисленной заработной платы по РФ».

Во-первых, отметим, что это эмпирические индикаторы. Во-вторых, исходя из изложенных выше положений методологии определения КЗ, с нашей точки зрения, такого рода показатели называются «коэффициентами замещения» без должных оснований. Так, показатель «отношение среднего размера пенсии к средней заработной плате по

⁹ Зарплата в среднем на 3–5% превышает величину, на которую начисляются страховые взносы.

¹⁰ Включая фиксированную выплату к страховой пенсии и ее повышение.

РФ» не может давать корректную оценку степени замещения пенсией заработной платы, утрачиваемой в связи с выходом на пенсию. Дело в том, что:

– КЗ должен характеризовать, в какой мере доход пенсионера после прекращения работы соотносится с его доходом в предшествующий период; отношение средней пенсии по всем пенсионерам к средней зарплате по всем работникам в общем случае дает искаженное представление об этом;

– размеры недавно назначенных («новых») пенсий в силу ряда причин ниже пенсий, назначенных несколько лет назад; поэтому средний размер всех пенсий представляется завышенным (примерно на 10%) по отношению к «новым» пенсиям; это ведет к завышению оценки того, в какой мере пенсия компенсирует утрачиваемую зарплату в связи с выходом на пенсию; такой же эффект связан с тем, что в среднем размере страховых пенсий по старости учитываются повышенные пенсии лицам, достигшим 80 лет;

– обратная ситуация с заработной платой: зарплата в предпенсионных возрастах, особенно в период, непосредственно предшествующий выходу на пенсию, а именно она должна учитываться при определении КЗ, в общем случае примерно на 10% меньше средней зарплаты по РФ, что, в свою очередь, занижает оценку относительного уровня пенсий;

– показатель «средний размер пенсии» рассчитывается по всем пенсионерам, тогда как КЗ корректно рассчитывать только в отношении неработающих пенсионеров (см. выше);

– доход пенсионеров определяется не только выплатой страховой пенсии; в рамках системы ОПС все больше пенсионеров будут получать выплаты по накопительной пенсии; в соответствии с законодательством получатели страховой пенсии имеют право на ряд выплат и льгот, находящихся за рамками пенсионной системы и финансируемых за счет средств бюджетной системы РФ. Поэтому более широкий подход к определению КЗ в зависимости от целей оценки должен учитывать эти выплаты и льготы, влияющие на доход пенсионера;

– показатель «средняя начисленная заработная плата по РФ» учитывает только заработки работников организаций. Среднесписочная численность таких работников составляет 44 млн человек из 72 млн занятых в экономике РФ. Работавшие в остальных секторах как по оценкам Росстата, так и по независимым оценкам, получают существенно меньше. Кроме того, если исходить из выплат, на которые начисляются страховые взносы, то, по нашим оценкам на основе данных Пенсионного фонда РФ (ПФР) за 2015 и 2016 гг., среднемесячный размер этих выплат на 20% меньше средней заработной платы по данным Росстата, а медианной – на 35%. Поэтому использование данных Росстата ведет к занижению КЗ;

– представляется более корректным в условиях высокого неравенства по оплате труда и довольно низкого по страховым пенсиям по старости использовать не только средние, но и медианные показатели обоих видов доходов. У 68% работников в РФ зарплата ниже средней по стране. Для учета смещения распределения в сторону низких зарплат целесообразно использовать медианную заработную плату для расчета КЗ.

Согласно данным Росстата, в 2019 г. она составляла около 72% средней¹¹. Соответственно оценка на основе средней зарплаты занижает КЗ.

Оценивая показатели группы «отношение среднего размера пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы по РФ» в целом, отметим следующее:

— согласно терминологии, принятой за рубежом, подобные показатели принято называть «коэффициентами относительного уровня пенсий» (ОЕСД, 2017); они характеризуют выполнение функции «Обеспечение баланса между доходами пенсионеров и работников», а не замещения пенсией заработной платы («Сглаживание дохода»);

— такие индикаторы (при их корректном расчете) имеют свою область применения, дополняя другие показатели, оценивающие достаточность уровня пенсий; например, слишком низкие значения относительного уровня пенсий, а также их заметная нисходящая динамика указывают на проблемы в пенсионной системе;

— важны относительная простота расчета таких показателей, удобство при анализе и моделировании пенсионной системы.

По нашему мнению, показатели, характеризующие относительный уровень пенсий, необходимые, но не достаточные для комплексной оценки уровня пенсионного обеспечения в стране. Для этого требуются другие индикаторы, в том числе теоретический коэффициент замещения.

Модель оценки теоретического коэффициента замещения¹²

Описываемая далее модель теоретического КЗ основана на методологии, изложенной выше, и ограничивается рамками оценок в отношении пенсионной выплаты. Для проведения расчетов была построена модель (пенсионный калькулятор), позволяющая рассчитывать размеры пенсионной выплаты и ее компонент при определенных характеристиках их типового получателя (год рождения, страховой стаж, уровень зарплаты, пол и др.). При построении модели приняты следующие допущения.

1. Размер пенсий рассчитывается в соответствии со всеми действующими на 31.12.2019 г. нормами пенсионного законодательства.

2. Размер страховой пенсии по старости и сопутствующих ей выплат определяется на дату достижения общеустановленного пенсионного возраста.

3. Страховой (трудовой) стаж составляет 32 года для мужчин и 28 лет для женщин. Эта величина соответствует средней продолжительности страхового стажа для лиц, получающих страховую пенсию по старости на общих основаниях¹³.

¹¹ http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/bul_zp_2019.rar

¹² Далее, если не оговорено особо, для краткости наряду с термином «теоретический коэффициент замещения» будет употребляться термин «коэффициент замещения» как синоним.

¹³ Данные Пенсионного фонда РФ по состоянию на 2019 г. В результате повышения пенсионного возраста продолжительность страхового стажа увеличится, но этот эффект на данном этапе не моделируется.

4. Страховой стаж непрерывный.
5. В него не входят так называемые нестраховые периоды.
6. При назначении пенсии по старости прекращаются трудовая деятельность и получение заработной платы.
7. Накопительная пенсия начинает выплачиваться одновременно со страховой пенсией по старости. Предполагается, что вне зависимости от расчетной величины накопительной пенсии она устанавливается на бессрочный период и выплачивается ежемесячно.

8. Доходность пенсионных накоплений в период до 2018 г. принимается на уровне доходности, обеспечиваемой Внешэкономбанком.

Валовой КЗ рассчитывается как отношение суммы страховой пенсии по старости и накопительной пенсии в первый месяц после выхода на пенсию к среднемесячной заработной плате за 12 предшествующих месяцев. Для расчета чистого (нетто) КЗ из заработной платы вычитается НДФЛ (13%).

Результаты моделирования теоретического коэффициента замещения: 2002–2018 гг.

Расчет выполнялся в отношении мужчин, рожденных в 1942–1985 гг., и женщин, рожденных в 1947–1990 гг. Использовались четыре сценарных варианта заработной платы: на протяжении всего трудового стажа она равна (а) средней, (б) 1,5 средней, (в) медианной, (г) $\frac{2}{3}$ медианной зарплаты по РФ. В пределах указанных границ находится зарплата примерно $\frac{2}{3}$ работающих в России.

В модели не учитывается возрастной профиль заработной платы. Более корректен расчет с учетом заработной платы у соответствующих возрастных когорт. Например, для расчета размера пенсии выходящих на нее в 2018 г. мужчин необходимо использовать ежегодную среднюю (или медианную) зарплату мужчин, рожденных в 1958 г. Однако для такого расчета нет доступной информации.

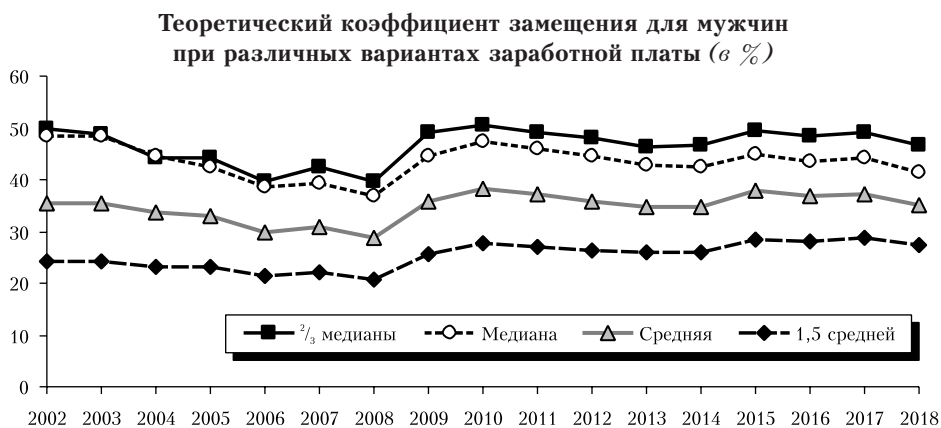
На рисунке 1 представлена динамика КЗ для мужчин за период с 2002 по 2018 г. Согласно полученным результатам, например, для начавших получать страховую пенсию по старости в 2018 г., величина КЗ варьировала от 27% (для получателей 1,5 средней зарплаты) до 47% (для получателей $\frac{2}{3}$ медианной¹⁴).

Для женщин размер пенсий для тех же сценариев был ниже в среднем на 2–3%, а КЗ — на 1–2 п. п. Различия связаны, с одной стороны, с меньшей продолжительностью стажа при моделировании размеров пенсионных выплат для женщин (28, а не 32 года), а с другой — с особенностями расчета пенсионных прав, сформированных до 2002 г.

Динамика КЗ сходна при всех зарплатных сценариях: в 2002–2008 гг. он снижался, следующие два года значительно вырос, после чего опять началось снижение до 2018 г., за исключением небольшого роста в 2015 г. Отметим, что в обоих случаях рост наблюдался

¹⁴ В 2018 г. средняя заработная плата по РФ составляла 43 724 рубля, медианная — 31 700 руб. Соответственно 1,5 средней — 65 586 руб., $\frac{2}{3}$ медианной зарплаты — 21 113 руб.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 1

в периоды экономического кризиса. Это обусловлено тем, что тогда реальная заработная плата снижалась, а пенсии индексировались по инфляции или выше, к тому же в конце 2009 г. была значительно повышена базовая часть пенсии, а с 2010 г. была проведена валоризация пенсий (доплата к пенсии за трудовой стаж до 2002 г.).

Результаты моделирования теоретического коэффициента замещения: 2018—2050 гг.¹⁵

На основе разработанной модели был сформирован прогноз на период до 2050 г., который основывался на ряде дополнительных допущений:

- пенсионное законодательство остается неизменным на весь прогнозный период;
- стоимость пенсионного коэффициента и размеры фиксированной выплаты к страховой пенсии в период до 2025 г. определены в соответствии с параметрами, установленными Федеральным законом от 03.10.2018 № 350-ФЗ, принятым в связи с повышением пенсионного возраста;
- после 2025 г. фиксированная выплата индексируется по инфляции (ИПЦ), стоимость пенсионного коэффициента в соответствии с изменениями в пенсионном законодательстве, принятыми в октябре 2018 г.¹⁶, — на индекс роста заработной платы, но не выше роста доходов бюджета Пенсионного фонда РФ, направляемых на выплату страховых пенсий, в расчете на одного пенсионера¹⁷;

¹⁵ Расчеты выполнены по состоянию на I кв. 2020 г. и не учитывают влияние кризиса, вызванного пандемией коронавируса.

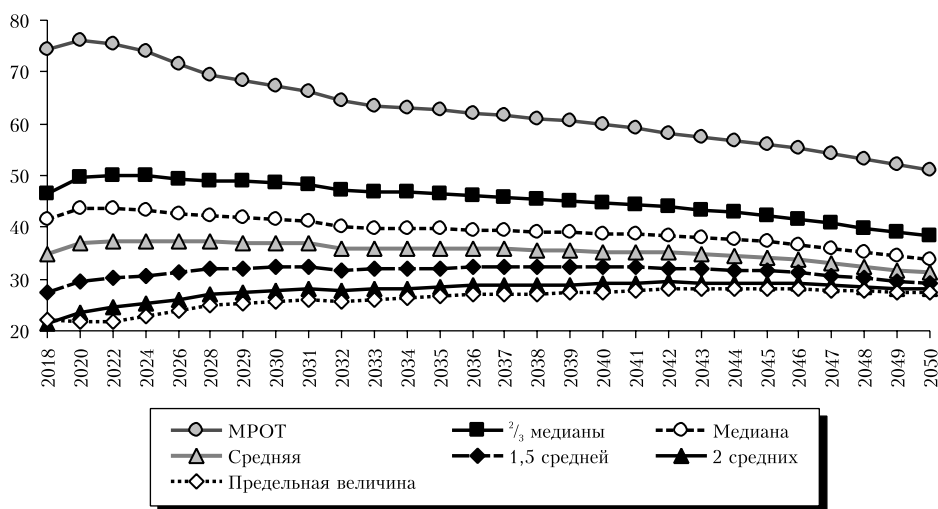
¹⁶ Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

¹⁷ Расчеты основаны на пенсионной модели, разработанной в Институте социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. В среднем до конца переходного периода повышения пенсионного возраста (до 2028 г.) стоимость одного пенсионного коэффициента индексируется в соответствии с ростом заработной платы, после — в соответствии с ростом доходов на выплату страховых пенсий Пенсионного фонда РФ в расчете на одного пенсионера.

– пенсионные накопления индексируются по инфляции¹⁸;
 – инфляция и средняя заработная плата были приняты в соответствии с долгосрочным прогнозом на период до 2035 г., разработанным Минэкономразвития РФ (от 28 ноября 2018 г.¹⁹ – базовый вариант) и предусматривающим устойчивый экономический рост на уровне около 3% и соответствующий рост заработной платы. В более поздний период инфляция и индекс роста заработной платы фиксируются на уровне 2035 г. Дополнительно были просчитаны варианты для МРОТ и двух средних заработных плат по РФ. Результаты прогноза для мужчин представлены на рисунке 2.

Прогноз теоретического коэффициента замещения для мужчин с различными вариантами заработной платы до 2050 г. (в %)

Источник: расчеты авторов.

Рис. 2

Тенденции в динамике показателя различаются:

– для зарплат ниже средней по РФ в период 2020–2022 гг. будет наблюдаться рост КЗ (для заработной $\frac{2}{3}$ медианной и медианной с 46,6% и 41,5 до 50,1 и 43,7% соответственно); далее начнется период плавного снижения²⁰, несколько ускоряющегося в 2032 г., что обусловлено началом выхода на пенсию мужчин, формировавших

¹⁸ Это компромиссное допущение, так как желательно, чтобы доходность пенсионных накоплений превышала инфляцию, но фактически за период 2005–2019 гг., по нашей оценке, доходность в среднем по всем НПФ и ВЭБ была около 5–6% при средней инфляции около 9%.

¹⁹ Это наиболее поздний долгосрочный прогноз, которым мы располагали.

²⁰ Тенденция обусловлена тем, что индексация пенсий, законодательно установленная в связи с повышением пенсионного возраста, в этот период будет превосходить прогнозируемый рост заработной платы; однако после 2022 г. рост КЗ сменится плавным снижением в связи с тем, что отдельные компоненты пенсии (фиксированная выплата к страховой пенсии, накопительная пенсия) индексируются по инфляции (после 2024 г.), а другие (страховая пенсия) – выше инфляции, но ниже заработной платы в силу ограничения динамикой доходов ПФР в расчете на одного пенсионера. Дополнительно будет действовать фактор «уходящей» валоризации, так как снижается доля пенсионеров с советским трудовым стажем.

накопительную пенсию²¹; в итоге к 2050 г. он может сократиться до 38,3% (для получателей $\frac{2}{3}$ медианной зарплаты) и до 33,8% (для получателей медианной зарплаты);

— для средней зарплаты по РФ будет рост КЗ до 2022 г., который далее сменится периодом стабилизации на уровне около 37% до 2031 г.; затем начнется его медленное снижение, которое несколько ускорится в 2045 г. и к 2050 г. данный показатель прогнозируется на уровне 31%;

— для зарплат на уровне 1,5 средней КЗ будет расти до 2031 г. с 27,3 до 32,4%; далее до 2045 г. — стабилизация на уровне около 32% и затем снижение до 29% к 2050 г.;

— для зарплат на уровне двух средних прогнозируется рост КЗ на протяжении практически всего периода до 2045 г. (с 21,8 до 29,3%) и снижение до 28% после 2045 г.

Примеры использования модели коэффициента замещения как инструмента анализа пенсионной системы

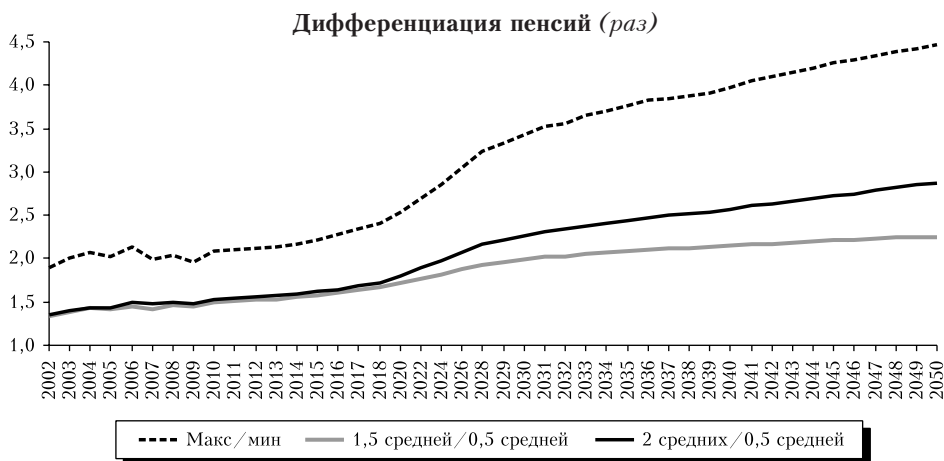
Усиление дифференциации пенсий

Различная динамика коэффициентов замещения в зависимости от уровня зарплаты приведет к увеличению дифференциации размеров пенсий. На рисунке 3 представлены результаты расчетов, иллюстрирующие изменение дифференциации для мужчин: отношение максимальной (при зарплате на уровне предельной базы) и минимальной пенсии (при зарплате на уровне МРОТ²²), а также отношение пенсий при заработной плате на уровне 1,5 и 0,5 средней и отношение пенсий при зарплате на уровне двух средних и 0,5 средней.

Согласно результатам модельных расчетов, в России с 2002 г. по настоящее время росла дифференциация пенсий. Ее усиление прогнозируется и в дальнейшем, что обусловлено более низкой индексацией фиксированной выплаты, на которую приходится большая доля в низких пенсиях, по сравнению с индексацией стоимости одного пенсионного коэффициента, а также увеличением размера предельной базы страховых взносов относительно средней зарплаты. Последний фактор приводит к увеличению дифференциации размеров пенсии между получателями максимальной и минимальной зарплаты, а также двух средних и 0,5 средней. Если до 2020 г. пенсии у получателей 1,5 средней и двух средних зарплат практически не различались, то

²¹ Влияние валоризации и накопительной пенсии на коэффициент замещения подробнее будет рассмотрено ниже.

²² Предполагается, что МРОТ будет индексироваться в соответствии с ростом заработной платы. При индексации по инфляции МРОТ значительно снизился бы относительно средней зарплаты, что представляется маловероятным в долгосрочной перспективе. В последние 20 лет динамика этого показателя была более сложной: продолжительные периоды МРОТ индексировался по инфляции, затем происходил резкий скачок, когда данный показатель повышался в 1,5–2 раза, например в 2008–2009 и 2018 гг. Можно предположить, что в дальнейшем такая тенденция сохранится. Тем не менее в среднем соотношение МРОТ и средней зарплаты останется на относительно постоянном уровне.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3

в дальнейшем разрыв начинает возрастать. В наибольшей степени дифференциация усиливается в 2019–2028 гг. — в период повышения пенсионного возраста.

Влияние темпов экономического роста

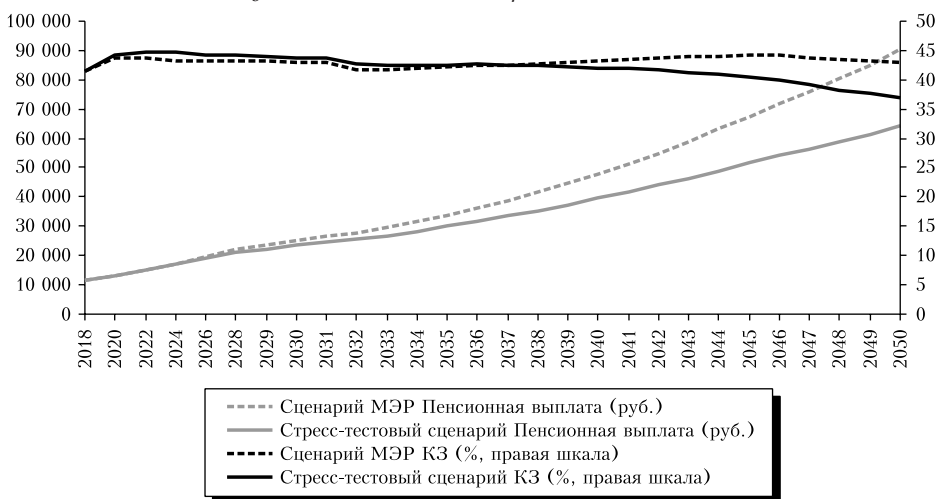
В используемом прогнозе МЭР предполагается экономический рост около 3% ВВП в год в постоянных ценах после 2021 г. В качестве стресс-теста было промоделировано влияние на размеры пенсий более умеренного экономического роста — в среднем 1,5% в год.

Результаты расчетов показывают, что при более высоком экономическом росте обеспечивается более высокий уровень пенсионных выплат, но меньший КЗ (рис. 4). Дело в том, что тогда увеличивается доходная база пенсионной системы, обеспечивающая больший уровень пенсий. Но при этом темпы роста зарплат, как правило, опережают темпы роста пенсий, что обуславливает меньший уровень КЗ. Ситуация близка к описанной выше исторической динамике КЗ: рост этого показателя обычно наблюдается в периоды кризисов и снижения заработной платы. Размер пенсий обычно менее волатилен, чем зарплаты. Поэтому в условиях коронавирусного кризиса также следует ожидать роста КЗ.

Влияние валоризации

К снижению размера пенсии и коэффициента замещения ведет сокращение со временем количества лет стажа до 2002 г. и соответственно вклада валоризации (рис. 5). В 2010 г. валоризация пенсий обусловила увеличение КЗ на 3,5 п. п. для мужчин, оформивших право на пенсию в данном году и получавших медианную заработную плату на протяжении 32 лет (из которых 12 лет — до 1991 г., 11 лет — между 1991 и 2002 гг.). В дальнейшем влияние вклада валоризации на КЗ уменьшалось, к 2018 г. оно составляло уже 2,0 п. п., а к 2033 г. полностью исчезнет.

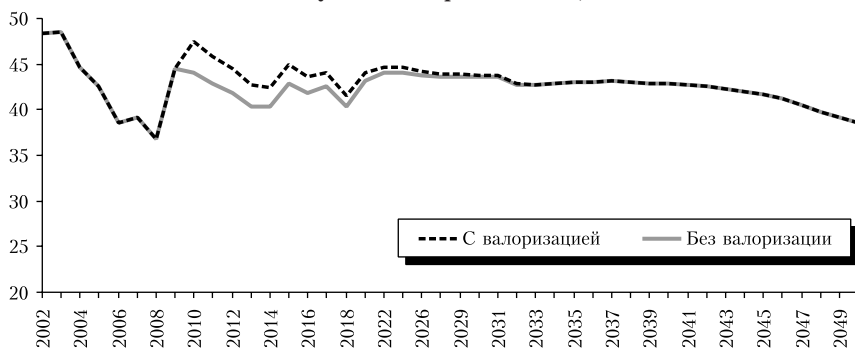
Коэффициент замещения и пенсионные выплаты при различных сценариях экономического роста (мужчины, медианная заработная плата)

Источник: расчеты авторов.

Рис. 4

Коэффициент замещения для мужчин со стажем 32 года — получателей медианной зарплаты с учетом и без учета валоризации (в %)

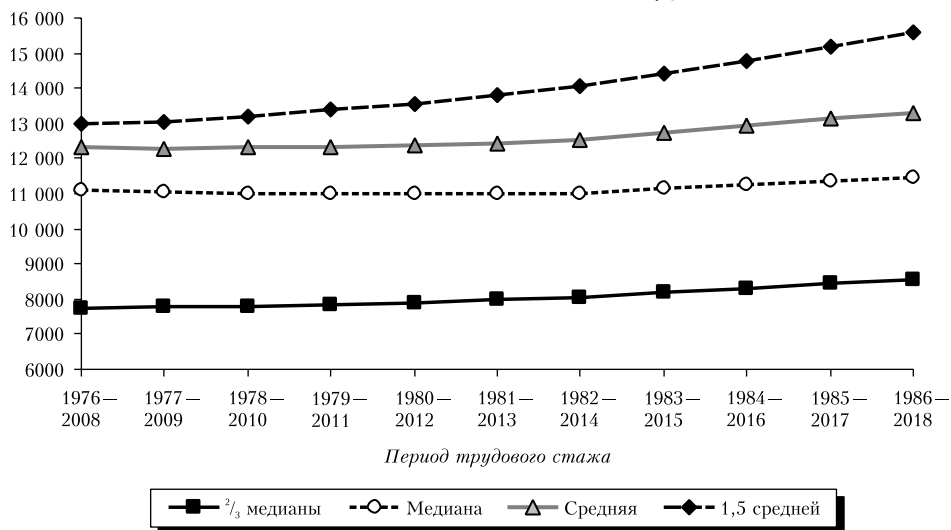
Источник: расчеты авторов.

Рис. 5

Анализ различий в размере пенсионных прав, формируемых в разные периоды

В силу особенностей российской пенсионной системы пенсионные права, формируемые в разные периоды, могут различаться. В качестве примера рассмотрим двух мужчин, имеющих страховой стаж 32 года, получавших на протяжении всего трудового периода зарплату на уровне средней по стране и достигших пенсионного возраста в конце 2018 г. При этом страховой стаж первого пришелся на период 1986–2018 гг., а второго — на 1976–2008 гг. Тогда пенсия первого

Размер пенсии в зависимости от того, на какие годы приходится период страхового стажа для мужчин, получающих среднюю зарплату и выходящих на пенсию в 2018 г. (руб.)

Источник: расчеты авторов.

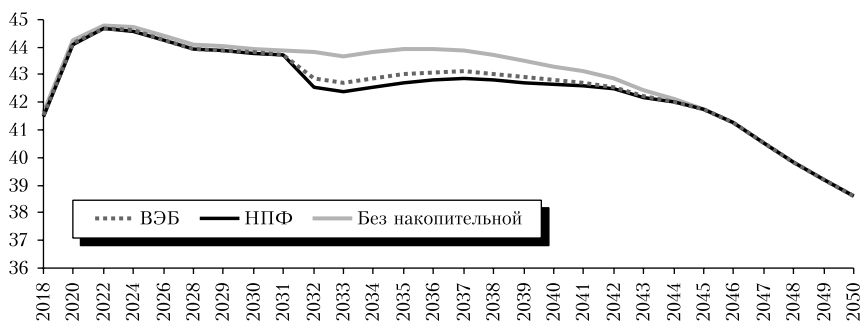
Рис. 6

будет равна 13 310 руб., второго – 12 306 руб., то есть на 7,5% меньше (рис. 6). В целом для всех уровней заработной платы, при прочих равных условиях, чем на более поздний период приходится страховой стаж, тем больше размер пенсии.

Влияние накопительной пенсии

Модель позволяет определить влияние действовавшей с 2001 г. системы обязательных пенсионных накоплений на уровень пенсий и коэффициент замещения. На рисунке 7 представлены результаты расчета теоретического КЗ для мужчин, формировавших накопитель-

Влияние пенсионных накоплений на коэффициент замещения (мужчины, медианные зарплаты, в %)

Источник: расчеты авторов.

Рис. 7

ную пенсию в НПФ и ВЭБ (медианная зарплата) по сравнению с гипотетическим вариантом, когда все страховые взносы направляются на страховую пенсию.

Поскольку в среднем за период формирования пенсионных накоплений (с 2005 г.) их доходность была ниже индексации пенсий (примерно на 6 п. п.), прогнозируемая величина по сравнению с гипотетическим сценарием без накопительной компоненты будет на 1–1,3 п. п. меньше (у мужчин с 2032 г.²³). Негативное влияние пенсионных накоплений будет постепенно снижаться (с 2014 г. нет отчислений на формирование накопительной пенсии) и исчезнет к 2045 г. для мужчин и к 2040 г. — для женщин.

Сравнение динамики коэффициента замещения и коэффициента относительного уровня пенсий (по данным Росстата)

Как было отмечено выше, в российской практике наибольшее распространение имеет показатель Росстата «отношение среднего размера назначенных пенсий к средней заработной плате» (коэффициент относительного уровня пенсий). Сравнение данных Росстата и рассчитанных по модели оценок КЗ за 2002–2018 гг. (рис. 8) для лиц, получающих среднюю по РФ заработную плату, показывает, что оба показателя имеют сходную динамику²⁴. Поэтому для отслеживания ретроспективных тенденций в пенсионной сфере можно с определенными оговорками использовать индикатор Росстата (с учетом относительной простоты его расчета) наряду с КЗ.

Источники: Росстат; расчеты авторов.

Рис. 8

²³ У женщин — с 2027 г., у «досрочников» эффект проявится раньше.

²⁴ Большая величина КЗ по сравнению с коэффициентом относительного уровня пенсий обусловлена в первую очередь тем, что при расчете первого показателя используется зарплата без НДФЛ.

Сравнение с другими странами

Модель позволяет сравнить КЗ в России и в странах Европы (ЕС, 2018). Для сопоставимости с методологией Европейской комиссии (ЕК) в модели расчета пенсионной выплаты принято, что страховой стаж составляет 40 лет, а индивид начинает работать за 40 лет до достижения общеустановленного пенсионного возраста. КЗ для мужчин рассчитан на 2016 г. — последний доступный для сравнения. Согласно расчетам, при зарплате, равной средней по стране, величина нетто КЗ в России составляет 44,0% (для мужчин)²⁵. Это ниже, чем в странах ЕС, кроме Эстонии (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Теоретический коэффициент замещения, рассчитанный по методике ЕК (мужчины, в %)

Страна	Коэффициент замещения		
	валовой	чистый (нетто)	
	средняя зарплата	средняя зарплата	66% средней зарплаты
Нидерланды	89,9	101,8 ^a	96,4
Португалия	79,4	97,8 ^a	79,5
Испания	88,9	96,8	97,4
Австрия	72,5	86,1	86,6
Польша	75,4	85,9	96,9
Венгрия	56,1	85,6	90,9
Великобритания	70,0	85,0	94,0
Италия	71,1	78,9	78,8
Румыния	56,7	77,2	81,0
Франция	61,3	76,3	81,1
Ирландия	65,5	75,4	86,5
Бельгия	50,4	74,6	87,8
Дания	51,7	70,7	98,6
Финляндия	59,8	67,1	72,9
Словакия	50,0	65,0	68,7
Латвия	46,3	61,0	79,1
Чехия	45,2	60,0	75,7
Словения	38,2	58,8	62,5
Болгария	44,9	57,3	57,9
Хорватия	40,4	56,6	61,3
Германия	40,3	56,2	63,7
Швеция	58,2	54,9	62,4
Литва	37,4	49,6	62,2
Эстония	34,2	41,8 ^a	38,2
Россия	38,3	44,0	58,4

^a Коэффициент замещения при средней зарплате в общем случае не должен быть больше, чем при зарплате 66% средней. Приведенные в материалах ЕК данные по Нидерландам, Португалии и Эстонии противоречат этой закономерности

Источники: ЕС, 2018; Россия — расчеты авторов.

²⁵ Большее значение КЗ по РФ по сравнению с соответствующими величинами КЗ, приведенными на рисунке 3 и др., обусловлено различием в продолжительности страхового стажа, принимаемого при расчете КЗ: для сравнения со странами ЕС стаж — 40 лет, а при расчете КЗ для условий РФ — 32 года.

По нашему мнению, меньшее значение КЗ в России по сравнению с европейскими странами обусловлено сочетанием нескольких факторов:

— меньшим соотношением численности работников, за которых уплачиваются страховые взносы, и численности пенсионеров, что связано с более низким эффективным пенсионным возрастом и высокой неформальной занятостью по сравнению со странами ЕС (ОЕСД, 2019b);

— более низкой ставкой НДФЛ в России. Так, по уровню валового КЗ, не учитывающего корректировку на ставку НДФЛ, Россия оказывается выше Эстонии, Литвы, Словении и близка к уровню Германии и Хорватии;

— наличием фиксированной выплаты к страховой пенсии, которая позволяет повысить размер пенсии для лиц, получавших низкую заработную плату и/или имеющих небольшой страховой стаж, за счет перераспределения ресурсов системы ОПС от лиц со средним и высоким объемами пенсионных прав в пользу лиц с низким. В результате в России, по нашим оценкам, при зарплате 66% средней КЗ составляет 58,4%, что на 14 п. п. выше, чем при средней по РФ, а по странам ЕС разница составляет в среднем 6 п. п.;

— завышенными оценками средней заработной платы в России по данным Росстата. Как было отмечено ранее, это превышение по сравнению со средней величиной вознаграждений, на которые начисляются страховые взносы по данным ПФР, составляет примерно 20%.

Помимо ЕК, оценки коэффициентов замещения публикует ОЭСР, причем в список стран попадает и Россия. Согласно последним оценкам, в России КЗ для получателей средней по стране заработной платы составляет 57% для мужчин и 52% для женщин, что близко к среднему по другим странам (ОЕСД, 2019a). Различие между оценками ЕК и ОЭСР для России обусловлено отличиями в методиках расчета: методика ЕК предусматривает ретроспективную оценку, а ОЭСР — проспективную.

Дополнительные факторы, которые следует учитывать при оценке коэффициента замещения

Приведенные выше оценки (см. рис. 1–2) основаны на ряде допущений, не учитывающих ряд специфических для России факторов:

— достаточно длительную продолжительность работы после достижения пенсионного возраста, которая в настоящее время составляет в среднем три года для мужчин и пять лет для женщин;

— повышение пенсионного возраста приведет к росту продолжительности страхового стажа до момента достижения пенсионного возраста;

— заработная плата, на которую начисляются страховые взносы, по данным ПФР ниже, чем по данным Росстата.

Прогнозируемые оценки для получателей медианной заработной платы с учетом указанных корректировок приведены в таблице 2. Очевидно,

**Теоретический коэффициент замещения
при учете дополнительных факторов (в %)**

Год выхода на пенсию	Зарплата по данным Росстата		Зарплата по данным ПФР	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2018	43,9	45,0	48,3	49,0
2024	48,2	48,8	53,8	53,5
2030	47,8	45,1	54,3	52,4
2050	42,4	38,9	48,5	45,0

Источник: расчеты авторов по данным Росстата и ПФР.

что по мере повышения пенсионного возраста период совмещения работы и получения пенсии будет сокращаться. В расчете принято, что средняя продолжительность трудового стажа до наступления пенсионного возраста увеличится на четыре года, а после наступления будет составлять в среднем два года для мужчин и три года для женщин. С учетом всех корректировок коэффициенты замещения устойчиво превышают уровень 40% на всем прогнозном периоде.

Заключение

Теоретический коэффициент замещения — один из наиболее эффективных индикаторов, позволяющих оценить, в какой мере пенсионные выплаты обеспечивают сглаживание дохода в периоды до и после выхода на пенсию за счет компенсации пенсией утрачиваемой зарплаты. В статье представлены оценки данного показателя применительно к выплатам в рамках системы ОПС на период 2002–2018 гг., а также прогноз до 2050 г. Приведены примеры использования КЗ в качестве инструмента анализа пенсионной системы. На основе полученных результатов можно сформулировать следующие выводы.

1. Величины КЗ значительно различаются в зависимости от уровня зарплаты. К 2018 г. пенсия замещала около 45–47% трудового дохода у получателей $\frac{2}{3}$ медианной зарплаты, 40–42% — медианной, 33–35% — средней, 25–27% — 1,5 средней.

2. Значения КЗ для получателей средней и высокой зарплаты существенно ниже, чем в большинстве стран ЕС. Это обусловлено относительно низким пенсионным возрастом, недостаточным уровнем требуемого страхового стажа, распространенностью системы досрочных пенсий, большой неформальной занятостью, различиями в налогообложении и др.

3. Полученные оценки КЗ для работников с медианной заработной платой в настоящее время превышают 40%, а при учете дополнительных, специфических для России факторов (работы после достижения пенсионного возраста, ожидаемого роста страхового стажа и др.) находятся на уровне европейских стран, что свидетельствует о соответствии достаточности пенсий по данному индикатору международным критериям.

4. Значимое различие КЗ, или более низкая дифференциация в размерах пенсий между работниками с разным уровнем зарплаты, — особенность российской пенсионной системы по сравнению с европейскими странами.

5. В 2002–2018 гг. дифференциация пенсий в зависимости от зарплаты увеличивалась, и эта тенденция прогнозируется в будущем, что может свидетельствовать об усилении страхового характера пенсий.

6. В дальнейшем, если не принять дополнительные меры по совершенствованию пенсионной системы, прогнозируется снижение КЗ для получателей минимальных и медианных зарплат, примерная стабилизация для средних и рост у получателей высоких (две средних и выше) зарплат.

7. Предложенная методология оценки КЗ может быть использована в практике работы госорганов, на которые возложены функции по управлению пенсионной системой.

Список литературы / Reference

- Горлин Ю. М., Салмина А. А. (2019). Сравнительный анализ международного опыта применения индикаторов уровня пенсионного обеспечения // Вестник Института экономики РАН. № 5. С. 114–131. [Gorlin Y. M., Salmina A. A. (2019). Comparative analysis of international experience in applying pension adequacy indicators. *Vestnik Instituta Ekonomiki RAS*, No. 5, pp. 114–131. (In Russian).]
- Borella M., Fornero E. (2009). Adequacy of pension systems in Europe: An analysis based on comprehensive replacement rates. *ENEPRI Research Report*, No. 68. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2033652>
- Draxler J., Mortensen J. (2009). Towards sustainable but still adequate pensions in the EU. Theory, trends and simulations. *ENEPRI Research Report*, No. 67. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2033677>
- EC (2005). *Working together, working better: A new framework for the open coordination of social protection and inclusion policies in the European Union*. COM(2005) 706 Final. Brussels: European Commission.
- EC (2012). *The 2012 ageing report: Economic and budgetary projections for the 27 EU member states (2010–2060)*. Brussels: European Commission. <https://doi.org/10.2765/19991>
- EC (2018). *The 2018 pension adequacy report: Current and future income adequacy in old age in the EU*, Vol. 1. Brussels: European Commission. <https://doi.org/10.2767/406275>
- Finch D., Gardiner L. (2017). *As good as it gets? The adequacy of retirement income for current and future generations of pensioners*. Intergenerational Commission Report, Resolution Foundation.
- Grech A. G. (2013). *How best to measure pension adequacy*. Centre for Analysis of Social Exclusion, London School of Economics.
- Holzmann R., Hinz R. (2005). *Old-age income support in the 21st century: An international perspective on pension systems and reform*. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1596/0-8213-6040-X>
- ILO (1952). *C102 – Social security (minimum standards) convention, 1952* (No. 102). International Labour Organization. https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C102
- ILO (1967). *C128 – Invalidity, old-age and survivors' benefits convention, 1967* (No. 128). International Labour Organization. https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO:12100:P12100_INSTRUMENT_ID:312273:NO

- OECD (2017). *Pensions at a glance 2017: OECD and G20 indicators*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/19991363>
- OECD (2019a). *Pensions at a glance 2019: OECD and G20 indicators*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/19991363>
- OECD (2019b). *Working better with age*. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/c4d4f66a-en>
- Whitehouse E. (2007). *Pensions panorama: Retirement-income systems in 53 countries*. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1787/9789264032118-en>
-

Replacement rate as an instrument of analysis and forecasting of pension system

Yury M. Gorlin*, Victor Y. Lyashok, Alla A. Salmina

Authors affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).

* Corresponding author, email: gorlinum@yandex.ru

The article examines one of the main indicators of pension adequacy — the replacement rate. The importance of using this indicator for pension system management is substantiated. A methodology for determining theoretical and empirical replacement rates is proposed in relation to the peculiarities of the Russian system of compulsory pension insurance. The article presents the results of calculations carried out on the model of the theoretical replacement rate developed by the authors, according to which, in the current Russian conditions, the replacement coefficient for an employee with a median wage and average length of service is more than 40%, which corresponds to the international criteria for the sufficiency of pensions for this indicator. However, with higher wages, for example, equal to the average for Russia and above, there is a lag behind the level of most EU countries. Modeling shows that in 2002–2018, there was an increase in the differentiation of pensions and replacement rates depending on wages. The performed forecast calculations for the period up to 2050 have revealed the following trends: a decrease in replacement rates for recipients of minimum and median salaries, approximate stabilization for average salaries and growth for recipients with high salaries. The article provides a number of examples of using the theoretical replacement rate for the analysis of the pension system in terms of the effect on the level of pensions: participation in the formation of pension savings, valorization, years of the insurance period, etc.

Keywords: pension adequacy, pension system, replacement rate, salary, pension.

JEL: H55, H75, J32.

Funding: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран*

Л. И. Смирных

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

Анализируются цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий — важные показатели конкурентоспособности — в странах ЕС. Методология исследования базируется на данных Евростата и показателях сводного индекса цифровизации экономики и общества, разработанных Еврокомиссией. Результаты сравнительного анализа свидетельствуют об отставании цифровизации предприятий и населения в странах с переходной экономикой от развитых стран ЕС. Цифровая грамотность пожилого населения остается самой низкой и отстает от цифровой грамотности более молодого населения. При этом чем выше в стране доля предприятий с высоким уровнем цифровизации, тем больше в ней, как правило, доля пожилого населения с базовым уровнем цифровой грамотности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая грамотность, пожилое население, старение населения, страны ЕС.

JEL: J14, J23, J24, O33, O52, O57.

В период пандемии коронавируса многие рабочие места во всем мире были переведены в режим дистанционной занятости, и ярко обозначилась тенденция к востребованности у населения цифровых навыков. Это коснулось и рабочих мест, на которых заняты пожилые работники. Но для дистанционной занятости пожилое население должно обладать достаточными цифровыми компетенциями и навыками. Однако во многих странах низкие показатели цифровой грамотности пожилого населения. Дальнейший рост цифровизации предприятий может привести

Смирных Лариса Ивановна (lsmirnykh@hse.ru), д. э. н., проф., заместитель заведующего Лабораторией исследований рынка труда НИУ ВШЭ.

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

к сокращению занятости пожилых работников и к замене их молодыми работниками с более высоким уровнем цифровой грамотности.

При этом страны, в которых процесс старения населения происходит наиболее интенсивно, озабочены проблемой поддержания предложения труда и заинтересованы в повышении уровня экономической активности старших возрастных групп. В таких странах рост цифровизации предприятий может сопровождаться ростом цифровой грамотности пожилого населения.

Всегда ли рост цифровизации предприятий способствует повышению цифровой грамотности пожилого населения — остается неясным. Ведь в экономике отдельных стран пожилые люди могут занимать рабочие места, не требующие высоких цифровых навыков. Поэтому становится более актуальным вопрос о том, *приводит ли рост цифровизации предприятий к росту цифровой грамотности пожилого населения* и что нужно сделать, чтобы в условиях роста цифровизации предприятий работники старших возрастов оставались экономически активными как можно дольше, а их цифровая грамотность соответствовала потребностям рынка труда.

Используя данные Евростата о цифровизации экономики и общества, мы показываем, как различаются по странам ЕС уровни цифровой грамотности пожилого населения и цифровизации предприятий и существует ли связь между этими показателями. Для достижения поставленной цели решается несколько задач. Первая: отразить динамику и межстрановые различия уровней цифровой грамотности и цифровизации предприятий. Решение этой задачи позволит обозначить различия в показателях цифровой грамотности населения по возрастным группам, сравнить уровни цифровизации предприятий по странам, определить связь между уровнем цифровизации предприятий и цифровой грамотностью пожилого населения. Вторая задача: обобщить результаты эмпирических работ, посвященных анализу факторов занятости пожилых людей в условиях старения населения и роста цифровизации предприятий.

Различные аспекты цифровизации предприятий и проблемы цифровой грамотности в условиях старения населения представляют большой интерес и для России. В России на фоне серьезных сдвигов в возрастной структуре постоянно реализуются меры по программе «Цифровая экономика Российской Федерации» и растет уровень цифровизации предприятий. Более 70% руководителей промышленных организаций сообщили, что на их предприятиях уже внедрены те или иные цифровые технологии. Около половины (45,5%) планируют расширить их применение, причем каждый пятый (21,2%) — уже в 2020 г., каждый третий (36,9%) — в течение ближайших пяти лет (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2020). При этом в России пожилое население по всем пунктам цифровой грамотности¹ отстает от других возрастных

¹ Индекс цифровой грамотности находится в пределах от 0 до 100. Он рассчитывается по методологии Европейской системы цифровых компетенций (DigComp 2.1), в рамках которой анализ цифровых компетенций производится по 5 основным параметрам: информационная грамотность; коммуникативная грамотность; создание цифрового контента; цифровая безопасность; навыки решения проблем в цифровой среде (Carretero et al., 2017).

групп населения: при среднем уровне цифровой грамотности населения 58 п. п. население старше 55 лет имеет значение этого показателя 53 п. п. (НАФИ, 2020).

Отставание цифровой грамотности пожилого населения имеет ряд серьезных экономических и социальных последствий и требует внесения серьезных коррективов в государственную политику, принятия адекватных мер в отношении пожилых работников на рынке труда. Именно поэтому представляется актуальным осветить эту проблему на примере стран с развитой и переходной экономикой.

Обзор литературы

Цифровизация экономики и старение населения — два процесса, которые происходят во многих странах одновременно, но при этом могут оказывать противоположное влияние на занятость пожилого населения.

Старение населения и пенсионные реформы, которые предприняты во многих странах Европы, в том числе и в России, оказали влияние на занятость пожилых работников: увеличилось время выхода на пенсию; относительно повысился уровень занятости пожилого населения на рынке труда; на предприятиях ряда стран сократился наем молодежи (Voeri et al., 2016).

Под воздействием старения населения меняется и кадровая политика предприятий. Политика освобождения рабочих мест для молодежи («пожилые работники — на выход») с середины 1990-х годов сменилась идеей «поощрения долголетия трудовой деятельности» (Phillipson, 2013a, 2013b; Loretto, Vickerstaff, 2015; Phillipson et al., 2016; Taylor, Earl, 2016; Taylor et al., 2016). При этом отношение работодателей к пожилым работникам часто остается консервативным (Taylor, Walker, 1998) и основано на устаревших стереотипах об их производительности и способностях (Naegele, Walker, 2006; Boehm et al., 2013; Nicholson et al., 2016). Например, сохраняются убеждения, что пожилые работники менее мотивированы, менее заинтересованы в обучении и развитии, хуже адаптируются, консервативны, имеют низкий уровень технологических способностей, цифровых навыков, устаревшие знания (Naegele, Walker, 2006; Posthuma, Campion, 2009; Porcellato et al., 2010; Ng, Feldman, 2012; Axelrad, James, 2016; Zheltoukhova, Baczor, 2016; Kroon et al., 2018). Предвзятость работодателей в отношении пожилых работников может приводить к их дискриминации и снижать уровень занятости пожилого населения на рынке труда (Conen et al., 2012; Krings et al., 2011).

Однако эмпирически подтверждено, что в условиях старения населения рост доли пожилых работников на рынке труда не оказывает негативного влияния на рост ВВП (Acemoglu, Restrepo, 2017). Это может свидетельствовать о том, что пожилые работники с высокой вероятностью дополняют работников остальных возрастных групп на рынке труда. Кроме того, отмечается, что старение населения может способствовать повышению уровня автоматизации и роботизации

предприятий (Acemoglu, Restrepo, 2018). В условиях старения населения с помощью цифровизации и автоматизации решаются проблемы дефицита работников среднего возраста, часто занятых на рабочих местах, требующих физической силы, выносливости и др., то есть там, где маловероятна занятость пожилых работников. Таким образом, *рост цифровизации в одних секторах экономики может сопровождаться сохранением или ростом занятости пожилых работников в других секторах.*

В условиях цифровизации экономики на уровне предприятий занятость пожилого населения будет зависеть от того, какой эффект в отношении него окажется доминирующим — эффект замены или эффект дополнения (Betchichi et al., 2018).

Если предприятия, внедряющие цифровые технологии, рассматривают пожилых работников как относительно дорогой, но менее производительный ресурс с низкой цифровой грамотностью, то спрос на пожилых работников сократится, что может привести к падению уровня занятости пожилых работников на рынке труда (Walker, 2005).

Уровень заработной платы пожилых работников в развитых странах, при прочих равных, часто выше, чем уровень заработной платы молодых работников. В силу большего трудового стажа у пожилых работников выше доплаты за стаж, на них распространяются поощрительные выплаты, учитывающие непрерывный стаж на одном месте работы, и др. Относительно высокие издержки по заработной плате в сочетании с относительно низкой цифровой грамотностью пожилых работников могут увеличивать общие издержки предприятий и подталкивать их к замене пожилых работников молодыми, чья цифровая грамотность выше, а издержки по заработной плате часто относительно ниже.

Однако в условиях цифровизации экономики может наблюдаться и эффект дополнения. Более высокий уровень заработной платы пожилых работников может свидетельствовать об их более высокой производительности по сравнению с молодыми работниками. За счет накопления человеческого капитала и опыта на рабочем месте производительность труда пожилых работников может быть в отдельных областях и видах деятельности выше, чем у молодых работников (Thijssen, Rosso, 2010). Цифровые навыки и знания молодежи в сочетании с опытом, знанием производственных процессов и стабильностью пожилых работников могут, дополняя друг друга, формировать для предприятий ресурс для создания и внедрения цифровых инноваций (Venešová, Tura, 2017). В результате занятость пожилого населения в условиях цифровизации экономики может расти, а не сокращаться.

Чувствительность рабочих мест, на которых заняты пожилые работники, а также восприимчивость навыков пожилых работников к воздействию цифровизации определяют, какой эффект окажется доминирующим — замены или дополнения. В условиях цифровизации риску сокращения подвержены менее квалифицированные рабочие места, где выполняются рутинные функции, которые проще автоматизировать и заменить роботами и др. (Frey, Osborne, 2017; Pouliakas,

2018). Предполагается, что высококвалифицированные рабочие места (например, руководителей, специалистов) будут развиваться в направлении более широкого использования цифровых технологий при одновременном сокращении рутинных задач. Рабочие места с высокой долей рутинной деятельности больше всего пострадают от процесса цифровизации, поскольку роботы и технологии искусственного интеллекта смогут взять на себя рутинные задачи (Frey, Osborne, 2017). Если пожилые работники выполняют работу с высокой долей интеллектуальной и аналитической составляющих, то их сложнее заменить машинами (Frey, Osborne, 2017; Balsmeier, Woerter, 2019). При этом если пожилые работники окажутся на рабочих местах с высокой долей рутинной деятельности, то возрастает вероятность их увольнения и уровень занятости может снизиться.

Цифровизация предприятий происходит постепенно, и в экономике могут длительное время сохраняться предприятия и рабочие места с низким уровнем цифровизации. Они могут аккумулировать пожилую рабочую силу с относительно низкими цифровыми навыками и компетенциями. Доля пожилых работников на таких предприятиях может сохраняться на высоком уровне. В результате с ростом цифровизации предприятий уровень занятости пожилых работников на рынке труда длительное время может оставаться относительно стабильным. Кроме того, не исключено, что со временем вслед за постепенной цифровизацией предприятий уровень цифровой грамотности пожилого населения может вырасти.

Данные и методология анализа

Для оценки цифровой грамотности населения и уровня цифровизации предприятий в странах ЕС были использованы данные Евростата для сводного индекса цифровизации экономики и общества². Методология расчета сводного индекса разработана Еврокомиссией для отслеживания цифровой конкурентоспособности по странам ЕС и базируется на суммировании ряда показателей по цифровизации экономики и общества. Все показатели сводного индекса сгруппированы по направлениям: связь и коммуникации (использование скоростных, широкополосных средств связи); человеческий капитал (знания и навыки по использованию цифровых технологий); интернет (различные виды онлайн-деятельности — потребление различного вида онлайн-контента, видеозвонки, интернет-магазины и банковские услуги); цифровизация бизнеса и электронная коммерция (внедрение и использование цифровых технологий предприятиями и центрами (точками) электронной коммерции); цифровизация государственных услуг (оцифровка государственных услуг и создание электронного правительства и электронного здравоохранения); исследования и разработки по цифровизации (развитие сектора информационно-коммуни-

---

² Более подробное описание методологии сбора данных можно найти на сайте: <http://www.Digital-agenda-data.eu> (European Commission, 2020).

кационных технологий и НИОКР). Сбор данных для расчета сводного индекса цифровизации экономики и общества проводится ежегодно с 2004 по 2019 г. в 31 стране ЕС, включая Великобританию.

В выборку для данного исследования вошли 9 стран с развитой экономикой (Германия, Франция, Италия, Испания, Дания, Швеция, Нидерланды, Великобритания и Финляндия), а также 11 стран с переходной экономикой (Польша, Венгрия, Чехия, Румыния, Болгария, Словения, Словакия, Хорватия, Эстония, Латвия, Литва). Данные для расчета индекса репрезентативны по странам и могут быть использованы для сравнительного анализа.

В данном исследовании цифровая грамотность населения оценивалась с использованием показателей, которые в сводном индексе цифровизации относятся к направлению человеческого капитала и характеризуют знания и навыки населения по использованию цифровых технологий, а также по показателям, характеризующим частоту использования населением интернета и различного интернет-контента (социальные сети, банковские услуги, покупки и др.).

При оценке использования цифровых технологий для определения цифровой грамотности населения мы опирались на методiku ЕС, согласно которой уровень цифровой грамотности определяется тем, насколько население владеет четырьмя цифровыми компетенциями — обработка информации, установление связей и коммуникаций, создание контента и решение проблем, связанных с цифровизацией в рамках своей деятельности. Все четыре цифровых навыка оцениваются по двум уровням: базовому и выше базового. Для отнесения к базовому уровню цифровой грамотности индивид должен иметь уровень не ниже базового по всем четырем компетенциям, включенным в показатель цифровой грамотности. Индивиды, которые не используют интернет в течение последних трех месяцев, считаются не имеющими никаких цифровых навыков и компетенций.

Интернет-грамотность населения характеризовалась долей регулярных и активных пользователей интернета, а также долей населения, которое никогда на момент опроса не пользовалось интернетом. К регулярным пользователям отнесены лица, которые пользуются интернетом не реже одного раза в неделю в течение трех месяцев. Активными пользователями считаются лица, которые пользуются интернетом каждый день или почти каждый день в течение трех месяцев.

Оценка цифровой грамотности проводилась для населения в возрасте от 16 до 74 лет, которое было разбито на шесть возрастных групп (16–24, 25–34, 35–44, 45–54, 55–64, 65–74 года). Поскольку поведение на рынке труда представителей пожилого населения, достигших пенсионного возраста (65–74 года) и, возможно, уже вышедших на пенсию, отличается от соответствующего поведения пожилых людей в трудоспособном возрасте (55–64 года), эти две группы рассматривались отдельно. Основной группой для анализа было *пожилое население в возрасте от 55 до 64 лет*³. Эти люди

³ Далее везде по тексту под пожилым населением понимается население в возрасте 55–64 лет, если специально не оговорены другие границы возраста пожилого населения.

находятся в трудоспособном возрасте и могут оставаться на рынке труда до выхода на пенсию. Их навыки и знания могут влиять на вероятность занятости на рынке труда и быть связаны со спросом на рабочую силу со стороны предприятий, на которых применяются цифровые технологии.

Оценка цифровизации предприятий осуществлялась на выборке Евростата⁴, в которую вошли предприятия (с численностью работников свыше 10 человек) всех отраслей промышленности и сектора услуг, кроме финансов.

Для оценки цифровизации предприятий были использованы следующие показатели: уровень применения предприятиями цифровых технологий, предоставление предприятиями своим сотрудникам удаленного интернет-доступа (например, к электронной почте, документам, формированию заявок), различного рода гаджетов и девайсов (ноутбуки, смартфоны, планшеты и др.), в том числе оплачиваемых самими предприятиями.

Согласно методологии ЕС, предприятия могут использовать цифровые технологии с разной степенью интенсивности, что влияет на их уровень цифровизации. Предприятия могут применять в своей деятельности 12 возможных цифровых технологий⁵, в связи с этим выделяются четыре уровня цифровизации предприятий: 0–3 технологий — очень низкий; 4–6 технологий — низкий; 7–9 технологий — высокий; 10–12 технологий — очень высокий.

Наше исследование состояло из нескольких этапов. На первом этапе осуществлялся сравнительный анализ показателей цифровой грамотности пожилого населения по странам и возрастным группам, а также показателей цифровизации предприятий по странам и по годам. На втором этапе оценивалась связь между цифровизацией предприятий и цифровой грамотностью пожилого населения (с помощью коэффициентов детерминации, которые показывают, какая доля дисперсии зависимой переменной обусловлена дисперсией объясняющей переменной). В качестве зависимой переменной использована доля пожилого населения с базовым уровнем цифровой грамотности. Объясняющая переменная — доля предприятий с высоким уровнем цифровизации (используют от 7 до 9 цифровых технологий). Предполагалось, что чем выше уровень цифровизации предприятий и чем больше доля предприятий, применяющих цифровые технологии на рабочих местах, тем выше спрос предприятий на рабочую силу, имеющую как минимум базовый уровень цифровой грамотности. Кроме того, подразумевалось, что базовые цифровые навыки составляют промежуточную ступень для более высокого уровня цифровой грамотности и при общем повышении цифровой грамотности населения в стране должна увеличиваться доля населения с базовыми цифровыми навыками.

⁴ <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database>

⁵ Доступ к интернету для большинства работников; навыки специалистов в области ИКТ; фиксированная скорость широкополосной связи 30 Мбит/с; есть веб-сайт; выполняются сложные функции на веб-сайте; присутствие в социальных сетях; есть электронные продажи, по крайней мере 1% от оборота; более 20% занятых работников применяют мобильные устройства и др. (European Commission, 2020).

Результаты анализа

Интернет-грамотность пожилого населения

Важная составляющая цифровой грамотности населения — его знания и навыки по использованию интернета. В 2004–2019 гг. в странах ЕС постоянно росла доля регулярных и активных пользователей интернета по всем возрастным группам (рис. 1).

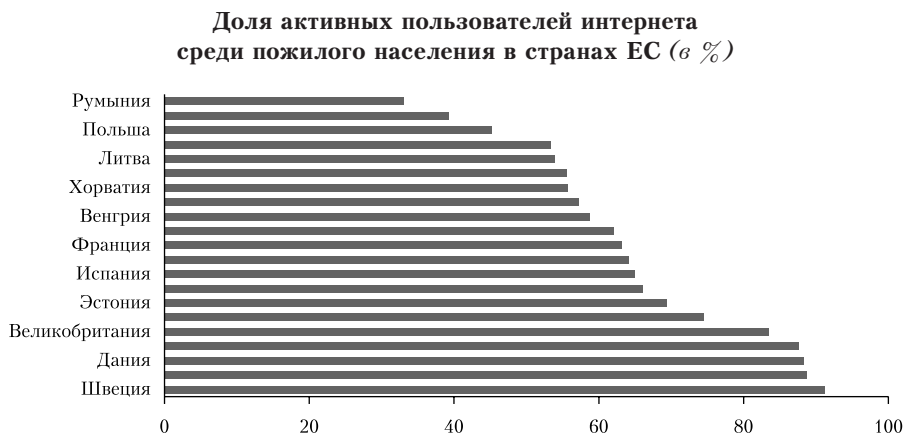
Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 1

Среди молодежи в возрасте 16–24 лет доля регулярных пользователей интернета увеличилась с 60% в 2004 г. до практически 100% в 2019 г. Среди пожилого населения доля регулярных пользователей интернета тоже постоянно росла, но на протяжении всех лет оставалась самой низкой по сравнению с остальными возрастными группами. В 2004 г. доля регулярных пользователей интернета среди пожилого населения равнялась 19%, а в 2019 г. повысилась до 76%. Среди населения более старшего возраста (65–74) доля регулярных пользователей интернета была еще ниже: в 2004 г. составляла 7%, а в 2019 г. — 57%. Таким образом, на протяжении 2004–2019 гг. пожилое население оставалось в странах ЕС самой большой по численности группой, которая нерегулярно пользуется интернетом (см. рис. 1).

Если люди используют интернет каждый день или почти каждый день в течение трех месяцев, то они считаются активными пользователями (European Commission, 2020). С высокой вероятностью они могут не испытывать затруднений при использовании интернета в своей деятельности и на рабочем месте. В странах ЕС доля активных пользователей интернета была ниже (78,8%), чем доля его регулярных пользователей (85,3%).

Среди пожилого населения доля активных пользователей интернета составляла 61% в 2018 г. и повысилась до 66% в 2019 г. Наиболее высокая доля активных пользователей интернета среди пожилого населения наблюдалась в развитых странах. Существенно ниже она была в странах с переходной экономикой. Например, в Швеции (91%) доля активных пользователей интернета среди пожилого населения была почти в 3 раза выше, чем в Румынии (33%). К странам с высокой долей активных пользователей интернета можно отнести также Финляндию (89%), Данию (88%), Нидерланды (88%), Великобританию (83%), Германию (74%) и Эстонию (69%). Ниже среднего уровня по странам ЕС доля активных пользователей интернета в Испании (65%), Италии (64%), Франции (63%) и в ряде стран с переходной экономикой – Чехии (62%), Венгрии (59%), Латвии (57%), Польше (45%), Болгарии (39%), Румынии (33%) и др. (рис. 2).

Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 2

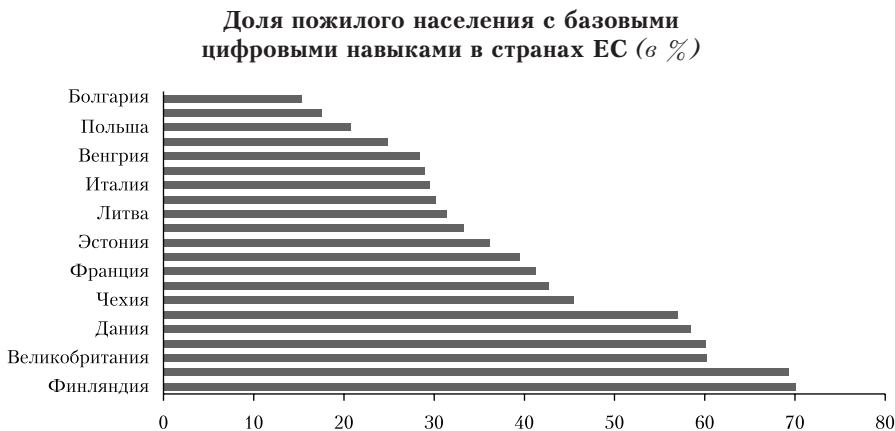
В 2004–2019 гг. в странах ЕС с ростом доли активных и регулярных пользователей интернета одновременно сокращалась доля тех, кто не пользуется интернетом. Среди пожилого населения доля лиц, никогда не пользовавшихся интернетом, постоянно снижалась, но оставалась самой высокой по сравнению с остальными возрастными группами. В возрастной группе 55–64 года доля лиц, никогда не пользовавшихся интернетом, сократилась с 63% в 2004 г. до 15% в 2019 г., а в группе более старшего возраста (65–74 года) — с 84% в 2004 г. до 33% в 2019 г. Как видно, несмотря на повышение интернет-грамотности, различия между двумя группами остались.

Цифровая грамотность и занятость пожилого населения

Активного использования интернета может быть недостаточно, чтобы в условиях цифровизации экономики выполнять функционал на

рабочем месте. Например, для дистанционной занятости работникам могут потребоваться базовые цифровые навыки, которые встречаются у пожилого населения реже, чем у молодежи. В 2019 г. в странах ЕС средняя доля населения с базовыми цифровыми навыками среди молодежи (16–24 года) составляла 82%, а среди пожилого населения (55–64 года) была почти в два раза меньше — 43%.

К лидерам по доле населения с базовыми цифровыми навыками среди пожилых людей относятся Финляндия (70%), Нидерланды (69%), Великобритания (60%), Швеция (60%), Дания (59%) и Германия (57%) (рис. 3). В странах с переходной экономикой показатели базовой цифровой грамотности среди пожилого населения ниже, чем в развитых странах. Относительно высокая доля пожилого населения с базовыми цифровыми навыками отмечается, например, в Чехии (46%), Эстонии (36%), Словении (33%), Литве (31%) и Словакии (30%). Самая низкая доля пожилого населения с базовыми цифровыми навыками в Болгарии (15%) (см. рис. 3).

Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 3

Если население владеет четырьмя цифровыми навыками (обработка информации, установление связей и коммуникаций, создание контента и решение проблем, связанных с цифровизацией в рамках своей деятельности) на уровне выше базового, то считается, что у него относительно высокий уровень цифровой грамотности (European Commission, 2020).

Высокий уровень цифровой грамотности в странах ЕС наблюдается у меньшей части населения (33,3%), чем базовый уровень цифровой грамотности (58,3%). Но и в этом случае доля населения с высокой цифровой грамотностью ниже среди пожилых (18%), чем среди молодых (59%). Больше всего пожилых людей с высоким уровнем цифровой грамотности в Финляндии (39%), Дании (31%), Нидерландах (30%), Швеции (30%) и Великобритании (29%). Выше среднеевропейского уровня доля пожилого населения с высоким уровнем цифровой грамотности в Германии (22%) и Испании (19%). Относительно низкая доля

Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 4

пожилого населения с высокой цифровой грамотностью во Франции (16%) и Италии (12%) (рис. 4).

В странах с переходной экономикой доля пожилого населения с высоким уровнем цифровой грамотности не превышает 15%. В Словении (15%), Хорватии (14%), Литве (13%), Эстонии (12%), Чехии (12%) и Венгрии (12%) она заметно выше, чем в Латвии (9%), Словакии (9%), Польше (6%), Болгарии (5%) и Румынии (5%) (см. рис. 4).

Несмотря на расширение масштабов цифровизации экономики, среди пожилого населения остается относительно высокой доля лиц, не имеющих никаких цифровых знаний и навыков. В 2019 г. в странах ЕС доля пожилого населения, не имеющего цифровых навыков, составляла в среднем 2%. Среди молодежи эта доля была гораздо ниже (0,5%).

В условиях цифровизации экономики базовые цифровые знания и навыки становятся необходимыми для продвижения работников по карьерной лестнице, они защищают их от потери занятости, обуславливают рост доходов и др. Для незанятого населения базовые цифровые навыки повышают вероятность трудоустройства.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что в развитых странах базовые цифровые навыки пожилого населения положительно коррелируют с уровнем занятости этой группы на рынке труда. В странах с переходной экономикой теснота связи между двумя показателями относительно низка. С повышением уровня цифровой грамотности пожилого населения связь с уровнем занятости ослабевает: если в развитых странах она остается существенной, то в странах с переходной экономикой практически равна нулю⁶.

Страны с переходной экономикой отстают от развитых стран не только по уровню цифровой грамотности пожилого населения, но и по тесноте связи цифровой грамотности пожилого населения с уровнем его занятости на рынке труда. Возможно, по этой причине средний

⁶ См. онлайн-приложение, рис. 1–4. <https://drive.google.com/file/d/1lXDjstatvS0Xh6iiE-HChwuy3pY12yrc/view>

уровень занятости пожилого населения в странах с переходной экономикой ниже (58%), чем в развитых странах (65%). Вероятно, занятость пожилого населения в странах с переходной экономикой зависит больше от других факторов, чем от уровня цифровой грамотности. Например, в Болгарии, стране с переходной экономикой и практически с самой низкой долей пожилого населения с базовым (15,4%) и высоким (4,59%) уровнями цифровой грамотности, уровень занятости пожилого населения на рынке труда выше (64,4%), чем во Франции (53%), Испании (53,8%), Италии (54,3%), где доля пожилого населения с базовым и высоким уровнями цифровой грамотности гораздо выше (Франция — 41,33 и 16,07%; Испания — 39,53 и 18,82%; Италия — 29,51 и 11,83% соответственно). Одно из объяснений может заключаться в высокой вероятности занятости пожилого населения Болгарии на рабочих местах, не требующих цифровых навыков. Сохранение в странах с переходной экономикой высокой доли таких рабочих мест может обеспечивать для пожилого населения этих стран относительно высокий уровень занятости на рынке труда. Однако при низком уровне цифровой грамотности пожилого населения и по мере сокращения рабочих мест с низким уровнем цифровизации пожилое население может столкнуться с рисками безработицы и трудностями дальнейшего трудоустройства.

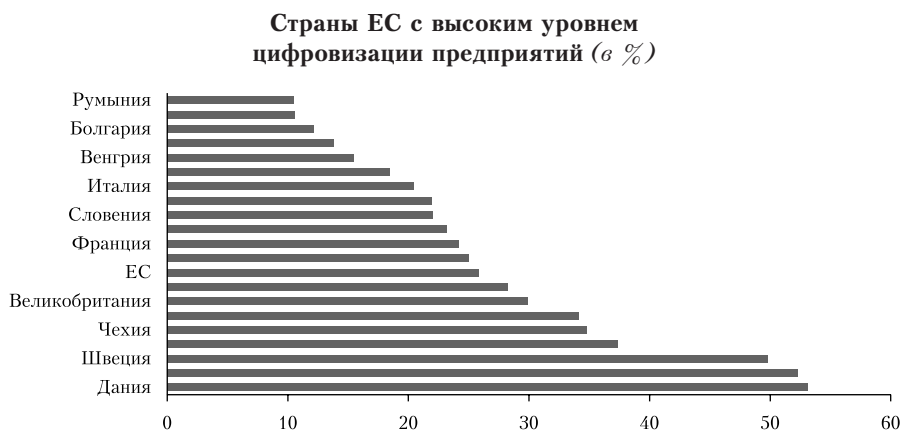
Цифровизация предприятий

В странах ЕС темпы цифровизации предприятий постоянно растут. Средняя доля предприятий с высоким уровнем цифровизации, которые используют не менее 12 различных видов цифровых технологий, выросла с 18% в 2018 г. до 26% в 2019 г.

Относительно много предприятий с высоким уровнем цифровизации в Дании (53%), Финляндии (52%) и Швеции (50%), меньше их в Нидерландах (37%), Чехии (35%), Литве (34%), Великобритании (30%) и Германии (28%). Мало предприятий с высоким уровнем цифровизации в Болгарии (12%), Румынии (11%) и Польше (11%) (рис. 5).

Отставание предприятий происходит отчасти вследствие сохранения во многих странах ЕС значительной доли предприятий с низким уровнем цифровизации, на которых применяется не более трех цифровых технологий (European Commission, 2020). В среднем по странам ЕС доля таких предприятий 39%. При этом она различается по странам. Более половины предприятий имеют низкий уровень цифровизации в Румынии (67%), Болгарии (61%), Польше (60%), Венгрии (57%) и Латвии (53%). Гораздо меньше предприятий с низким уровнем цифровизации в Дании (15%), Финляндии (15%), Швеции (17%) и Чехии (26%). Около трети предприятий с низким уровнем цифровизации сохраняется в Германии (32%), Великобритании (33%), Нидерландах (28%) и Литве (28%)⁷.

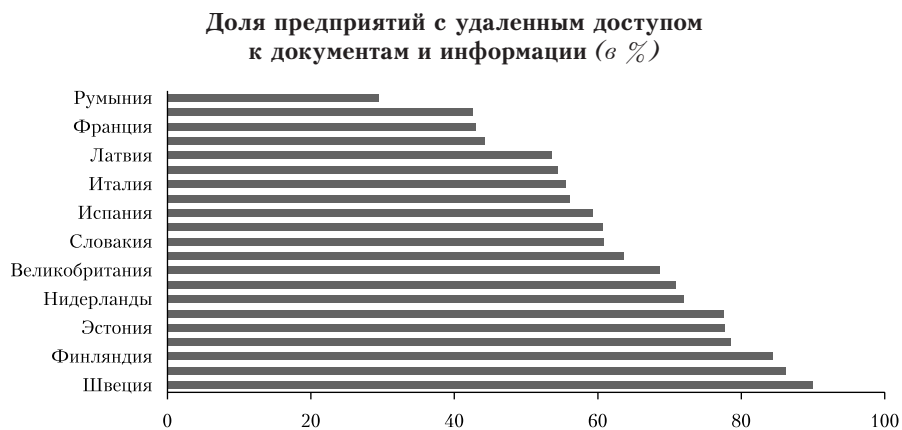
⁷ Онлайн-приложение, рис. 5. <https://drive.google.com/file/d/1lXDjstatvS0Xh6iiE-HChwuy3pY12урс/view>

Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 5

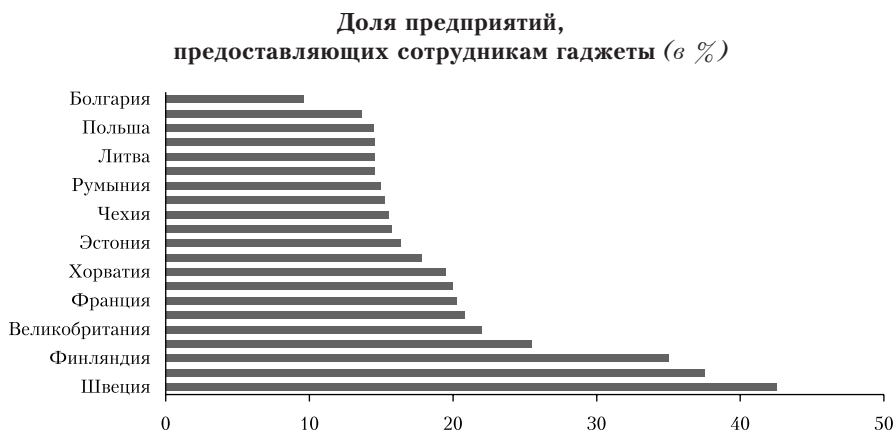
Об уровне цифровизации свидетельствует предоставление предприятиями удаленного доступа для сотрудников к электронным документам, почте, заявкам и др. (European Commission, 2020). В 2016 г. доля таких предприятий в странах ЕС составляла в среднем 61% (рис. 6). В Швеции (90%), Словении (86%), Финляндии (84%), Дании (78%), Эстонии (78%), Польше (78%), Нидерландах (72%) и Чехии (71%) подавляющее большинство предприятий предоставляет своим сотрудникам удаленный доступ. Меньше предприятий с удаленным доступом в Румынии (30%), Болгарии (43%), Франции (43%) и Венгрии (44%). Часто в странах ЕС предоставление удаленного доступа для сотрудников происходит при высоком уровне цифровизации предприятий. Но есть страны-исключения: в Литве при доле предприятий с высоким уровнем цифровизации (34%), выше среднего по странам ЕС (26%), доля предприятий с удаленным доступом (54%) ниже, чем в среднем в ЕС (61%) (см. рис. 6).

Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 6

Предоставление предприятиями удаленного доступа может сопровождаться выдачей и оплатой ими различного рода гаджетов и девайсов (ноутбуки, планшеты, смартфоны и др.) для работников. Таким образом предприятия могут поддерживать новые формы организации труда и коммуникаций между сотрудниками, клиентами, повышать гибкость и мобильность трудовых процессов, совершенствовать способы оказания услуг (производства продукции) и др. В 2013 г. средняя доля таких предприятий в странах ЕС составляла 20%. Чаще всего гаджеты для работы сотрудников предоставляли предприятия Швеции (43%), Дании (38%) и Финляндии (35%). Минимальная доля предприятий, предоставляющих сотрудникам гаджеты для работы, в Болгарии (10%) (рис. 7).

Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 7

Подводя итоги, можно заключить, что лидеры по цифровизации предприятий расположены на Севере Европы (Дания, Швеция, Финляндия). При этом страны с переходной экономикой в целом отстают от большинства развитых стран. Исключение составляют только Чехия и Литва. Такие страны, как Болгария и Румыния, находятся на последнем месте практически по всем показателям цифровизации предприятий.

Цифровизация предприятий может оказывать влияние на занятость населения. При этом уровень занятости пожилого населения может как расти, так и снижаться при увеличении на предприятиях цифровых рабочих мест. Увеличение доли предприятий с высоким уровнем цифровизации может отрицательно влиять на занятость пожилого населения, особенно если цифровая грамотность пожилого населения отстает от цифровой грамотности других возрастных групп.

Результаты нашего исследования показали, что чем выше в стране доля предприятий с низким уровнем цифровизации, тем ниже в ней уровень занятости пожилого населения. По мере роста уровня цифровизации предприятий и увеличения доли предприятий с более

высокими уровнями цифровизации (высокий и очень высокий) растет и уровень занятости пожилого населения на рынках труда как развитых стран, так и стран с переходной экономикой.

Цифровизация предприятий и цифровая грамотность пожилого населения

Цифровизация предприятий может стать фактором повышения цифровой грамотности населения. За счет увеличения в экономике доли предприятий с высоким уровнем цифровизации могут возникать так называемые сопутствующие эффекты («spillover effects»), среди которых и рост цифровой грамотности населения. Например, предприятия с высоким уровнем цифровизации могут обучать работников цифровым навыкам, повышая уровень их цифровой грамотности. Кроме того, для трудоустройства на предприятия с высоким уровнем цифровизации работники могут сами проходить обучение. При этом чем выше будет уровень цифровизации предприятий и чем больше цифровых технологий применяется на рабочих местах, тем выше будет спрос предприятий на рабочую силу, имеющую как минимум базовый уровень цифровой грамотности.

Исходя из этого можно ожидать, что с ростом цифровизации предприятий будет расти и цифровая грамотность населения. Однако справедливо ли это в отношении пожилого населения и растет ли его цифровая грамотность одновременно с ростом цифровизации предприятий?

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что чем выше в странах ЕС доля предприятий с высоким уровнем цифровизации, тем выше доля пожилого населения с базовым уровнем цифровой грамотности. При этом теснота связи между цифровизацией предприятий и долей пожилого населения с базовым уровнем цифровой грамотности относительно высокая⁸ (рис. 8).

Поскольку страны ЕС разнородны по уровню цифровой грамотности населения, предполагалось, что эффекты цифровизации предприятий для цифровой грамотности населения могут различаться для отдельных (групп) стран. Страны — лидеры по цифровизации предприятий могут не всегда совпадать со странами — лидерами по цифровой грамотности населения.

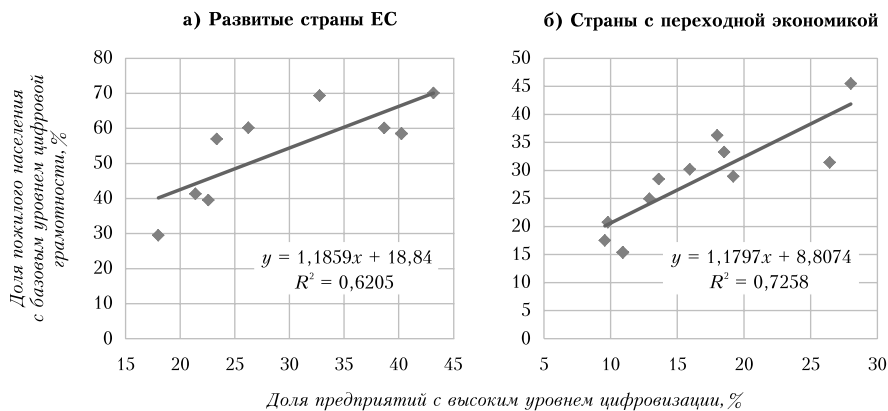
В европейском пространстве Нидерланды, Дания, Финляндия, Швеция — лидеры и по цифровизации предприятий, и по цифровой грамотности населения.

Далее идут Германия, Испания, Эстония, Литва и Словения, в которых уровень цифровизации предприятий мало отличается от стран-лидеров, но в этих странах доля пожилого населения с базовы-

---

⁸ Теснота связи базируется на расчетах коэффициентов детерминации по группам стран (развитые и с переходной экономикой). Коэффициенты детерминации показывают, какая доля дисперсии зависимой переменной (доля пожилого населения с базовым уровнем цифровой грамотности) обусловлена дисперсией объясняющей переменной (доля предприятий с высоким уровнем цифровизации).

**Связь между цифровизацией предприятий
и уровнем цифровой грамотности пожилого населения
в развитых странах ЕС и странах с переходной экономикой, 2019 г.**

Источник: расчеты автора по данным European Commission, 2020.

Рис. 8

ми цифровыми навыками ниже, чем в странах-лидерах. Например, в Литве и Швеции доли предприятий с высоким уровнем цифровизации практически одинаковые (31 и 32%), но доля пожилого населения с базовыми цифровыми навыками в Литве (32%) практически в два раза ниже, чем в Швеции (63%).

Третью группу стран составляют Чехия, Словакия, Франция, Венгрия и Латвия. Эти страны уступают по доле предприятий с высоким уровнем цифровизации странам из двух предыдущих групп, но в них относительно высокая доля пожилого населения с базовыми цифровыми навыками, иногда даже выше, чем в двух предыдущих группах стран. Например, в Чехии и Франции доля предприятий с высоким уровнем цифровизации (18%) ниже, чем в Словении (23%), а доля пожилого населения с базовыми цифровыми навыками в Чехии (43%) и во Франции (40%) существенно выше, чем в Словении (26%).

К четвертой группе стран относятся Польша, Румыния и Болгария. В этих странах при низкой доле предприятий с высоким уровнем цифровизации относительно мало пожилого населения имеет базовый уровень цифровой грамотности.

При общей тенденции для развитых стран и стран с переходной экономикой — повышение доли пожилых работников с базовыми цифровыми навыками по мере увеличения доли предприятий с высоким уровнем цифровизации — между группами европейских стран сохраняются значительные различия как по уровню цифровой грамотности пожилого населения, так и по уровню цифровизации предприятий. Как следствие, в пространстве ЕС формируются разнородные по уровню цифровизации сегменты, и положение пожилой рабочей силы на рынках труда, например, в Дании и Болгарии сильно различается.

* * *

Занятость пожилого населения на рынках труда формируется факторами, которые могут оказывать на нее противоположное влияние. С одной стороны, в условиях старения населения и проведения пенсионных реформ в большинстве стран ЕС пожилые люди чаще присутствуют на рынке труда. С другой стороны, в странах ЕС цифровая грамотность пожилого населения отстает от цифровой грамотности других возрастных групп, что может приводить к снижению занятости пожилого населения на рынке труда.

Занятость пожилого населения зависит от того, какой эффект в отношении нее доминирует — замещения или дополнения. Относительно дорогая и менее производительная (из-за низкой цифровой грамотности) рабочая сила в пожилом возрасте может замещаться более молодыми работниками. Вместе с тем исследователи указывают на то, что молодежь и пожилые работники в условиях цифровизации экономики могут дополнять друг друга. Обнаружено, что старение населения может способствовать росту процессов автоматизации и роботизации. Таким образом, взгляд на пожилое население как на исключительно низкопроизводительный ресурс в условиях цифровизации экономики не подтверждается эмпирическими исследованиями.

Если пожилое население способно адаптироваться к новым условиям, то с ростом уровня цифровизации предприятий на рынках труда должна наблюдаться относительно высокая доля пожилых работников с достаточно высоким уровнем цифровой грамотности. Поэтому становится более актуальным вопрос, как с ростом цифровизации предприятий изменяется цифровая грамотность работников пожилого возраста. Ответ на этот вопрос позволяет косвенным образом охарактеризовать вероятность сохранения экономической активности пожилого населения на рынках труда в новом контексте.

Мы ставили задачу определить межстрановые различия в уровне цифровой грамотности пожилого населения и цифровизации предприятий и установить связь между цифровизацией предприятий и цифровой грамотностью пожилого населения в странах ЕС. Во всех странах ЕС интернет- и цифровая грамотность у пожилого населения ниже, чем у всех остальных возрастных групп. Среди пожилого населения сохраняется относительно высокая доля лиц, не имеющих никаких цифровых знаний и навыков. Обнаружено, что население разных возрастных групп имеет разные темпы достижения относительно одинаковых масштабов и уровней интернет-грамотности. С ростом в странах ЕС доли предприятий с высоким уровнем цифровизации в них увеличивается доля пожилого населения с базовым уровнем цифровой грамотности. Рост цифровой грамотности пожилого населения может оказывать положительное влияние на уровень занятости этой возрастной группы. Это влияние сильнее проявляется в развитых странах и слабо выражено в странах с переходной экономикой, где уровень занятости пожилого населения зависит, вероятно, больше от других факторов, чем от уровня цифровой грамотности.

Росту уровня цифровизации предприятий и увеличению доли предприятий с высоким уровнем цифровизации соответствует рост за-

нятости пожилого населения как в развитых странах, так и в странах с переходной экономикой. Одновременно с этим низкому или очень низкому уровню цифровизации предприятий соответствует низкий уровень занятости пожилого населения. Вероятно, чтобы выдерживать конкуренцию с молодыми работниками за рабочие места на предприятиях с высоким уровнем цифровизации, цифровая грамотность пожилых работников должна постоянно расти и быть не ниже базового уровня.

Исходя из этого, можно заключить, что для обеспечения занятости пожилого населения и более длительного его нахождения на рынке труда необходимо по мере роста цифровизации экономики и повышения уровня цифровизации предприятий повышать уровень цифровой грамотности этой возрастной группы населения — не только за счет средств работодателя, но и за счет самофинансирования работников.

В России реализуется программа цифровизации экономики. При этом, как и в странах ЕС, уровень цифровой грамотности пожилого населения России относительно низкий по сравнению с другими возрастными группами. Разделение рабочей силы по возрасту на производительную и непроизводительную и взгляд на пожилое население как на рабочую силу с низкой производительностью создают в условиях цифровизации экономики предпосылки для снижения экономического роста и для социальной напряженности. Для достижения высокого уровня конкурентоспособности необходимо не только осуществлять цифровизацию предприятий, но и повышать уровень цифровой грамотности пожилого населения как части рабочей силы, имеющей относительно высокий удельный вес на рынке труда в условиях старения населения.

Рост цифровой грамотности пожилого населения становится все более актуальным в условиях нарастающего дефицита рабочей силы и необходимости замены труда мигрантов местной рабочей силой, а также при снижении уровня рождаемости и замедлении смертности, при нехватке на рынке труда молодой рабочей силы и др. Пожилые работники с цифровыми навыками могут в некоторых сферах деятельности восполнить дефицит молодых работников. Таким образом, повышение цифровой грамотности пожилого населения может решить не только проблему сохранения занятости для пожилых, но и дефицита рабочей силы в некоторых секторах экономики.

Чтобы эффективно повысить цифровую грамотность пожилого населения, необходимо разработать соответствующую комплексную программу, включив в нее не только решение вопросов в области образования (цифровой грамотности), но и здравоохранения и трудовой сферы. Программа должна предусматривать уменьшение возрастной дискриминации и изменение отношения к старению в более благоприятную сторону; развитие гибких моделей рабочего времени; поддержание и повышение трудоспособности пожилого населения; обучение с использованием пожилых наставников; участие пожилых людей в административных органах по управлению трудом и др. Важным принципом цифрового обучения пожилого населения должно стать требование об адаптации цифровых технологий к потребностям пожилых людей, а не попытка заставить их адаптироваться к новым технологиям. Для этого предлагается разрабатывать цифровые реше-

ния и услуги при участии пожилого населения, прислушиваться к его пожеланиям и потребностям.

Полученные результаты исследования отражают лишь некоторые тенденции, сложившиеся в странах ЕС в результате цифровизации экономики и общества. Более подробное изучение опыта стран ЕС по более широкому кругу показателей цифровой грамотности населения может быть важно для разработки мер в области российской политики занятости. Рекомендуется для оценки потенциала и уровня цифровизации в России разработать показатели и проводить мониторинг на базе Росстата не только по цифровизации отраслей экономики и профессий, но и цифровой грамотности различных групп населения.

Список литературы / References

- ИСИЭЗ НИУ ВШЭ (2020). Цифровые технологии в промышленности и ИТ-отрасли М.: Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. [HSE ISSEK (2020). *Digital technologies in the industry and in IT-sector*. Moscow: HSE Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge. (In Russian).] <https://issek.hse.ru/news/368076191.html>
- НАФИ (2020). Цифровая грамотность россиян: исследование 2020. М.: Аналитический центр НАФИ. [NAFI (2020). *Digital literacy of Russians: Study 2020*. Moscow: NAFI Research Centre. (In Russian).] <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020>
- Acemoglu D., Restrepo P. (2017). Secular stagnation? The effect of aging on economic growth in the age of automation. *NBER Working Paper*, No. 23077. <https://doi.org/10.3386/w23077>
- Acemoglu D., Restrepo P. (2018). Demographics and Automation. *NBER Working Paper*, No. 24421. <https://doi.org/10.3386/w24421>
- Axelrad H., James J. B. (2016). Employers' attitudes toward older-worker job seekers: A comprehensive review with recommendations for action. In: A. Antoniou, R. Burke, C. Cooper (eds.). *The aging workforce handbook: Individual, organizational, and societal challenges*. Bingley: Emerald Group Publishing, pp. 489–512.
- Balsmeier B., Woerter M. (2019). Is this time different? How digitalization influences job creation and destruction. *Research Policy*, Vol. 48, No. 8, 103765. <https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.03.010>
- Bechichi N., Grundke R., Jamet S., Squicciarini M. (2018). Moving between jobs: An analysis of occupation distances and skill needs. *OECD Science, Technology and Industry Policy Papers*, No. 52. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/d35017ee-en>
- Benešová A., Tupa J. (2017). Requirements for education and qualification of people in Industry 4.0. *Procedia Manufacturing*, Vol. 11, pp. 2195–2202. <https://doi.org/10.1016/j.promfg.2017.07.366>
- Boehm S., Schröder H., Kunze F. (2013). Comparative age management: Theoretical perspectives and practical implications. In: J. Field, R. Burke, C. Cooper (eds.). *The Sage handbook of aging, work and society*. London: Sage, pp. 211–237.
- Boeri T., Garibaldi P., Moen E. (2016). A clash of generations? Increase in retirement age and labor demand for youth. *CEPR Working Paper*, No. DP11422.
- Carretero S., Vuorikari R., Punie Y. (2017). *DigComp 2.1: The digital competence framework for citizens with eight proficiency levels and examples of use*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. <http://doi.org/10.2760/38842>
- Conen W., Henkens K., Schippers J. (2012). Employers' attitudes and actions towards the extension of working lives in Europe. *International Journal of Manpower*, Vol. 33, No. 3, pp. 648–665. <https://doi.org/10.1108/01437721211261804>

- European Commission (2020). *Digital economy and society index 2020*. <http://www.Digital-agenda-data.eu>
- Frey K., Osborne M. (2017). The future of employment: How susceptible are jobs to computerization? *Technological Forecasting & Social Change*, Vol. 114, pp. 254–280. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>
- Krings F., Sczesny S., Kluge A. (2011). Stereotypical inferences as mediators of age discrimination: The role of competence and warmth. *British Journal of Management*, Vol. 22, No. 2, pp. 187–201. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2010.00721.x>
- Kroon A., Van Selm M., Hoeven C., Vliegenthart R. (2018). Reliable and unproductive? Stereotypes of older employees in corporate and news media. *Ageing & Society*, Vol. 38, No. 1, pp. 166–191. <https://doi.org/10.1017/S0144686X16000982>
- Loretto W., Vickerstaff S. (2015). Gender, age and flexible working in later life. *Work, Employment and Society*, Vol. 29, No. 2, pp. 233–249. <https://doi.org/10.1177/0950017014545267>
- Naegele G., Walker A. (2006). *A guide to good practice in age management*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- Ng T., Feldman D. (2012). Evaluating six common stereotypes about older workers with meta-analytical data. *Personnel Psychology*, Vol. 65, No. 4, pp. 821–858. <https://doi.org/10.1111/peps.12003>
- Nicholson P., Mayho G., Robson S., Sharp C. (2016). *Ageing and the workplace*. A report from the BMA Occupational Medicine Committee. London: British Medical Association.
- Phillipson C. (2013a). Commentary: The future of work and retirement. *Human Relations*, Vol. 66, No. 1, pp. 143–153. <https://doi.org/10.1177/0018726712465453>
- Phillipson C. (2013b). Reconstructing work and retirement: Labour market trends and policy issues. In: J. Field, R. Burke, C. Cooper (ed.). *The Sage handbook of aging, work and society*. London: Sage, pp. 445–460.
- Phillipson C., Vickerstaff S., Lain D. (2016). Achieving fuller working lives: Labour market and policy issues in the United Kingdom. *Australian Journal of Social Issues*, Vol. 51, No. 2, pp. 187–203. <https://doi.org/10.1002/j.1839-4655.2016.tb00373.x>
- Porcellato L., Carmichael F., Hulme C., Ingham B., Prashar A. (2010). Giving older workers a voice: Constraints on the employment of older people in the North West of England. *Work, Employment and Society*, Vol. 24, No. 1, pp. 85–103. <https://doi.org/10.1177/0950017009353659>
- Posthuma R., Champion M. (2009). Age stereotypes in the workplace: Common stereotypes, moderators, and future research directions. *Journal of Management*, Vol. 35, No. 1, pp. 158–188. <https://doi.org/10.1177/0149206308318617>
- Pouliakas K. (2018). Determinants of automation risk in the EU labour market: A skills-needs approach. *IZA Discussion Papers*, No. 11829.
- Taylor P., Earl C. (2016). The social construction of retirement and evolving policy discourse of working longer. *Journal of Social Policy*, Vol. 45, No. 2, pp. 251–268. <https://doi.org/10.1017/S0047279415000665>
- Taylor P., Walker A. (1998). Employers and older workers: Attitudes and employment practices. *Ageing & Society*, Vol. 18, No. 6, pp. 641–658. <https://doi.org/10.1017/S0144686X98007119>
- Taylor P., Loretto W., Marshall V., Earl C., Phillipson C. (2016). The older worker: Identifying a critical research agenda. *Social Policy and Society*, Vol. 15, No. 4, pp. 675–689. <https://doi.org/10.1017/S1474746416000221>
- Thijssen J., Rocco T. (2010). Development of older workers: revisiting policies. In: European Centre for the Development of Vocational Training. *Working and ageing: Emerging theories and empirical perspectives*. Luxembourg: Publications Office of the European Union, pp. 13–27.
- Walker A. (2005). The emergence of age management in Europe. *International Journal of Organizational Behavior*, Vol. 10, No. 1, pp. 685–697.
- Zheltoukhova K., Baczor L. (2016). *Attitudes to employability and talent*. London: Chartered Institute of Personnel and Development.

Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: Experience of European countries

Larisa I. Smirnykh

Authors affiliation: HSE University (Moscow, Russia). Email: lsmirnykh@hse.ru

The article analyzes the digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises — important indicators of competitiveness — in the EU countries. The research methodology is based on Eurostat data and indicators of the composite index of digitalization of economy and society developed by the European Commission. The results of the comparative analysis show that the digitalization of enterprises and population in transition countries lags behind the developed EU countries. The digital literacy of the elderly population remains the lowest and lags behind the digital literacy of the younger population. At the same time, the higher the share of enterprises with a high level of digitalization in a country, the larger the share of elderly population with a basic level of digital literacy.

Keywords: digitalization, digital literacy, elderly population, aging of population, EU countries.

JEL: J14, J23, J24, O33, O52, O57.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Институты, индивиды и отношения в процессе модернизации

Д. В. Трубицын

Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Анализируются аргументы сторон в дискуссии о роли институтов в возникновении современного роста и выявляются существенные недостатки как институционализма, так и его критики. К ним относятся: стремление остаться в рамках экономики как «чистой» эмпирической науки, хотя междисциплинарный характер проблемы модернизации, социологическая и социально-философская принадлежность этой теории требуют выхода на междисциплинарный и метатеоретический уровень; рассмотрение модернизации в конечной стадии (формирование институтов и переход к современному экономическому росту), тогда как необходим анализ социальных трансформаций на ее ранних этапах — в период появления городов как центров ремесла и торговли, расширения городских рынков, роста влияния и независимости торгово-ремесленного класса; ограничение теории понятиями «экономический рост» и «институты». Необходимо вернуть категории «социальные отношения» значение, какое ей придавалось в марксистской экономической теории. Если речь идет об описании долговременных исторических трансформаций, чем и является модернизация, то ее вытеснение из экономической мысли и замещение «институтами» неэффективно: понятия «структуры/отношения» и «институты» не идентичны.

Ключевые слова: модернизация, экономический рост, институты, социальные отношения.

JEL: B52, O43, O44, P16, P17.

Проблема происхождения современного экономического роста остается одной из наиболее актуальных. Как показала полемика вокруг работ Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста (2011), а также Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона (2016), она тесно связана с вопросом о роли *институтов* в экономической динамике. Критика в адрес

Трубицын Дмитрий Викторович (dvtrubitsyn@yandex.ru), д. ф. н., проф.
Забайкальского государственного университета

этих ученых, ее интенсивность и эмоциональный фон показывают, насколько научное сообщество далеко от согласия в данном вопросе. Оттолкнемся от этой критики, чтобы путем сопоставления двух точек зрения показать важные упущения, им свойственные.

Первое упущение — попытка решить поставленную проблему, находясь исключительно в сфере экономики как эмпирической науки, без выхода на уровень метатеории. Опыт показывает, что абстрактные рассуждения по поводу онтологического статуса институтов и экономического роста полезны. Пример подобных исследований, результаты которых критически использованы в данной работе, — труды Дж. Ходжсона (2007, 2008). При этом мы не утверждаем, что такие рассуждения должны быть оторваны от фактов; сказанное означает лишь, что они — необходимая часть анализа, прояснение понятий, без которого нельзя начинать построение теории.

Как это проявляется в споре с институционалистами? Да, для устойчивого продолжительного роста необходимы институты, согласие в этом большинства экономистов не случайно. Но в развитии они не первичны. При размышлении о появлении современной экономики, а не о ее текущей динамике, правота институционалистов оказывается не столь очевидной. Это показал в своей работе Р. Капелюшников (2019), который также отметил, что институционалистам склонны доверять «чистые экономисты», а сомневаются в их теориях экономисты-историки. Прежде всего так обстоит дело потому, что первые занимаются современной экономикой, а вторые — ее становлением. Но есть и методологические различия, существенные для данного вопроса. Для первых экономика считается номотетической наукой в значительно большей степени, чем для вторых. История же развивалась преимущественно как индивидуализирующая наука, отягощенная отсутствием надежных данных, коими располагают экономисты, изучающие современность. Это делает историков менее доверчивыми. Работая с разрозненным, подчас неоперационализируемым и слабоверифицируемым материалом, они оказываются более чуткими к фактическим неувязкам проверяемых положений. Поэтому они выявляют проблемы институционализма: отмечают узость эмпирической базы — соответствующую логику развития событий подтверждают не все страны, обнаруживают факты наличия институтов и отсутствия роста, и наоборот — отсутствия институтов и наличия роста, например, не находят явных сдвигов в становлении институтов в периоды экономических подъемов в Англии, Франции и Германии (Crafts, 2005; Deakin, 2009; McCloskey, 2016; Арсланов, 2016).

Свидетельствует против институционализма историография за пределами данного спора, к примеру, японская. Уже в XIV–XVI вв., задолго до революции Мэйдзи, «стал возвышаться энергичный плебейский класс, были заложены экономические основания утонченной культуры, до сих пор составляющей часть ниппонской жизни» (Акияма, 2003. С. 435). Не отстает историческая социология: «Экономическое развитие Японии после Реставрации Мэйдзи было не внезапным скачком, а продолжением экспансии долгосрочного роста рыночных структур» (Коллинз, 2015. С. 347). Поэтому сказанное критиком в отношении

Англии — о том, что Славная революция не столько новация, сколько продолжение векового тренда (Капелюшников, 2019. С. 66), — стоит отнести ко всем странам, пережившим такую трансформацию.

Однако есть претензии и к критикам институционалистов. С одной стороны, Капелюшников напоминает им о теории модернизации, которую они не принимают в качестве удовлетворительной модели, использует ее аппарат, противопоставляя «современной» экономике «доиндустриальную», и правомерно, поскольку эти понятия отражают развитие, а не динамику в рамках исторически однотипной модели. С другой стороны, он сужает этот процесс до перехода от «мальтузианского» и «смитианского» экономического роста, чередование которых, по его мнению, характерно для доиндустриального общества, к «шумпетерианскому» (Капелюшников, 2019. С. 28–29). Между тем процессы, не затрагивавшие институты и не отразившиеся в росте, шли задолго до этого. Проблема обеих сторон дискуссии в том, что понятий «институты» и «рост» недостаточно для адекватного анализа.

Критик, как и его оппоненты, пытается решить проблему в дискурсе «чистой» экономики, расширяя понятие «рост» за счет выделения его типов — мальтузианского, основанного на росте населения, смитианского, основанного на разделении труда, расширении рынка и накоплении капитала, и шумпетерианского, основанного на непрерывном потоке инноваций (Капелюшников, 2019. С. 28). На первый взгляд, это добавляет в познавательную схему недостающий качественный анализ — для смитианского, а тем более шумпетерианского роста нужна иная социальная структура, нежели для мальтузианского. Но задача все равно не решается, так как понятия эти отражают нечто свершившееся. Причина трансформации остается неизвестной.

Эта проблема носит дисциплинарный характер. Удобная для экономистов работа с фиксируемым цифрами ростом переносится на исследование исторического развития, в результате чего страдает анализ качественных изменений. Пример — лекция К. Сонины, важным эпизодом которой был слайд «две страны», отражавший сравнительную динамику ВВП Аргентины и Швеции за прошедшее столетие¹. С точки зрения «чистой» экономики претензий нет: цифры и современное состояние двух стран показывают огромное значение долгосрочного роста. Если, по мнению ученого, в начале периода эти страны ничем существенно друг от друга не отличались, то по его окончании они принадлежат разным мирам. Но с позиции исследователя трансформационных процессов возражения есть, поскольку в начале XX в. эти страны были не одинаковыми по социально-экономической структуре: в одном случае это аграрно-сырьевая экономика с господством крупного землевладения, в другом — индустриально-аграрная с широким товарным рынком и преобладанием в аграрном секторе фермерского хозяйства. Эта разница, не фиксируемая в «чистой» экономике, и стала причиной последующего различия в темпах роста. Социологам известно, что первый тип взаимодействия генерирует вертикальные

¹ Константин Сонин. Экономика долгосрочного роста. Заключительная лекция цикла «Экономические истории», 21 декабря 2015. <http://economyfaculty.gaidarfund.ru/articles/2495/tab1>

властные структуры, второй — горизонтальные договорные, в перспективе порождая различия в ценностях и нормах. Возникает механизм самоподдерживающейся тенденции, замедляющий одни процессы и ускоряющий другие.

В остальном различий не было, кроме того, что одна страна была католической, а другая — протестантской². Обе были региональными лидерами, обе получили преимущества от конъюнктурных изменений после Первой мировой войны, в обеих шли либеральные реформы. Повторим: сказанное не опровергает пафоса лекции о значении долгосрочного роста безотносительно к его факторам, но вопрос о конечной причине различий в уровне развития требует выйти за пределы сопоставления динамики ВВП.

Что же касается проблемы модернизации, то ее решение в «чистой» экономике невозможно уже потому, что сама теория модернизации — не экономическая. Она вынашивалась в европейской социальной философии нового времени и была сформулирована в социологии XX в. как попытка объяснить генезис современного общества, а не только экономики. Использование ее терминологического аппарата требует анализа социальной трансформации более широкого охвата.

Но в целом критики институционализма правы в том, что причины этой трансформации нельзя сводить к появлению институтов. Верно и то, что институционалисты, несмотря на либеральные предпочтения, оказываются «государственниками». При постановке вопроса о происхождении современной экономики данное учение оборачивается политическим детерминизмом, так как главным институтом его сторонники считают государство: «Все изменилось после Славной революции: государство создало систему институтов, которые стимулировали инвестиции, инновации и торговлю» (Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 143). Однако институциональные новации остались бы не у дел, не найдись в достаточном количестве акторы, способные и желающие ими воспользоваться. А выполнение данного условия — не заслуга государства. Но особенно показательна история политически децентрализованных стран (Италии, Швейцарии, Германии), а также случаи, где и когда государство оставалось *одним из* игроков. В условиях режима «сильных домов» в Китае, например, несмотря на отсутствие государственной монополии на легитимное насилие и даже в условиях междоусобных войн, процессы приватизации заходили дальше, чем в периоды «сильного государства».

Оспаривался институционализм и раньше. Исследования С. Липсета (Lipset, 1994) показали, что капитализм выступает необходимым, но не достаточным условием демократии. Не наоборот. Даже относительно европейской истории многие ученые склонны считать, что полити-

---

² Разница существенна, но не первична. Попытку М. Вебера обнаружить обратную связь трудно считать успешной в силу серьезной критики в ее адрес (Л. Брентано, Х. Гроссман, Й. Шумпетер, Р. Коллинз, П. Друкер и др.) и сказанного самим Вебером: «Мы не склонны защищать нелепый доктринерский тезис... будто капитализм как хозяйственная система является продуктом Реформации. Уже то, что ряд форм капиталистического предпринимательства значительно старше Реформации, показывает несостоятельность данной точки зрения» (Вебер, 1990. С. 106).

ческие изменения не предшествовали экономическим и социальным, а следовали им. История колониального Востока и вовсе показала зависимость результатов введения институтов от множества факторов и прежде всего — от уровня развития самих обществ к началу колонизации.

Институционалисты решают эту проблему усложнением теории случайностью: нужно, чтобы совпали многочисленные факторы. Так, по их мнению, произошла Славная революция. Однако случайности такого масштаба сомнительны. В ходе политической борьбы приходят к власти разные силы, их нововведения могут быть случайны. Но широкая социальная поддержка новации, будь то идея, институт или технология, не случайна. В методологическом аспекте здесь и происходит переход от понимания истории как уникального явления (история как индивидуализирующая наука, поприще «идиографистов» в «споре о методах» — В. Виндельбанда, Г. Риккерта, В. Дильтея) к истории как закономерному процессу (номотетическая наука, цель которой — выявление законов; позитивисты, К. Гемпель). В онтологическом смысле этот момент соединения «двух историй» наступает, когда *случайные* идеи и новации поддерживаются широкими социальными слоями *закономерно*, поскольку соответствуют *потребностям* большого количества людей. Именно одинаковые для всех обществ базовые потребности делают возможным изучение их истории генерализирующими методами.

Поэтому поиск «черных лебедей» при изучении широкомасштабных исторических процессов представляется малоперспективным. Даже если *doorstep conditions* — дверной проем — очень узок, то попадание в него миллионов людей — экономических агентов не случайно. В противном случае изучать их — обнаруживать в них повторяемость и систему — было бы нельзя. Как ни странно, в такое положение попал и Капелюшников, внезапно оказавшийся в позиции агностицизма: «Разнообразие путей исторического развития слишком велико, чтобы укладываться в какую-либо унифицированную логическую схему» (Капелюшников, 2019. С. 26). Как же можно было применять дефиниции, ставшие попыткой создать такую «унифицированную логическую схему»?

Капелюшников высказывается о других факторах модернизации — культуре и идеях. Относительно первой согласимся, что «гипотезу культуры» опровергают и Аджемоглу и Робинсон, и сами исследователи культуры: «Культурный детерминизм — идея, что культура пересиливает прочие факторы и диктует траекторию, по которой общество с неизбежностью будет следовать, — нежизнеспособен» (Харрисон, 2016. С. 54). Однако относительно идей есть сомнения. Яркие высказывания А. де Токвиля, Дж. М. Кейнса, Ф. Хайека о значении идей не доказывают их главенствующую роль в исторической динамике. В экономике, как и в социологии, изучается область действительности, в которой люди в среднем поступают одинаково. Капелюшников пишет, что история дает бесчисленное множество примеров того, когда источником перемен выступали идеи (Капелюшников, 2019. С. 14). Но история дает примеры чего угодно, причем как чего-то одного, так

и прямо противоположного, и без дополнительного анализа они могут стать «доказательством» любой теории³.

Но Капелюшников отстаивает «идеализм», заявляя, что у нортианцев «все поставлено с ног на голову». Не жалуется он и марксизм и даже сходство с ним воспринимает негативно. Однако нет ничего плохого в том, что современная теория напоминает «подновленную редакцию учения о базисе и надстройке». Она должна лишь подтверждаться фактами в массовом, допускающем возможность применения обобщающих методов порядке. Идеологический сдвиг XVIII в., пишет Капелюшников, мог стать силой, которая подтолкнула к переходу от мальтузианского к шумпетерианскому росту, от авторитарного правления к демократии (Капелюшников, 2019. С. 20). Но идеологические сдвиги большого масштаба не происходят сами по себе, и будет сложно доказать, что конкретно этот не стал результатом предшествовавших социальных трансформаций. В любом обществе есть набор идей широкого спектра (а если нет, они могут быть заимствованы), но господствующими становятся те, что соответствуют господствующим социальным структурам. Только под структурами здесь понимаются не институты, а нечто другое. В целом же «новые идеи возникают, когда меняется классовая структура и складываются новые внешние основы интеллектуальной жизни» (Коллинз, 2002. С. 242).

Но если не институты, не культура и не идеи, не случайность, то что? Ответ существует давно: это *социальные структуры*, или *отношения*. Те самые, что считались «субстратом общества», который нельзя увидеть или услышать, но тем не менее объективно существуют и определяют его историю. Однако понятие это придется реанимировать, так как в момент кризиса советской историко-экономической мысли оно было отброшено вместе с марксизмом. В экономическом дискурсе его заменило понятие «институты», и в чем-то правомерно. Но как раз в том смысле, что связан с объяснением исторических трансформаций, эту замену удачной назвать нельзя. Некоторые ученые проблему видят: «Экономическая теория нуждается в социологии, поскольку индивидуальное поведение всегда опосредовано социальными отношениями» (Agrow, 1994. P. 5). В то же время привлечение социологии означает серьезную работу с понятийным аппаратом — здесь и необходим метуровень, который покажет, что отношения/структуры не суть институты.

К. Маркс объяснял общество через систему экономических отношений, специфика которых в том, что они существуют объективно и реально, хотя их нельзя обнаружить физически. На этой идее строился весь исторический материализм: объективность этих отношений и тот факт, что в них удовлетворяются базовые потребности, позволила объявить

³ Капелюшников критикует пример Северной и Южной Кореи, заявляя, что расхождение в путях экономического развития между ними было вызвано различиями не в институтах, а в идеях (Капелюшников, 2019. С. 16). Пример не подходит ни тем, ни другим, поскольку эти идеи и институты возобладали в результате вмешательства извне — в небольшой стране были задействованы силы колоссальных по мощи и ресурсам держав. Подобные феномены не могут служить объектом изучения естественно протекающих процессов. Факты же, опровергающие «идеализм», серьезны: идеологически Германия с начала XIX в. до конца Второй мировой войны противостояла «западному либерализму и рационализму», при этом бурно развиваясь экономически, как и нынешний Китай.

их «материальными», в то время как все остальное, в той или иной мере зависящее от «духа», а значит субъективное, стало в его учении «идеальным». Учение активно критиковалось, в чем-то справедливо, но это не значит, что его теоретическая предпосылка была неверна. Дело в том, что эти отношения и правда существуют до каких бы то ни было институтов и выступают определяющими по отношению к ним.

Оттолкнемся от различия между формальными и неформальными институтами. В некоторых трактовках отношения сливаются с неформальными институтами, но это неверно. Отношения — это еще более неформальные «институты», или «институты», которые присутствуют в вариантах поведения, но не обязательно в разуме. Институты есть в разуме всегда: это оформленная в культуре и/или праве система отношений. В качестве примера неформального института часто приводят «живую» очередь. При этом очередь на получение места в детском саду — уже формальный институт. Но что заставляет человека становиться в очередь вообще? Ведь всегда есть альтернатива — силой получить желаемое первым. Эти два варианта — сила и договор (очередь есть договор) существуют объективно, и человек как субъект выбирает, но из существующих возможностей. Люди либо делят поровну добычу, вступая в равноправные отношения, либо один забирает все себе, навязывая свою волю другим. Существенные для данной области связи, возникающие в результате следования этим стратегиям, и являются отношениями. В социологии и социальной философии предлагается их классификация, мы уделим внимание этой паре, непосредственно связанной с модернизацией.

Данные альтернативы существуют независимо от человека, он не может не выбирать: если он нуждается в пище, ему придется ее либо добыть самому, либо отнять, вступив в те или иные отношения. Этимология слова «институт» (лат. — «учреждение») указывает на то, что в их возникновении задействована человеческая воля. Различие это видели античные философы, отделившие то, что «по природе», от того, что «по человеческому установлению». Второе — законы/номосы — и есть институты. Те же философы (Демокрит, софисты) показали, что первое устойчиво и необходимо, а второе неустойчиво и ненадежно. В более поздней философии было также показано, что отношения могут быть природными и социальными. Но и те и другие первичны по отношению к «человеческим установлениям».

Именно это имел в виду Вебер, когда писал, что капитализм — «чудовищный космос, в который каждый человек ввергнут с момента рождения... Индивид в той мере, в какой он входит в рыночные отношения, вынужден подчиняться нормам капиталистического поведения» (Вебер, 1990. С. 76). Как видим, объективность отношений подчеркивалась не только в историческом материализме, но и у его влиятельнейшего критика начала XX в. Наконец, в социальной теории второй половины XX в. утверждалось, что «для конкретного актора социальная структура всегда существует до его взаимодействия с миром» (Bhaskar, 1979. P. 36).

Однако «абсолютно объективного» в обществе нет, практически на все так или иначе влияет воля человека. Поэтому нужна не дихотомия,

а шкала. Максимально объективной реальностью, насколько это возможно в обществе, экономические отношения делают *базовые потребности*. Сложившиеся в результате той или иной стратегии их удовлетворения отношения — более фундаментальная реальность, чем институты. Последние «учреждаются» на основе господствующих отношений, когда какие-то из них люди считают важными настолько, что их нужно формализовать. Отношения господства и подчинения, например, существуют и до, и вне государства, равно как война и насилие возможны и без армии. Сексуальные отношения учреждать не нужно, они «по природе», тогда как брак — институт, где-то формальный, где-то нет. Рыночные и собственнические отношения учреждать также не нужно, они существуют объективно — у человека есть стремление не утратить принадлежащее ему, а если обменять, то на что-нибудь не менее ценное. А вот *институт* частной собственности и рынки необходимо учреждать, формально или неформально, если только общество достигнет согласия в том, что реализуемые в них отношения полезны и/или распространены настолько, что необходимость их признания стала очевидной. Не все отношения формализуются: личная привязанность, дружба сопровождают человечество всю его историю, но так и не обрели, за исключением некоторых культур, институциональное оформление.

Однако экономисты, в отличие от философов и социологов, не склонны разделять институты и отношения. Это объяснимо: противопоставлять их требуется не всегда. Для исследователя современной экономики они сливаются — институты поддерживают отношения и репродуцируют их, индивиды им следуют. Ходжсон, исследующий взаимодействие индивидов и институтов, также не стремится разводить институты и отношения, называя их «структурами». Однако для выявления причин возникновения современной экономики важно, как они соотносятся друг с другом. Наверное, поэтому они разделяются в исторической социологии. Р. Коллинз признает необходимость институтов — «капитализм не становится полноценной системой, пока не собран особый состав социальных институтов», — но не считает их появление первичным: «Французская революция происходила в обществе, в котором уже стали преобладать капиталистические структуры» (Коллинз, 2015. С. 346, 395).

Необходимость различения институтов и отношений показывают рассуждения Ходжсона об эволюции: «В гипотетическом „естественном состоянии“, после которого появились институты, уже существовали правила, структуры, культурные и социальные нормы» (Ходжсон, 2008. С. 46). Некие структуры существуют до институтов и определяют их, и они не суть нормы, за которые ответственна культура. В другой работе он справедливо утверждает, что социальные институты — это элемент более общего понятия социальной структуры, причем «не всякая социальная структура является институтом — структуры могут содержать множество отношений, которые не кодифицируются» (Ходжсон, 2007. С. 29, 30). И все же делает выводы, с которыми трудно согласиться. Во-первых, «не найти различия между структурой вообще и институциональными структурами», во-вторых, «институты — это системы устоявшихся правил, структурирующие социальные взаимодействия» (Ходжсон, 2007. С. 30, 42).

Отношения отличаются от институтов, даже неформальных. Если считать, что неформальные институты включают отношения, то понятие «институт» охватывает практически всю социальную реальность, а направление действительно становится «панинституционализмом». Этого нельзя допускать не только потому, что понятия такой степени обобщения, неизбежные в философском дискурсе, не позволяют проводить собственно научные исследования. Безграничное расширение приведет к еще большим проблемам: понятие придется распространить на естествознание, назвав институтами сообщества животных, или увидеть собственность в охраняемой хищником территории. Но заметим: и в живой природе существование этих прототипов человеческих институтов не отменяет наличия отношений (взаимовыгодных, нейтральных, враждебных), оказывающихся иной реальностью, нежели эти формы их организации.

Разумеется, разделить их непросто, как непросто отделить рыночные отношения от института рынка, а институт брака — от сексуальных отношений, которые иногда называют «брачными», отождествляя две реальности. Ходжсон считает это невозможным, мы — лишь трудностью, хотя и немалой. В данной работе эта проблема не решается полностью, но показано, что сделать это полезно. Заметим также, что разделение неформальных институтов и отношений в данном случае не столь важно, так как сами институционалисты имеют в виду *формальные институты*: именно они возникли в результате Славной революции и открыли путь к богатству и процветанию тем, кто ввел их в своей стране.

Другое различие: социальные отношения не обнаруживаются физически, тогда как институты «осязаемы» — можно прочесть закон или сходить на рынок. Поэтому институты не только «оформленные» структуры, но и «материализованные». И будучи таковыми, они не могут быть первичными по отношению к структурам, повторим, *в развитии*. В рамках динамики исторически однотипной модели второе утверждение Ходжсона верно: институты, «оформляя действия людей и делаая их предсказуемыми, упорядочивают мышление, ожидания и деятельность индивидов» (Ходжсон, 2007. С. 29). Но вспомним, какой вопрос интересует автора: как и почему институты поддерживаются людьми? Он пишет о привычке, но если разделять отношения и институты и ставить вопрос о развитии, то ответ иной: институты утверждаются и поддерживаются в силу *объективной востребованности структурами*. Институты соответствуют господствующим отношениям, в то время как последние складываются из преобладающих стратегий поведения. Рыночные институты учреждаются, если нуждающиеся ищут работу или создают бизнес, а доминируют в таком обществе договорные отношения. Если люди ищут службы/поддержки у государства, жалуются, нищенствуют, то в обществе доминируют иные отношения, институты учреждаются иные.

Сильный аргумент против отношений: в отличие от институтов они не дают возможность получить о них проверяемое знание. В радикальной трактовке они не существуют вообще, во всяком случае для науки, поскольку не обнаруживаются эмпирически. Однако наука нередко имеет дело с реальностью, видимой лишь через проекцию или

отражение (психология, вирусология, астрофизика). Отношения не обнаруживаются непосредственно, но отражаются в ценностях, фиксируемых социологически. И изучающие модернизацию экономисты к ним апеллируют. Е. Ясин основывает суждения о российской модернизации на социологических данных: «В 1990-е годы произошли сдвиги в пользу ценностей, полезных для модернизации (переменные „интеллектуальная автономия“ и „мастерство“), а в 2000–2005 гг., напротив, стали расти переменные „иерархия“ и „принадлежность“» (2007. С. 27). Фактически это и была трансформация системы отношений — от договорных к властным, отраженная в динамике ценностей. Заметим, что строительство институтов тогда шло в целом в сторону модернизации, наблюдался и экономический рост. Не потому ли в исследованиях модернизации фиксируется трансформация ценностей, не коррелирующая ни с ростом, ни с динамикой институтов, что в «чистой» экономике, ограничившей себя этими переменными, важная часть действительности не видна?

Как соотносятся отношения и институты в появлении нового? Полезны усилия Ходжсона, отсеивающего неверные, с его точки зрения, теории взаимодействия индивидов и институтов. Среди них оказывается игровая аналогия Норта: «Если описывать возникновение институтов при помощи игр, некоторые ограничения приходится вводить в модель заранее. Без них не существует самих игр, а потому теория игр не сможет объяснить изначальные, элементарные правила» (Ходжсон, 2008. С. 46). Во-первых, опять видим, что еще до институтов существуют структуры, на основе которых они строятся. Во-вторых, теория игр не годится для объяснения происхождения институтов, но по другой причине. Институты происходят из системы отношений, а те — из *объективных потребностей* через стратегии их удовлетворения. Поэтому о правилах игры надо договариваться: она не связана с жизненными потребностями, это то, что мы делаем свободно (Й. Хейзинга). А по поводу «правил» выживания договариваться изначально не нужно. Никому не надо объяснять, даже первобытному человеку в «естественном состоянии», зачем нужны пища и безопасность и что произойдет, если эти потребности не удовлетворить. И только с переходом от естественного способа их удовлетворения к социально-дифференцированному появляется необходимость их публичного регулирования. Здесь и возникает институт. Норт делает ту же ошибку, что и Й. Хейзинга, объяснявший дефиницией игры человеческую культуру. Он делает это с экономикой — наименее свободной областью деятельности, тогда как игра — свободна. О том, что лишает экономическую деятельность свободы, речь пойдет ниже.

Вместо игры Ходжсон предлагает *привычку* как психологический механизм, создающий основу поведения, соответствующего правилам. При этом он не отрицает важность целеполагания, но помещает его «в более широкий контекст произвольного поведения» (Ходжсон, 2008. С. 54). Рациональные целенаправленные действия находятся в контексте привычек, а не наоборот. Налицо психологизация экономического поведения, игнорирующая важное обстоятельство: стратегии поведения укореняются не свободно.

Если бы речь шла не об экономике, то эти утверждения были бы в основном верны. Работа Ходжсона — полезная социологизация экономической науки, но нельзя полностью переходить на позицию социологии, для которой любое социальное действие нейтрально. Экономическая наука зажата в тиски ключевого противоречия — ограниченности ресурсов и неограниченности потребностей. Именно потому в ней строже и четче устанавливаются законы. Если социолог в ряде случаев может «оторвать» общество от его экономической основы и рассматривать взаимодействия вне каких-либо предустановленных шкал или осей динамики, позволяющих зафиксировать «правильность» действий акторов, то экономист делать это не вправе. Такая «беспредельная» социологизация применима в отдельных исследованиях, в частности, при изучении спроса на потребительском рынке, где привычки могут вести к разным моделям поведения. Но если выбор человека в пользу более высокооплачиваемой работы или менее дорогостоящего товара — привычка, то как назвать цветовые или фасонные предпочтения на рынке одежды? Для объяснения исторического развития эта модель легковесна, а ведь автор говорит об *эволюции*, он хочет объяснить не только существование, но и *динамику институтов*.

Хорошо демонстрирует этот изъян обращение Ходжсона к эксперименту с правилами дорожного движения: «Во всех странах есть правила дорожного движения, однако предписывают они правостороннее или левостороннее движение — зависит от произвольной конвенции» (Ходжсон, 2007. С. 29). «Симуляции показывают, что сила привычки и процесс привыкания играют ключевую роль наряду с рациональным принятием решений и давлением механизмов отбора» (Ходжсон, 2008. С. 55). Эти эксперименты не подходят, поскольку свидетельствуют о причинах укоренения *несущественных* или *нейтральных* институций. Выбор, по какой стороне дороги ехать, нейтрален, лишь бы все ехали по одной. По значимости он близок к тому, какой фасон одежды носить. Здесь привычка актуальна, поскольку выбор действительно свободен и не влияет на положение актора. Между тем подавляющее большинство экономических решений не нейтральны, значительны, следовательно, не произвольны. Здесь есть шкала эффективности, придающая объективность оценке выбора и *ограничивающая свободу* субъекта. А если речь идет об исторической смене институтов, то предрасположенность населения к рентному или бизнес-поведению — не вопрос, по какой стороне дороги ехать.

Раз так, логика рушится. Ходжсон пишет: «Привычка — средство, с помощью которого социальные конвенции и институты формируются и сохраняются» (Ходжсон, 2008. С. 55), что верно лишь отчасти. При каких обстоятельствах конкретное поведение становится доминирующим, а индивидуальное решение — общепризнанным, и главное — почему? Не потому ли, что оно более *эффективно*, и в силу этого становится массовым? Да, есть случаи распространения неэффективных конвенций, но все же QWERTY-эффект — скорее исключение, чем правило⁴. Этот

⁴ Сам случай, давший название этому эффекту, — распространение технически неэффективной клавиатуры QWERTY, — объясняется рациональным поведением производителей и не нарушает закон классического эволюционизма о возобладании наиболее эффективных стратегий.

подход лишает общество эволюционного механизма — он не позволяет ответить на вопрос, почему существует экономический прогресс.

В рассуждениях Ходжсона внешние воздействия не просто оказываются неважными, но и вовсе отсутствуют. Его интересует вопрос: структуры таковы, потому что таковы индивиды, или наоборот? Но при этом «предпочтения и цели индивидов должны формироваться эндогенно» — такой «эволюционный анализ» он считает средством избежать нежизнеспособных дихотомий (Ходжсон, 2008. С. 53). Автор борется с довлеющим дихотомическим мышлением, но создает другую проблему — изолирует динамическую систему. И его рассуждения оказываются метафизическими, поскольку не существует взаимодействия индивидов и институтов в отрыве от среды. А если стимул к изменению приходит извне? Лишь после выяснения этого обстоятельства можно ставить вопрос, начинается трансформация на микро- или на макроуровне.

Представляется, что успешные трансформационные процессы идут «снизу», а попытки реформирования «сверху» должны сопровождаться активностью со стороны индивидов. Это подтверждают не только факты (мы не знаем убедительных примеров обратного), но и теория эмерджентной эволюции, которую использует Ходжсон. Он приводит «правило Сперри»: «Любые эмерджентные причины на более высоких уровнях существуют благодаря каузальным процессам на более низком уровне» (Ходжсон, 2008. С. 57). И верно констатирует, что оно опровергает любой «методологический коллективизм и холизм» — учения, выводящие поведение индивидов из структур. Это еще один аргумент против институционализма, а с ним и «государственнических» взглядов на модернизацию⁵. Здесь и объективность: каждый индивид идет к своей цели, однако уровнем выше возникает то, чего они никогда не планировали. Но откуда возьмутся изменения на индивидуальном уровне, если рассматривать систему «индивид — структура» изолированно?

Поэтому к принципу эмерджентной эволюции следует добавить *шкалу эффективности, открытость системы и внешнее воздействие*. Этого требует и естествознание — механизм изменения биологических видов находится не в самом организме, а в сфере его взаимодействия со средой. Изменения эти означают появление новых качеств, повышающих приспособленность вида. Есть ли основания считать, что общества развиваются иначе и это положение эволюционной теории можно игнорировать в социальных науках? Ответ кажется очевидным, но что это за воздействие?

Оно открыто давно, но в силу разных причин остается на обочине экономических исследований модернизации. Во всяком случае, в указанной дискуссии о нем не упоминает ни та, ни другая сторона. Между тем с середины XIX в. до настоящего времени в трудах большого количества ученых прозвучали прямые и косвенные указания на участие в важнейших социально-исторических трансформациях, включая гене-

---

⁵ Это не противоречит взглядам Ходжсона: он критикует и индивидуализм, и коллективизм в вопросе взаимодействия индивидов и институтов, как и мы, не отрицая роль последних в современной экономике. Есть, однако, разница между проблемой динамики современной экономики и проблемой ее возникновения. По второй проблеме мнение Ходжсона мы считаем ошибочным.

зис капитализма, *дефицита ресурсов*⁶. Некоторые прямо опровергают тезисы институционалистов: анализ истории 25 развивающихся стран не обнаружил связи между формой правления и экономическими результатами. «Главной детерминантой... является не столько государственный строй, сколько наличие или отсутствие сырьевых богатств. Обделенные ими страны вне зависимости от формы правления вынуждены развивать единственный ресурс — человеческий капитал. В результате бедные ресурсами страны демонстрируют лучшие экономические результаты, чем государства с изобилием природных богатств» (Лал, 2009. С. 337).

В этой концепции опровергается и экономический институционализм. Колониальная политика европейцев — введение частной собственности — не приводила к видимым результатам в силу избытка земель и низкой плотности населения. Интересный документ — циркуляр администрации Французского Индокитая 1897 г., вводящий частную собственность на землю, «чтобы создать благоприятные условия для обработки земли, увеличивая богатство собственников, поскольку громадные площади остаются неиспользованными» (Алаев, Рыбаков, 2005. С. 402–403). Но безрезультатно: земледельцы переходили с места на место, не обращая внимания на эти нововведения. С теми же трудностями столкнулись англичане в Индии, в малонаселенных районах, а также в Малайзии. Успех институциональной реформы напрямую зависел от плотности населения и количества ресурсов.

Это заставляет вернуться к хронологии модернизации. Существенная неправота нортянцев состоит в том, что ключевым в этом процессе они считают причинение «сверху» — от институтов к индивидам. Если бы речь шла о динамике современной экономики, это было бы верно. Но речь идет о ее появлении. Что стимулировало активность индивидов, когда современных институтов еще не было? Куда вписать Темный Век японской истории, в течение которого, пишет К. Акияма (2003. С. 443), подготавливался новый порядок, период, отмеченный не только волнениями и беспорядками, но и развитием торговли и промышленности?

Здесь становится понятно, почему неправы институционалисты, ведущие отсчет от Славной революции, а в равной мере их критики. Колониальная история показывает: если не включился мальтузианский рост, то ожидать от введения институтов шумпетерианского и смитианского роста не приходится. Для шумпетерианского роста нужны не только новые условия, но и «старые» — и устойчивый рост населения, и институты. Процесс идет путем накопления изменений, а не замещения одного другим. Нельзя исключать из модернизации ранний период (для Западной Европы — XI/XII–XV вв.), поскольку тогда происходили социальные трансформации, обеспечившие ее завершение. «Мальтузианские ограничители» в разумных пределах

⁶ Историки, социологи, экономисты, философы, культурологи Дж. Милль, К. Маркс, Ф. Энгельс, Э. Дюркгейм, В. Зомбарт, М.М. Ковалевский, А. Кост, О. Дункан, И. Маграс, Э. Бозеруп, С. Кузнец, А. Сови, Дж. Саймон, У. Дейрити, Д. Крауткремер, К. Джонстон, С. Дж. Скэнлен, Э. Креншо, К. Робинсон, Р. Карнейро, Э. Джоунс, Р. Аути, Дж. Сакс, А. Уорнер, Э. Бульте, Р. Дамания, Р. Дикон, М. Хамфрис, Дж. Стиглиц, Н. Шэксон, Р. Саква, М. Росс, Э. Уэйнтел, П. Луонг, П. Гурха, С. Фиш, С. Гуриев, К. Сонин, А. Ахизер, И. Яковенко, А. Давыдов, А. Эткинд и др.

необходимы. Включившийся под их давлением процесс приобрел признак необратимости, как и положено развитию, довольно рано — его не остановила даже «черная смерть». Напротив, формирующиеся структуры «извлекли» из нее пользу — кратковременное удорожание рабочей силы укрепило капитализм, а не разрушило. В период же обретения колоний процесс стал тем более необратим, так как прошел фазу духовной легитимации — протестантизма.

Данная работа не претендует на полное раскрытие причин европейской модернизации. Поэтому не анализируются ни геополитический фактор — соперничество государств при отсутствии общеевропейского гегемона, ни естественно-географический — изрезанность берегов и легкость коммуникаций, ни исторический — античное правовое и идейно-философское наследие. Подчеркивается стесненность как побудитель трансформации системы отношений. Есть основания считать дефицит ресурсов традиционной аграрной экономики *необходимым, но не достаточным* условием модернизации. Разумеется, нужно выявить остальное: стесненность не приводит к успешной модернизации автоматически. Вопрос открыт, работа ведется в разных направлениях, но стоит учесть исследования на границе эволюционной биологии и математической истории. В частности, те, в которых используется понятие «ароморфоз» — «универсальное изменение в развитии социальных систем, повышающее сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ» (Гринин, Коротаев, 2007. С. 19). Здесь будет задействован необходимый в оценке экономической деятельности критерий эффективности стратегии, порождающей при условии ее массового распространения соответствующую систему отношений.

* * *

Между институтами и индивидами располагается еще одна реальность — отношения. Трансформация начинается на уровне индивидов, испытывающих неудовлетворенность при предшествующей системе отношений и институтов в результате вызова среды. Они начинают выработать новые стратегии, довольно многочисленные — от известной японской культуре мабики до интенсификации (а еще миграция, военный захват, нормализация бедности, внутренний конфликт и усиление эксплуатации и др.). И вот одна из них, в силу своей эффективности прошедшая «естественный» социальный отбор, становится массовой. Она порождает новые формы отношений, которые становятся господствующими и рано или поздно приводят к появлению институтов, легитимирующих и регулирующих их на политико-правовом уровне, и формируют этику — моральную легитимацию и регулирование.

Отчасти мы сочувствуем сторонникам институциональной теории — в России ее актуальность продиктована безнадежным состоянием политических институтов. Их деградация означает впустую потраченные десятилетия и возвращение на круг «кроваво-рваных циклов догоняющей модернизации». Но это не значит, что конечной причиной срыва модернизации стала данная институциональная катастрофа.

Список литературы / References

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. М.: АСТ. [Acemoglu D., Robinson J. (2016). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. Moscow: AST. (In Russian).]
- Акияма К. (2003). История Ниппон // История Японии: Сб-к истор. произведений. М.: Евролинц. С. 381–486. [Akiyama K. (2003). The history of Nippon. In: *The history of Japan: Collection of historical works*. Moscow: Evrolints, pp. 381–486. (In Russian).]
- Алаев Л. Б., Рыбаков Р. Б. (ред.) (2005). История Востока: в 6 т., Т. 4: Восток в новое время, Кн. 2. М.: Вост. лит. [Alayev L. B., Rybakov R. B. (eds.) (2005). *The history of the East. Vol. 4: The East in the modern period, Book 2*. Moscow: Vostochnaya Literatura. (In Russian).]
- Арсланов В. В. (2016). География, институты и истоки глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт экономики РАН. [Arslanov V. V. (2016). *Geography, institutions and the roots of global inequality: A critical appraisal of Acemoglu and Robinson's theory of economic development*. Moscow: Institute of Economics RAS. (In Russian).]
- Вебер М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 44–272. [Weber M. (1990). The protestant ethic and the spirit of capitalism. In: Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress. pp. 44–272. (In Russian).]
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2007). Социальная макроэволюция и исторический процесс // Философия и общество. № 2. С. 19–68. [Grinin L. E., Korotaev A. V. (2007). Social macroevolution and historical process (Introduction). *Filosofiya i Obshchestvo*, Vol. 2, pp. 19–68. (In Russian).]
- Капелюшников Р. И. (2019). Contra панинституционализм: препринт. М.: Изд. дом ВШЭ. [Kapeliushnikov R. I. (2019). *Contra Pan-institutionalism*: Working paper. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Коллинз Р. (2002). Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф. [Collins R. (2002). *The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change*. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf. (In Russian).]
- Коллинз Р. (2015). Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС. [Collins R. (2015). *Macrohistory: Essays in sociology of the long run*. Moscow: URSS. (In Russian).]
- Лал Д. (2009). Возвращение «невидимой руки». Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство. [Lal D. (2009). *Reviving the invisible hand: The case for classical liberalism in the twenty-first century*. Moscow: Novoye Izdatelstvo. (In Russian).]
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара. [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Харрисон Л. (2016). Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль. [Harrison L. (2016). *Jews, confucians, and protestants: Cultural capital and the end of multiculturalism*. Moscow: Mysl. (In Russian).]
- Ходжсон Дж. (2007). Что такое институты? // Вопросы экономики. № 8. С. 28–48. [Hodgson G. (2007). What are institutions? *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 28–48. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-8-28-48>
- Ходжсон Дж. (2008). Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. № 8. С. 45–60. [Hodgson G. (2008). Institutions and individuals: Interaction and evolution. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 45–60. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-8-45-60>

- Ясин Е. (2007). Модернизация и общество // Вопросы экономики. № 5. С. 4–29. [Yasin E. (2007). Modernization and society. *Voprosy Ekonomiki*, No. 5, pp. 4–29. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-5-4-29>
- Arrow K. J. (1994). Methodological individualism and social knowledge. *American Economic Review*, Vol. 84, No. 2, pp. 1–9.
- Bhaskar R. (1979). *The possibility of naturalism: A philosophical critique of the contemporary human sciences*. New Jersey: Humanities Press.
- Crafts N. (2005). The First industrial revolution: Resolving the slow growth/rapid industrialization paradox. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 3, No. 2–3, pp. 525–534. <https://doi.org/10.1162/jeea.2005.3.2-3.525>
- Deakin S. (2009). Legal origin, juridical form and industrialization in historical perspective: The case of the employment contract and the joint-stock company. *Socio-Economic Review*, Vol. 7, No. 1, pp. 35–65. <https://doi.org/10.1093/ser/mwn019>
- Lipset S. M. (1994). The social requisites of democracy revisited. *American Sociological Review*, Vol. 59, No. 1, pp. 1–22. <https://doi.org/10.2307/2096130>
- McCloskey D. N. (2016). The Great Enrichment: A humanistic and social scientific account. *Scandinavian Economic History Review*, Vol. 64, No. 1, pp. 6–18. <https://doi.org/10.1080/03585522.2016.1152744>
-

Institutions, individuals, and social relations in the modernization process

Dmitry V. Trubitsyn

Author affiliation: Transbaikal State University (Chita, Russia).

Email: dvtrubitsyn@yandex.ru

The controversy over the role of institutions in the emergence of the modern development is analyzed in the article; essential faults in both institutionalism and its criticism are revealed. The faults in question are: The tendency to stay in the framework of economics as a purely empirical science, though the interdisciplinary character of the problem of modernization, its sociological and social-philosophical theory demands for the interdisciplinary and metatheoretical level; modernization is often considered only in its final stage (the development of modern institutions and the transition to the modern economic growth), while an analysis of social transformations on its earlier stages is necessary (the rise of cities as trade and craft centers, the expansion of urban markets, the extension of influence and independence of merchants and craftsmen); the theory is limited by the definitions of “economic growth” and “institutions” which clearly do not seem to be sufficient. It is considered to be essential to restore the term “social relations” in its Marxist meaning; in case of long-term historical transformations (such as modernization), its replacement by “institutions” is not valid (the terms “structures/relations” and “institutions” are not identical).

Keywords: modernization, economic growth, institutions, social relations.

JEL: B52, O43, O44, P16, P17.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

Социальное государство в современной России

*(О книге «Становление государства благосостояния
и перспективы социального государства в России.
Реалии и проекты» под общ. ред. Н. И. Лапина)*

Н. М. Плискевич

Институт экономики РАН (Москва, Россия)

Социальный характер российского государства закреплен в Конституции РФ, а потому представляет собой значимый институциональный факт, но социальное государство не стало реальностью во многих сферах российского общества. Отмечается различие подходов к трактовке социального государства философов и экономистов, хотя взгляды последних, особенно сторонников «моральной экономики», сближаются с более широким философским подходом. Утверждается, что для построения как социального государства, так и качественно новой системы национальной безопасности необходим новый подход к иерархии приоритетов этой безопасности.

Ключевые слова: социальное государство, государство всеобщего благосостояния, справедливость, неравенство, национальная безопасность.

JEL: D60, H40, H50, H56, K10.

В последние годы разные социологические службы фиксируют качественное изменение в настроениях населения. Высокозначимой еще несколько лет назад ценности стабильности приходит на смену все более явная потребность в развитии, в модернизации выстроенной в последние два десятилетия институциональной структуры. Причем речь идет не просто о развитии общества, но о таком его направлении, вектором которого должна стать справедливость и в распределении общественных благ, и в создании условий для развития всех членов общества, а не только узкого круга лиц, приближенных к власти. Все четче звучат требования уничтожить иерархическую систему распределения благ и возможностей самореализации.

При этом, например, в качественных исследованиях массового сознания методом фокус-групп в 2018 г. отмечались не только изменения, «связанные с усилением внутреннего локуса контроля и вытекающей из этого критиче-

---

Плискевич Наталья Михайловна (znplis@yandex.ru), с. н. с. ИЭ РАН.

ской переоценкой окружающей реальности», но и внезапная смена ценностных ориентаций. «Популистский запрос на дистрибутивную справедливость сменился запросом на процессуальную справедливость, свободу, уважение и мир, что знаменует решительный отход от повесток классического популизма. Новые приоритеты самоуважения оттесняют на второй план базовые материальные потребности» (Дмитриев, Никольская, 2019. С. 31). Эти выводы можно дополнить данными опросов Левада-Центра, согласно которым, например, в ответах на вопрос о том, какие чувства окрепли в последнее время у респондентов лично, в 2019 г. почти вдвое по сравнению с 2014–2017 гг. увеличились показатели, свидетельствующие о росте чувства стыда за происходящее в стране (13% по сравнению с 6–7%), а также о чувстве ответственности за происходящее (12% по сравнению с 6–7%) (Левада-Центр, 2020. С. 18). И пусть цифры 2019 г. не очень значительны, но все же они свидетельствуют о сдвигах в отношении россиян к окружающей действительности, что может способствовать пробуждению социально активной массовой потребности переломить сложившуюся ситуацию.

Поэтому очень своевременно обращение ученых к теме социального государства как организации общества, хотя формально закрепленной в Конституции РФ, но на деле не воплощенной в жизнь за три десятилетия существования постсоветской России. Речь идет о результатах более чем трехлетней работы Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н. Лапина, обобщенных в монографии «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и перспективы».

Авторы книги приходят к общетеоретическому объяснению результатов социологических исследований: «Возможен и необходим качественно новый этап, который откроет *новую историческую эпоху развития России*, когда ее внутреннюю и внешнюю устойчивость обеспечат конструктивные перемены... В этом контексте перемены к лучшему важнее стабильности избыточного неравенства» (Лапин и др., 2019. С. 165).

Книга открывается двумя пунктами статьи 7 Конституции Российской Федерации 1993 г., согласно которым наша страна провозглашается социальным государством, его политика направлена «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»¹. С одной стороны, эти принципы — «институциональный факт, столь же реальный, как и Конституция в целом», но с другой — он «далек от значимого его осуществления во многих сферах самого государства, гражданского общества и в повседневной жизни его граждан» (Лапин и др., 2019. С. 13). А потому авторы ставят перед собой задачу исследовать не просто сам концепт социального государства, а противоречия состояния конституционного принципа «социальное государство» в России и проблемы реализации этого принципа.

Социальное государство предстает в книге как сложное социокультурное образование, не сводящееся к социально-экономическим проблемам защиты наиболее уязвимых слоев общества, создания условий для развития и проявления способностей всех граждан, а не только элитных групп, как основы стабильного социального мира. Авторы видят социальное государство как воплощение многослойного общественного порядка, в котором универсальный конституционный

¹ В ней «охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер заработной платы, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты».

уровень должен определять «иерархически подчиненные ему ведомственно-отраслевые и региональные институциональные уровни». Причем «институциональные уровни взаимодействуют с первичными уровнями социокультурного порядка, который вырастает из первичных общностей и жизненных миров людей, из смыслов их повседневности» (Лапин и др., 2019. С. 17). Значимым также признается «восприятие этих принципов и состояний их осуществления» населением. Субъективный, даже субъективно-психологический, аспект изначально признается важнейшим в анализе. Отсюда вытекает и расширение поля исследования за пределы социально-экономической трактовки социального государства, и включение в него социокультурных компонентов, связанных с историческим развитием различных обществ, а также общегуманитарного компонента как вершины, к которой должны стремиться в своей деятельности строители социального государства. В таком направлении идет анализ в главе, посвященной социализации европейских государств XVIII–XX вв., где показано, что путь к государству, которое можно назвать социальным, долгов и непрост. Причем в этой главе явно просматриваются различия во взглядах на сам предмет исследования между философами (к ним относятся авторы книги) и значительной частью экономистов.

В рамках экономической теории развивается направление моральной экономики, вбирающее и общегуманитарные, и философские подходы к теме. С позиций этого направления важно не ограничиваться анализом экономических стимулов развития, а уделять особое внимание целям этих стимулов. Так, С. Боулз рассуждает о том, что в человеческой деятельности, в частности в проводимой государством политике, надо иметь в виду не только экономические стимулы, но и этические, и альтруистические мотивы. Важно их разумное сочетание. И если «стимулы подрывают социальные ценности, но и стимулы нужны, и социальные ценности нужны, тогда стоит использовать меньше стимулов и учитывать эффект вытеснения» (Боулз, 2017. С. 26). Э. Коломбатто, анализируя проблемы рынков и провалов экономической политики, ставших особенно явственными в результате кризиса 2008–2009 гг., прямо указывает на важность ценностных предпочтений и моральных принципов в формулировании экономической политики: «Концепция моральности предполагает такой тест приемлемости тех или иных действий, которые заставят наблюдателя с самого начала сделать явными свои собственные базовые философские критерии... Ценностные суждения принадлежат сфере философии или политической философии, ведь именно здесь, а не в рамках позитивной или нормативной экономической теории, определяются их стандарты» (Коломбатто, 2016. С. 367). Следуя такому подходу к экономическим проблемам, Боулз, в частности, отмечает, что именно А. Смит — автору не только «Исследования о природе и причинах богатства народов», но и «Теории нравственных чувств» — лучше других удалось описать причинно-следственный механизм, объясняющий, почему рынки поддерживают устойчивую гражданскую культуру (Боулз, 2017. С. 197). Такой взгляд на теорию Смита, к сожалению, не нашел отражения в книге (см., например: Лапин и др., 2019. С. 54), особенно в главе, посвященной истории социализации европейских государств. Возможно, сказалось традиционное расхождение ракурсов, под которыми смотрят на одни и те же проблемы философы и экономисты.

В целом важность включения этических и социокультурных аспектов в анализ экономического положения и экономического роста осознана и достаточно широко используется российскими экономистами. Причем можно выделить не только тех, кто развивает разработанные зарубежной наукой принципы моральной экономики, но и отечественные оригинальные теории.

Так, Л. и Р. Евстигнеевы большое внимание уделяли влиянию ценностных ориентаций, духовных потребностей и индивидов, и социума в целом на сугубо экономические проблемы, объединив весь этот комплекс проблем в категории «ментальность». Особенность их концепции заключается в том, что «ментальность» для них не просто духовная среда, в которой развивается экономическое действие, она включена в экономику и, соответственно, в экономический анализ. При этом ментальность «не только носительница социального тонуса, но и важнейший фактор социальной (значит, и экономической, и политической) стабильности в обществе. Причем речь идет о стратегической устойчивости общества, закрепленной в национальном характере» и в духовном мире человека (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011. С. 179).

Такая синергичность, сложность современного общества подчеркивается и в рассматриваемой монографии. Правда, сложность эта разбита на части, что, очевидно, связано с особым взглядом авторов разных глав. Так, в одном месте речь идет о характеристике общества как «синергично сложного метаболизма», в котором осуществляется «переход от социальной политики доправового (советского) общества к становлению социально сильного правового государства всенародного благосостояния» (Лапин и др., 2019. С. 39), то есть акцент сделан прежде всего на связи философского и правового аспектов темы. А другие главы (пятая и шестая) посвящены проблемам гуманизма как стратегического ориентира социального государства и роли такого государства в эмансипации жизненного мира человека. Но в целом можно сказать, что авторы книги представили объемную картину, далеко выходящую за рамки того, что часто понимают под социальным государством, сводя его роль к проблемам перераспределения социальных благ и смягчению социального неравенства. В этом одна из ценностей книги, в этом ее идеи перекликаются и со смитианским взглядом в широком его понимании, и с идеями, выдвинутыми сторонниками ордолиберализма в послевоенной Германии.

Сегодня особенно бросается в глаза, что идеологи послевоенного немецкого экономического чуда, получившего название «социальное рыночное хозяйство» и созданного в крайне жестких условиях разгромленной страны, в своих экономических построениях опирались на прочный духовный, нравственный фундамент. Они исходили не из узко прагматических экономических предпочтений, а из широкого общефилософского взгляда на развитие общества. У Л. Эрхарда мы, например, читаем, что для социального рыночного хозяйства «определяющее значение имеют не только технические, автоматические механизмы поддержания сбалансированности на рынке, но и духовные, и нравственные представления. Одного поддержания равновесия между спросом и предложением через свободное формирование цен мало для оправдания общественного строя или наполнения его идейного багажа» (Эрхард, 2007. С. 42). Другой идеолог социального рыночного хозяйства подчеркивал, что в противостоянии с Востоком (в его понимании — социалистическими странами Восточной Европы) «Запад должен найти лучшие, более гуманные, более свободные и более социально приемлемые решения жизненных проблем в современном мире» (Мюллер-Армак, 2007. С. 54).

Думается, именно благодаря такому духовно-нравственному фундаменту удалось объединить народ, переживший тяжелейшую социальную катастрофу, понесший огромные потери, связанные не только с военным поражением, но и с крушением господствовавшей в стране идеологии, помочь ему пройти трудный период послевоенного восстановления. И более того — выстроить одну из самых передовых европейских экономик, причем нацеливая людей на максимальное использование имеющихся у них внутренних ресурсов. Смещение

социальной политики в сторону государственного перераспределения имеющихся благ произошло уже позже, с приходом к власти социал-демократов. Строители социального рыночного хозяйства, например Эрхард, не были согласны с подобной политикой и называли такое государство «снабженческим». Это подчеркивают и авторы рассматриваемой книги (Лапин и др., 2019. С. 88).

Для создателей социального рыночного хозяйства главным его двигателем выступал рынок, на котором большинство игроков думают не только о максимизации прибыли, но и о нравственных ограничениях своей деятельности. Тут, кстати, стоит вспомнить и о других развитых странах, о которых говорится в книге как о социально ориентированных государствах благосостояния, но которые в «чистом виде» существуют лишь в сознании теоретиков (Лапин и др., 2019. С. 92). Разумеется, во всех этих государствах масса социальных проблем, особенно обостряющихся в наши дни в связи с переходом к новому этапу научно-индустриальной, информационной эпохи. Неудивительно, что рост этих проблем рождает новые теоретические построения левого толка (вспомним популярные в последнее годы работы Г. Стэндинга и Т. Пикетти). Многие озабочены и ростом имущественного расслоения, и усиливающейся тревожностью и неуверенностью в завтрашнем дне представителей значительного числа достаточно престижных профессий, обеспечивающих их обладателям стабильный доход, но будущее которых даже в ближайшей перспективе оказывается под угрозой.

Однако все это темы социально-экономического плана. Авторы книги стремятся расширить рамки того, что должно пониматься под социальным государством, до общегуманитарных высот. И хотя они признают, что социальное государство «возникает как инструмент согласования классовых противоречий капитализма, а в современных условиях продолжает выступать как форма политической самокоррекции», все же его важная, хотя пока и не реализованная в полной мере функция — гуманистическая (Лапин и др., 2019. С. 95). Развитию этого тезиса служит предложенное в книге «рефлексивно-критическое понимание государства всеобщего благосостояния». Речь идет о решении социальных проблем, обусловленных возникающими на каждом этапе развития противоречиями «между потребностями людей в достойной (по меркам их социальной группы) жизни, с одной стороны, и условиями их удовлетворения, предоставляемыми в данном обществе, — с другой (Лапин и др., 2019. С. 100–101).

В том что касается России, критически-рефлексивный подход состоит в выявлении системных пороков в сложившейся «модели государства минимального благосостояния... как доступного несовершенного настоящего, несовместимой с его более совершенным будущим» — государством всеобщего благосостояния, «которое является предпосылкой наступления совершенного будущего, обладающего всей полнотой бытия (государством реального гуманизма)». И то, что «для развитых стран является несовершенным настоящим», для нас «выступает пока еще несовершенным будущим» (Лапин и др., 2019. С. 117). Авторы полагают, что нашему обществу необходимо сделать рывок, то есть совершить «практически невозможное в данных условиях, а именно... прорыв в систему трансцендентного (как средоточия «высших» смыслов, ориентирующих бытие человека на гармонизацию его отношений с миром и другими людьми) и, как следствие, *установление гармоничного социального мира*, совершенного состояния общества и его высшего блага» (Лапин и др., 2019. С. 221).

Такой подход к проблеме становления государства благосостояния и перспектив перехода к провозглашенному в Конституции РФ социальному государству при всей его общегуманитарной направленности представ-

ляется некоей абстракцией. Между тем в книге развивается другое, более реалистичное направление движения пусть и не к идеалу, но к построению общества, лишенного имущественных перекосов и социального неравенства, о которых много написано и в 1990-е, и в 2000-е годы. Авторы отмечают, что для России одна из главных проблем — «создание экономической базы функционирования социального государства, а она не формируется только за счет перераспределения доходов» (Лапин и др., 2019. С. 152). Речь должна идти о создании институциональных условий для функционирования такого государства, причем государства именно сильного, способного обеспечить условия и для нормальной конкурентной деятельности предприятий, и для проведения социальной политики, отвечающей интересам большинства. Сильное государство отнюдь не синоним государства большого, рыхлого, стремящегося взять под свой контроль как можно больше видов деятельности (причем на разных уровнях государственной иерархии), но не способного проявить твердость, в частности, в сфере выполнения своей важнейшей компетенции — создания равных условий для всех экономических акторов (см., например: Плискевич, 2015). Лапин дал показательное название своей главе: «Экстремальное неравенство доходных весов макрострат населения — ключевая проблема, тормозящая становление в России государства народного благосостояния». Он уделяет особое внимание укорененности норм и ценностей индивидов в социальных отношениях и констатирует, что сложившееся в России институциональное отчуждение граждан от участия в доходах от использования национального имущества ведет к консервации архаичных, искаженных ценностей у большинства населения. А на этой основе бенефициары сложившегося порядка успешно продолжают перераспределять национальное богатство в свою пользу. Данная конструкция порождает качественные деформации в системе ценностей всех индивидов — как власть предрержащих, так и основной массы населения. И главная из таких деформаций — *отсутствие доверия* и «верхов» к «низам», и «низов» к «верхам», и контрагентов на всех уровнях как экономической, так и политической и всех прочих видов деятельности. А в такой ситуации не может быть речи не только о качественном модернизационном рывке, диктуемом вхождением мира в новую стадию научно-технической революции, но и о простом поддержании экономики на достигнутых рубежах. Именно здесь стоит искать корни стагнации, в которой отечественная экономика находится уже почти десятилетие.

Лапин поднимает проблему экономических прав народа и задается вопросом о возможности утверждения в России существенно нового поколения прав человека, выводя это понятие за рамки социально-политических и социально-культурных прав в сферу собственно экономических прав². Причем в том, что касается темы экономического неравенства населения, достигнутого в России опасных масштабов, при анализе социальной стратификации важно ориентироваться не на страты с минимальным или средним уровнем дохода. Он предлагает *универсальную* первичную единицу измерения — центральную страту (II страта), то есть 1% населения, а в качестве *основной единицы* анализа неравенства доходных весов предложена макрострата населения» (Лапин и др., 2019. С. 167), дифференцированная в пропорции 50%, 40 и 10%, где уровень 50% означает деление населения на две половины — более доходную и менее доходную (40% — включает четыре доходных

² В 1990-е годы идею важности экономических прав человека в России высказал Л. Гордон. При этом он подчеркивал, что в нашей стране общие представления о правах человека скорее всего вырастут именно из борьбы за экономические права (Гордон, 1997).

дециля, куда входят и основные слои среднего класса). Неравенство доходных весов 10 и 90% населения «есть главное социо- и политико-экономическое неравенство в обществе» (Лапин и др., 2019. С. 168). Такая интерпретация, по мнению Лапина, «соответствует как демократической ориентации независимых исследователей, так и либерально-правовой норме учета интересов меньшинств» (Лапин и др., 2019. С. 168). С этих позиций в книге анализируется динамика доходов российского населения в региональном аспекте, и сделан вывод о продолжающемся росте доходных весов неравенства между макростратами населения (Лапин и др., 2019. С. 177). Сложившаяся ситуация интерпретируется как следствие и показатель *слабости* государства как социального и необходимости перехода к социально сильному государству всенародного благосостояния (Лапин и др., 2019. С. 178, 183).

Пути такого перехода авторы видят прежде всего в восстановлении полноценного диалога между государством (властью) и гражданским обществом (к последнему можно отнести и бизнес-сообщество, работающее в условиях конкуренции, искаженной государственно инициированным монополизмом), а также роли права (в противовес политически либо кланово искаженному законодательству). В этом Лапин апеллирует к разработкам академика В. Нерсисянца, для которого «общее благо — это основа, смысл и парадигма правового типа организации социально-политического сообщества людей как свободных и равноправных субъектов... Право есть принцип и порядок человеческого блага — индивидуального и общего» (Нерсисянец, 1997. С. 72).

Однако вхождение принимаемых законов в правовое поле, по Нерсисянцу, предполагает и наличие соответствующего целеполагания законодателя. Не отвлекаясь на тему так называемых «промежуточных выгодоприобретателей» (кто стремится в личных интересах законсервировать начавшийся процесс реформирования старой системы на выгодном им этапе), представляется важным выделить один ключевой аспект общего процесса реформирования, к сожалению, не отраженный в книге. Речь идет о необходимости качественного пересмотра подхода к концепции национальной безопасности страны. Тема эта стала особенно актуальной сегодня, когда страна оказалась перед лицом ранее не учитываемой глобальной угрозы — пандемии коронавируса. Известия, приходящие из разных концов страны, показали, что наше здравоохранение, подвергшееся в последние годы «оптимизации», оказалось к ней не готово ни административно, ни институционально, ни в плане материальной обеспеченности. И хотя мы говорим о низкой по сравнению с другими странами смертности (правда, это скорее тема системы учета), но по уровню смертности и заболеваемости среди медиков мы, к сожалению, опережаем развитые страны. А это свидетельствует и о качестве системы здравоохранения, и о героизме медиков, работающих в таких условиях. Неоднократно говорилось и об ошибках проведенной ранее «оптимизации» здравоохранения, и о манипуляциях с отчетными данными для того, чтобы «отчитаться» о выполнении президентских указов. Говорилось также об общей причине недостаточного развития в советский и в постсоветский период таких важнейших отраслей, как здравоохранение, образование, наука, культура, — их постоянном недофинансировании. Это искажает и общие принципы социальной политики, присущие странам с либеральной экономикой, и саму суть отношений, характеризующих государство, провозгласившее себя социальным. А понятие «социальное» предполагает принятие государством на себя комплекса обязанностей в социальной сфере и, соответственно, ответственности за их выполнение. У нас такая ответственность в значительном числе случаев оказывается размытой или просто игнорируется органами, призванными

создавать условия для ее реализации. Так, А. Рубинштейн, долгие годы изучавший социальную политику государства в таких сферах, как культура, образование, наука, отмечает, что российский Минфин в данной сфере идет по привычному с советских времен пути нормирования затрат на деятельность учреждений, действующих в этих областях. В результате «чиновникам Минфина удалось невозможное — бюджетное *обязательство* учредителей „переплавить“ в *обязанности* созданных ими организаций культуры, образования и науки выполнять необоснованно установленные этим ведомством требования в области расходов труда и материалов» (Рубинштейн, 2019. С. 118).

Думается, исходную причину такой ситуации следует искать в выстраивании общих приоритетов финансирования государственных расходов. А эти приоритеты, в свою очередь, вытекают из утвердившейся в стране иерархии приоритетов национальной безопасности. Эта иерархия традиционно выстраивается у нас в последовательности «государство — общество — человек». В такой ситуации отрасли, призванные обеспечивать всестороннее развитие личности (образование, культура, общественные и гуманитарные науки), сбережение ее здоровья (здравоохранение, включая медицинскую науку), привычно финансировались по остаточному принципу. А в последние годы они поставлены в ситуацию необходимости самостоятельно зарабатывать средства на поддержание своей деятельности, причем без достаточного законодательного подкрепления связанных с этим возможностей. В 1990 г. академик Ю. Рыжов, будучи членом Президиума Верховного Совета СССР, предложил противоположную иерархию приоритетов национальной безопасности — «человек — общество — государство». Важно, что эта идея стала результатом его наблюдений и размышлений о причинах выявлявшейся уже в 1970-е годы постепенной деградации отрасли, в которой он работал и которая всегда была приоритетной в отечественных представлениях о национальной безопасности, — в авиационной и космической.

Думается, причины такой деградации стоит искать в истории советской модернизации мобилизационного типа. Тогда быстрый переход к массовому промышленному производству требовал столь же резкого роста уровня образования массового работника, способного перейти от работы в немеханизированной аграрной сфере к труду на промышленном предприятии. Не случайно об этом времени говорилось как о «культурной революции». Однако этот процесс затенял развивавшийся параллельно процесс ущемления сложности мышления, развивавшийся в предшествующие революции годы, без которого невозможен ни технический, ни научный, ни общегуманитарный прогресс и который одновременно входил в противоречие с догматизмом господствующей идеологии. Не случайно, например, К. Чуковский уже в 1920-е годы отмечал в дневнике, что «прежней культурной среды уже нет — она погибла, и нужно столетие, чтобы создать ее» (Чуковский, 2003. С. 139). А академик М. Гаспаров писал, что в советский период «культура распространяется не вглубь, авширь, образованность мельчает» (Гаспаров, 2008. С. 192).

И все же в этой ситуации сохранялись люди, воспитанные в атмосфере старой сложности. Во многом именно благодаря им стране удалось совершить индустриальный прорыв, в том числе в сфере ВПК. Эта старая сложность человеческого потенциала формировалась в дореволюционное время, когда страна постепенно начала формировать пути выхода из порядков ограниченного доступа к порядкам свободного доступа (по Норту—Уоллису—Вайнгасту) или строить первоначальные элементы инклюзивных институтов (по Аджемоглу—Робинсону). Важно, что этот процесс имеет смысл рассматривать не только с позиций институциональных изменений, необходимых при

переходе к новому этапу социально-экономического развития, но и с позиций развития и усложнения человеческого потенциала страны. Ибо человек, особенно тот, кому выпало трудиться в авангардных областях преобразований, должен быть адекватен происходящим институциональным изменениям. И такие люди, способные воспринимать стоящие перед ними проблемы во всей их сложности, продолжали свою деятельность и после революции, хотя связанное с ней возвращение к жестким экстрактивным институтам, по сути, входило в противоречие с ними (что выливалось, в частности, в массовую эмиграцию носителей таких качеств или столь же массовые их репрессии). Но есть основания утверждать, что именно в деятельности носителей такого сознания людей, сформировавшихся до революции, и следует искать разгадку парадокса экономического роста в условиях экстрактивных институтов в России, который отмечали Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон. Только мобилизационных усилий государства для этого было недостаточно. Надо помнить и о том, что в стране оставалась достаточная масса людей — носителей сознания, соответствующего инклюзивным институтам. И как раз с ними стоит связывать успехи страны и в промышленности, и в строительстве, и в науке, и в культуре, и в других сферах деятельности (подробнее см.: Балацкий, Плискевич, 2017).

Причем такой подход, предполагающий одновременно эволюцию и новых институтов, и носителей новых ценностей, соответствующих этим институтам, их глубинную взаимосвязь, характерен и для классиков современной экономической науки. Так, Г. Беккер, изучавший проблемы человеческого капитала, отмечал важность для его развития не только знаний, но и мотивации, говоря при этом не только о важности заработка, но и о культурных и прочих неденежных благах. Он считал одним из способов инвестирования в человеческий капитал «улучшение физического и эмоционального состояния человека», причем последнее «все более начинает рассматриваться как важная детерминанта заработков» (Беккер, 2003. С. 592, 84). Д. Норт определял человеческий капитал не только как объем знаний и убеждений, которыми обладают люди, но и как «институты, создаваемые ими на основе этих убеждений» (Норт, 2010. С. 79).

Новый период, начавшийся с рубежа 1960–1970 годов и связанный с переходом к новому этапу научно-технического прогресса, требовал достаточного числа людей, обладающих соответствующей ему сложностью мышления и широкого общегуманитарного образования, которое подпитывает и сложность идей в естественно-научной сфере. А потому проблема выращивания кадров, необходимых на новом этапе, а также создания условий для их работы (причем во всех сферах деятельности) выдвигается на первый план в общей системе национальной безопасности страны. Без этого страна обречена на постепенную деградацию и все большее отставание от передовых государств мира. От того, каким качеством человеческого потенциала будет обладать преобладающая часть населения, зависит качество работы (не только производительность труда, но и способность в полной мере использовать новые технологии, креативно подходить к возникающим перед работником задачам). На это накладывает свой отпечаток то, что вступающие с 1950-х годов в трудовую жизнь люди (даже самые талантливые) несли на себе отпечаток господствовавшей жесткой системы экстрактивных институтов, осложненной стремлением большинства перейти к ценностям «общества потребления», особенно в ситуации перманентного дефицита как в производственной, так и в потребительской сферах.

Все сказанное относится и к тем, кто был занят (и нередко занят до сих пор) в сфере того, что у нас традиционно понимается под «националь-

ной безопасностью». Именно поэтому члены комиссии, созданной в 1990 г. в Верховном Совете СССР под руководством академика Рыжова, пришли к следующему выводу: «Главными являются безопасность и права личности, потом общества и лишь затем государства, если оно защищает и обеспечивает две первые составляющие» (Рыжов, 2011. С. 136).

Новый, постсоветский, период развития России начался с попытки проведения глубоких реформ. В то же время сложность ситуации, в которой оказалась страна, диктовала руководству смещение приоритетов в сторону стабильности. Ради достижения этой цели не только пренебрегали сферами, связанными со сложным человеческим потенциалом, но и проводили культурную политику, прежде всего на телевидении, предлагавшую «культурные образцы», соответствующие не потребностям сложного современного общества, а упрощенным ценностям общества потребления. Об этом с 1990-х годов неоднократно с горечью писал Д. Дондурей, ратовавший за изменение всей повестки телевидения, за то, чтобы она повернулась к теме формирования сложного человека.

Но если до середины 2010-х годов тема стабильности безраздельно господствовала в массовом сознании, то в 2018–2019 гг. она отходит на второй план, уступая первый теме развития и модернизации страны. Люди начинают осознавать, что основные проблемы сложившейся социально-экономической ситуации связаны именно с этим, а значит, и проблемы безопасности страны должны быть смещены в сторону развития человеческого потенциала, благодаря которому в стране появятся в достаточном количестве люди, адекватные проблемам нового этапа научно-технической революции. И не только появятся, но и не захотят найти применение своим знаниям и талантам в других странах. От того, в какой степени эти отрасли станут приоритетными — что отразится в структуре расходов национального бюджета, — зависит, в какой степени страна сможет соответствовать задачам, которые возникают перед ней в условиях новой технологической и цифровой революции. Это откроет и новые возможности перед тем, что мы традиционно понимаем под «национальной безопасностью». Ибо и этот вид деятельности нуждается в качественно новых сложных работах. Предлагаемый пересмотр иерархии приоритетов системы национальной безопасности с привычной «государство — общество — человек» на «человек — общество — государство» открывает новые перспективы для построения в стране социального государства, достижения им уровня «государства всеобщего благосостояния», нацеленного не только на резкое сокращение показателей имущественного неравенства, но и на обеспечение условий доступа для значительной части населения к качественным образцам культуры, образования, современного здравоохранения. Лишь такое сочетание может снять противоречие между реальностью и зафиксированным в Конституции РФ тезисом о России как социальном государстве. И такой путь, как это ни покажется парадоксальным, открывает дорогу к истинной национальной безопасности страны, не только внутренней, но и внешней.

Собственно, схожие мысли мы находим и в книгах Норта. Например, он прямо указывает, что то, как развивается культура, а значит, «представления и убеждения → институты → организации → государства с вытекающими из этого процесса результатами, может вести как к беспрецедентному экономическому процветанию, так и к бесконечным катастрофам и несчастьям» (Норт, 2010. С. 223). Он с коллегами также подчеркивал, что «современное социальное развитие связано с одновременным совершенствованием человеческого капитала, финансового капитала, технологии и институтов» (Норт и др., 2011. С. 55). Все это заставляет задуматься: не в проблемах ли принятых

у нас приоритетов национальной безопасности кроется бессилие страны и в выходе на новые технологические рубежи, и устойчивости экономического роста, и, главное, в построении социального государства, провозглашенного в российской Конституции почти 30 лет назад?

Список литературы / References

- Балацкий Е. В., Плискевич Н. М. (2017). Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // Мир России. Т. 26, № 4. С. 97–117. [Balatsky E. V., Pliskevich N. M. (2017). Economic growth under extractive institutions: The Soviet paradox and contemporary events. *Mir Rossii*, Vol. 26, No. 4, pp. 97–117. (In Russian).] <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-97-117>
- Беккер Г. (2003). Человеческое поведение. Экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ. [Becker G. (2003). *Human behavior. The economic approach. Selected works on economic theory*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Боулз С. (2017). Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменяют хороших граждан. М.: Изд-во Института Гайдара. [Bowles S. (2017). *The moral economy. Why good incentives are no substitute for good citizens*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Гаспаров М. Л. (2008). Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение. [Gasparov M. L. (2008). *Records and excerpts*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russian).]
- Гордон Л. А. (1997). Социально-экономические права человека: содержание, особенности, значение для России // Общественные науки и современность. № 3. С. 5–14. [Gordon L. A. (1997). Socio-economic human rights: Content, features, significance for Russia. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 3, pp. 5–14. (In Russian).]
- Дмитриев М. Э., Никольская А. В. (2019). Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? // Общественные науки и современность. № 2. С. 19–34. [Dmitriev M. E., Nikolskaya A. V. (2019). The autumn shift in the sentiments of Russians: A transient episode or a new trend? *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, No. 2, pp. 19–34. (In Russian).] <https://doi.org/10.31857/S086904990004335-0>
- Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н. (2011). Новые грани ментальности. Синергетический подход. М.: Ленанд. [Evstigneeva L. P., Evstigneev R. N. (2011). *New facets of mentality. Synergetic approach*. Moscow: Lenand. (In Russian).]
- Коломбатто Э. (2016). Рынки, мораль и экономическая политика. М.: Мысль. [Colombatto E. (2016). *Markets, morals, and policy-marking. A new defence of free-market economics*. Moscow: Mysl. (In Russian).]
- Лапин Н. И. (ред.) (2019). Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты». СПб.: Реноме. [Lapin N. I. (ed.) (2019). *Formation of the welfare state and prospects of the welfare state in Russia*. St. Petersburg: Renome. (In Russian).]
- Левада-Центр (2020). Общественное мнение – 2019: Ежегодник. М.: Левада-Центр. [Levada Center (2020). *Public opinion – 2019: Yearbook*. Moscow. (In Russian).]
- Мюллер-Армак А. (2007). Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под ред. Р. М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ; ТЕИС. С. 52–72. [Muller-Armak A. (2007). Principles of social market economy. In: R. M. Nureev (ed.). *Social market economy. Concepts, practical experience and application prospects in Russia*. Moscow: HSE; TEIS, pp. 52–72. (In Russian).]
- Нерсесянц В. С. (1997). Философия права. М.: Инфра-М; Норма. [Nersesyants V. S. (1997). *Philosophy of law*. Moscow: Infra-M; Norma. (In Russian).]

- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ. [North D. (2010). *Understanding the process of economic change*. Moscow: HSE Publ. (In Russian).]
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара. [North D., Wallis J., Weingast B. (2011). *Violence and social orders. A conceptual framework for interpreting recorded human history*. Moscow: Gaidar Institute Publ. (In Russian).]
- Плискевич Н. М. (2015). Трансформация системы власти-собственности в России: региональный аспект. Реформы и качество государства // Мир России. Т. 24, № 1. С. 8–34. [Pliskevich N. M. (2015). The transformation of “power-ownership” relations in Russia: A regional perspective on the reforms and the quality of the state. *Mir Rossii*, Vol. 24, No. 1, pp. 8–34. (In Russian).]
- Рубинштейн А. Я. (2019). О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 116–132. [Rubinsteyn A. Y. (2019). About state values and failed reforms the humanitarian sector. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*, No. 1, pp. 116–132. (In Russian).]
- Чуковский К. И. (2003). Дневник. 1901–1969: в 2-х т. Т. 1. М.: Олма-Пресс, Звездный мир. [Chukovsky K. I. (2003). *Diary. 1901–1969*. In 2 vols., Vol. 1. Moscow: Olma-Press (In Russian).]
- Эрхард Л. (2007). Мышление порядка в рыночной экономике // Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под ред. Р. М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ; ТЕИС. С. 39–52. [Erhard L. (2007). Thinking order in a market economy. In: R. M. Nureev (ed.). *Social market economy. Concepts, practical experience and application prospects in Russia*. Moscow: HSE; TEIS, pp. 39–52. (In Russian).]
-

The social state in modern Russia
(On the book “The formation of the welfare state and
prospects of the social state in Russia.
Realities and projects” edited by N. I. Lapin)

Natalia M. Pliskevich

Author affiliation: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Email: znplis@yandex.ru

The review claims that although the social nature of the Russian state is enshrined in the Constitution of the Russian Federation and therefore represents a significant institutional fact, the social state has not yet become a reality in many areas of Russian society. There are differences in approaches to the interpretation of the social state among philosophers and economists, although the views of the latter, especially those in favor of “ethical economics”, are moving closer to a broader philosophical approach. It is argued that building both a social state and a qualitatively new system of national security requires a new approach to the hierarchy of priorities for this security.

Keywords: welfare state, justice, inequality, national security.

JEL: D60, H40, H50, H56, K10.

Содержание журнала «Вопросы экономики» за 2020 год*

№ стр.

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

К. А. Букин, М. И. Левин — Модель эволюции предпочтений.....	8	82
Р. С. Ениколопов — Доказательная экономика развития: Нобелевская премия по экономике 2019 года	1	5
В. В. Карачаровский — Капитал общественно ориентированного мышления: индивидуальные ставки дисконтирования при финансировании социально значимых благ.....	11	47
В. Л. Тамбовцев — Нарративный анализ в экономической теории как восхождение к сложности.....	4	5
Д. В. Трубицын — Институты, индивиды и отношения в процессе модернизации	12	125
Д. П. Фролов — От транзакционных издержек — к транзакционной ценности: преодолевая фрикционную парадигму	8	51
Д. П. Фролов — Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима.....	5	107
Д. Н. Шульц — Поведенческая экономика и динамические модели общего равновесия	1	47

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Н. В. Акиндинова, М. Домбровски, А. А. Широ, Д. Р. Белоусов, И. Б. Воскобойников, Е. Т. Гурвич — Перспективы восстановления экономического роста в России (По материалам круглого стола в рамках XXI Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ).....	7	5
А. В. Божечкова, С. Г. Синельников-Мурылев, П. В. Трунин — Факторы динамики обменного курса рубля в 2000-е и 2010-е годы	8	5
И. А. Башмаков — Стратегия низкоуглеродного развития российской экономики	7	51
Г. А. Борщевский — Налоговая система и налоговая служба России: измерение эффективности на фоне структурных реформ	6	56
С. А. Власов, А. А. Синяков — Эффективность государственных инвестиций и выводы для денежно-кредитной политики в России	9	22
Л. М. Григорьев, В. А. Павлушина, Е. Э. Музыченко — Падение в мировую рецессию 2020....	5	5

* Используемая здесь тематическая классификация носит условный характер и служит лишь для некоторого облегчения предварительного поиска необходимых статей в годовом содержании журнала. В большинстве статей затрагиваются разные темы, поэтому при более углубленном поиске рекомендуем пользоваться аннотациями и классификаторами JEL, которые приведены для всех статей (см. наш сайт www.vopreco.ru).

Ю. А. Данилов, Д. А. Пивоваров, И. С. Давыдов — Некоторые результаты исследования новых кризисных предикторов.....	5	86
Н. Б. Дзагурова, М. Е. Агамирова — Сильные стимулы и их возможная дисфункциональность в сфере государственного управления	3	28
С. П. Земцов, А. Ю. Чепуренко, В. А. Барина, А. Н. Красносельских — Новая предпринимательская политика для России после кризиса 2020 года	10	44
Ф. С. Картаев, И. Д. Медведев — Денежно-кредитная политика и эффект переноса нефтяных цен в инфляцию	8	41
Ф. С. Картаев, О. А. Клачкова, А. С. Лукьянова — Как инфляция влияет на неравенство доходов в России?.....	4	54
А. С. Каукин, Е. М. Миллер — Налоговый маневр в нефтяной отрасли: промежуточные итоги и риски дальнейшей реализации.....	10	28
Гж. В. Колодко — Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире.....	5	25
Д. А. Ломоносов, А. В. Полбин, Н. Д. Фокин — Шоки спроса, предложения, ДКП и цен на нефть в российской экономике (<i>анализ на основе модели BVAR со знаковыми ограничениями</i>)	10	83
В. А. Мау — Экономика и политика 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы	3	5
С. Р. Моисеев — «Черный ящик» процентного канала денежно-кредитной политики.....	9	5
А. А. Пестова, Н. А. Ростова — Экономические эффекты монетарной политики в России: о чем говорят большие массивы данных?.....	4	31
А. В. Полбин, С. Г. Синельников-Мурылев, П. В. Трунин — Экономический кризис 2020 г.: причины и меры по его преодолению и дальнейшему развитию России.....	6	5
И. В. Прилепский — Влияние внешней валютной позиции на макроэкономическую политику	8	23
Е. В. Синельникова-Мурылева — Цифровые валюты центральных банков: потенциальные риски и выгоды.....	4	147

ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

А. А. Аузан, А. И. Бахтигараева, В. А. Брызгалин, А. В. Золотов, Е. Н. Никишина, Н. А. Припузова, А. А. Ставинская — Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка	7	75
А. И. Бахтигараева, А. А. Ставинская — Сможет ли доверие стать фактором роста экономики? Динамика уровня доверия у российской молодежи	7	92
Е. И. Борисова, В. А. Брызгалин, И. А. Левина — Доверие и экономический рост: есть ли связь?.....	10	68
В. А. Брызгалин, Е. Н. Никишина — Существует ли региональная социокультурная специфика в России? Возможности использования социокультурного подхода в экономике.....	7	108

А. В. Золотов, Н. А. Припузова — Воспроизводство социальных норм в России	7	127
А. П. Казун — Защита российских промышленных компаний от силового давления на бизнес: эффективность судебного механизма	3	84
А. А. Федюнина, Я. Я. Герина, Ю. В. Аверьянова — Ученые на российских промышленных предприятиях: экспорт, распространение знаний и публикационная активность	2	125

ФИНАНСОВАЯ ЭКОНОМИКА

А. Е. Абрамов, А. Д. Радыгин, М. И. Чернова, Р. М. Энтов — «Загадка дивидендов» и российский рынок акций. <i>Часть 1</i>	1	66
А. Е. Абрамов, А. Д. Радыгин, М. И. Чернова, Р. М. Энтов — «Загадка дивидендов» и российский рынок акций. <i>Часть 2</i>	2	59
А. Д. Аганин — Волатильность российского фондового индекса: нефть и санкции	2	86
Д. В. Кислицын — Программы повышения финансовой грамотности и финансовое поведение: почему люди не становятся «финансово грамотными»?	9	80
Д. Э. Коноплев — Асимметрия информационных волн в экономическом мышлении: опыт финансовых кризисов	1	111
В. Ю. Мишина, Л. И. Хомякова — Дедолларизация и расчеты в национальных валютах: евразийский и латиноамериканский опыт	9	61
А. В. Мишура, С. В. Бекарева, Е. Н. Мельтенисова — Как недостаток конкуренции сдерживает жилищное кредитование на российских региональных рынках?	4	107
С. Р. Моисеев — Последствия реформы эталонных процентных ставок	1	93
Ю. Н. Найденова, В. В. Леонтьева — Влияние неопределенности экономической политики на инвестиции российских компаний ...	2	141
А. Ю. Новикова, И. В. Розмаинский — Сектор нефинансовых частных фирм Португалии в 2001–2017 годах: анализ на основе гипотезы финансовой хрупкости	3	115
Т. В. Теплова, Т. В. Соколова, А. Фазано, В. А. Родина — Детерминанты доходности российских ПФОв акций и облигаций: активные инвестиционные стратегии и комиссии	9	40
В. Я. Узун — Банкротство агрохолдинга: причины, последствия, уроки (<i>на примере АХ «Евродон»</i>)	10	117

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Е. В. Бессонова, А. Г. Морозов, Н. А. Турдыева, А. Н. Цветкова — Возможности ускорения роста производительности труда: роль малых и средних предприятий	3	98
Б. А. Замараев, Т. Н. Маршова — Эффективность инвестиционного процесса воспроизводства	5	45
И. В. Савин, О. С. Мариев, А. А. Пушкарев — Оценка рыночного отбора в России: когда размер (фирмы) имеет значение	2	101

А. Н. Савруков, Н. Т. Савруков, Э. А. Козловская — Риски проектов государственно-частного партнерства в России: оценка методами нечеткой логики.....	10	132
Ю. В. Симачев, М. Г. Кузык — Государственная поддержка предприятий: бенефициары и эффекты.....	3	63
Н. И. Шагайда — Подходы к оценке размеров агрохолдингов.....	10	105
А. Е. Шаститко, О. А. Маркова — Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства.....	6	37
А. А. Яковлев, Н. В. Ершова, О. М. Уварова — Каким фирмам государство оказывает поддержку: анализ изменения приоритетов в кризисных условиях.....	3	47

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Н. В. Гаврилова — Практики инициативного бюджетирования в российских регионах.....	7	142
Е. Т. Гурвич, Н. А. Краснопева — Анализ взаимосвязи доходов и расходов российских региональных бюджетов.....	2	5
С. М. Дробышевский, Н. С. Кострыкина, А. В. Корытин — Налоговая конкуренция и активность региональной налоговой политики.....	10	5
Е. Н. Тимушев — Бюджетные полномочия муниципалитетов ресурсообеспеченных регионов России и внебюджетные инвестиции.....	4	129
С. В. Шеремета — Анализ региональных финансов России и устойчивость долга регионов.....	2	30

ЭКОНОМИКА ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Н. А. Авксентьев, В. С. Назаров, Н. Н. Сисигина — Как усовершенствовать нацпроекты в сфере здравоохранения и демографии после коронавируса?.....	6	22
В. Е. Гимпельсон, А. А. Зудина, Р. И. Капелюшников — Некогнитивные компоненты человеческого капитала: что говорят российские данные.....	11	5
Ю. М. Горлин, В. Ю. Ляшок, А. А. Салмина — Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы.....	12	80
Р. И. Капелюшников — Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее?.....	8	95
А. И. Колосова, В. Н. Рудаков, С. Ю. Рощин — Влияние работы по профилю полученной специальности на заработную плату и удовлетворенность работой выпускников вузов.....	11	113
Д. М. Логинов — Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов.....	12	41
Т. М. Малева, Е. Е. Гришина, А. Я. Бурдяк — Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту?.....	12	24
Н. В. Орлова, Н. А. Лаврова — Российский средний класс: особенности структуры и финансовое поведение.....	11	32

А. Ю. Ощепков — Межрегиональные различия в оплате труда в России: роль долгосрочных структурных факторов	11	86
П. Н. Павлов — Влияние регуляторной жесткости нормативно-правовой базы на динамику бедности в регионах России	12	62
А. И. Пишняк, А. Р. Горяйнова, Е. А. Назарбаева, Н. В. Халина — Инвестиции среднего класса в человеческий капитал: потребление платных услуг в области образования и медицины	11	69
Л. И. Смирных — Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран	12	104
Т. Ю. Черкашина — Измерение доходов населения: варианты оценки смещения	1	127

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

А. А. Гнидченко — Измерение конкурентоспособности по качеству: что не так с высокотехнологичным экспортом?	6	80
И. М. Драпкин, С. А. Лукьянов, А. А. Бокова — Влияние прямых иностранных инвестиций на внутренние инвестиции в российской экономике	5	69
М. В. Ершов — Мир в 2020 г.: новые проблемы обнажают системные изменения в экономике	12	5
М. В. Клинова — Государство и национальная конкурентоспособность (<i>на примере ЕС</i>)	8	146
Б. А. Хейфец — Технологическое возвышение Китая: новые вызовы для России	6	104

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Т. Н. Белова — «Заветные мысли» Д. И. Менделеева о внешней торговле и «правильном протекционизме»	9	120
А. А. Белых, В. А. Мау — Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX — начала XX в.	1	18
Ю. М. Голанд — Власть и бизнес в первые годы нэпа: «парафиновое дело»	8	128
А. А. Мальцев — Проблемы и перспективы развития истории экономической мысли: взгляд российских и зарубежных ученых	9	94
К. А. Холодилин, Ю. И. Янжимаева — Конвергенция региональной плотности населения в России за 120 лет	11	133

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

С. А. Андрушин — Деньги — это творение государства или рынка? (<i>О «современной денежной теории», изложенной в учебнике У. Митчелла, Л. Р. Рея и М. Уоттса «Макроэкономика»</i>)	6	121
М. П. Афанасьев, Н. Н. Шаш — Экономические реформы в России: новый французский взгляд (<i>О книге J. Versuciel «L'Economie politique de la Russie: 1918–2018»</i>)	9	140

А. В. Бузгалин, А. И. Колганов — Рынок, государство и собственность в евразийском пространстве (О книге «Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах — членах Евразийского экономического союза» под ред. И. В. Пилипенко).....	10	154
А. Н. Дубянский — Философский взгляд на деньги (О книге У. Бьерга «Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма»).....	3	129
В. М. Ефимов — Необычный социолог Джеффри Ингем и два незнакомых знаменитых экономиста (О книге Дж. Ингема «Money. Ideology, history, politics»).....	6	135
Р. И. Капелюшников — Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов.....	4	67
Г. Б. Клейнер — Мезоэкономическая одиссея: между Сциллой макроэкономики и Харибдой микроэкономики (О книге «Мезоэкономика: элементы новой парадигмы» под ред. В. И. Маевского и С. Г. Курдиной-Чэндлер).....	10	144
Н. Плискевич — Социальное государство в современной России (О книге «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты» под общей ред. Н. И. Лапина).....	12	141
Н. А. Раннева — Теория контрактов как единая дисциплина (К выходу на русском языке книги Патрика Болтона и Матиаса Девастрипонта «Теория контрактов»).....	5	141
М. И. Столбов — Панорамный взгляд на эволюцию денежно-кредитных систем (О книге С. А. Андрюшина «Денежно-кредитные системы: от истоков до криптовалюты»).....	3	141
С. Ф. Сутырин, И. О. Нестеров — Нужно ли было придумать евро, если бы его не существовало? (О книге О. В. Буториной «Экономическая история евро»).....	3	151
А. Е. Шаститко — Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы»)....	1	145

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. П. Афанасьев, Н. Н. Шаш — Рецензия на книгу: Ясин Е. Г. Российская экономика: курс лекций. Кн. 1: Истоки и панорама рыночных реформ. 2-е изд., перераб.....	1	157
В. И. Волошин — Сланцевая революция и глобальный энергетический переход / Под ред. Н. А. Иванова.....	6	154
Б. Н. Порфирьев, А. А. Широ — Экономическая политика. Турбулентное десятилетие 2008—2018 / Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара.....	6	150

Об условиях приобретения печатной или электронной версии указанных статей см. в разделе «Подписка» на нашем сайте www.voprgeso.ru

Электронная версия также доступна в нашем мобильном приложении

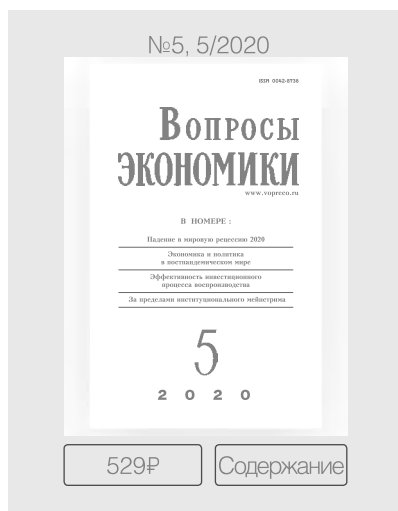
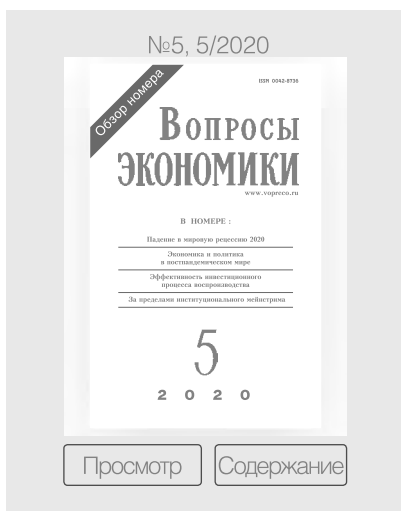
Мобильное приложение

Вопросы экономики

«Вопросы экономики» теперь доступны в *App Store* и *Google Play*

В нашем мобильном приложении вы найдете все номера, начиная с 2015 г. Каждый номер журнала доступен в двух видах:

- бесплатная версия (Обзор номера) — содержание, аннотации к статьям, информация об авторах, фрагменты статей;
- платная версия — весь номер с интерактивным содержанием и активными ссылками.

Вы также можете оформить подписку в приложении — на полгода или год в *App Store* и на год в *Google Play*. После оплаты подписки вам сразу станет доступен текущий номер.

Чтобы установить приложение на свой планшет или смартфон, зайдите в *App Store* на устройствах *Apple* или в *Google Play* на устройствах *Android* и введите в строке поиска **Вопросы экономики**. Вы также можете воспользоваться баннерами на нашем сайте www.vopreco.ru или QR-кодами (если на вашем устройстве установлено приложение для их считывания).

Льготная подписка для физических лиц (печатная версия)

Извещение	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000256, БИК 044525256 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____ <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2021 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">5100 – 00</td> </tr> </table> С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « ____ » _____ 2020 г. (подпись плательщика) (дата платежа)	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2021 г. (для подписчиков из РФ)	5100 – 00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2021 г. (для подписчиков из РФ)	5100 – 00				
Кассир					
Квитанция	НП «Вопросы экономики» ИНН 7727071670, КПП 772701001, р/с 40703810687900000002 в ПАО «Росбанк» г. Москва, к/с 30101810000000000256, БИК 044525256 Ф.И.О.: _____ Адрес доставки (с индексом): _____ _____ <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <th style="width: 70%;">Назначение платежа</th> <th style="width: 30%;">Сумма</th> </tr> <tr> <td>Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2021 г. (для подписчиков из РФ)</td> <td style="text-align: center;">5100 – 00</td> </tr> </table> С условиями приема банком указанной суммы ознакомлен и согласен _____ « ____ » _____ 2020 г. (подпись плательщика) (дата платежа)	Назначение платежа	Сумма	Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2021 г. (для подписчиков из РФ)	5100 – 00
Назначение платежа	Сумма				
Подписка на журнал «Вопросы экономики» I полугодие 2021 г. (для подписчиков из РФ)	5100 – 00				
Кассир					

Для оформления подписки через Редакцию: 1) вырежьте бланк квитанции (или распечатайте его с нашего сайта: www.vopresco.ru, где выложены также квитанции для подписчиков из стран СНГ и на годовую подписку); 2) разборчиво заполните графы «Ф.И.О.» и «Адрес доставки (с индексом)»; 3) оплатите квитанцию в любом банке или воспользуйтесь указанными в ней реквизитами для оплаты онлайн. Оплаченная квитанция является документом, подтверждающим заключение Вами договора подписки. Журналы будут доставляться Вам заказной бандеролью по указанному в квитанции адресу. Доставка включена в стоимость подписки. **Телефон для справок: (499) 956-01-43**

Технический редактор, компьютерная верстка — **Т. Скрыпник**
 Корректор — **Л. Пущаева**

Учредители: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“»; Институт экономики РАН.
Издатель: НП «Редакция журнала „Вопросы экономики“». Журнал зарегистрирован в Госкомитете РФ по печати, рег. № 018423 от 15.01.1999. **Адрес издателя и редакции:** 119606, Москва, прсп. Вернадского, д. 84. **Тел./факс:** (499) 956-01-43. **E-mail:** mail@vopresco.ru

Индекс журнала: в каталоге агентства «Роспечать» — 70157; в каталоге «Подписные издания» Почты России — П6302. Цена свободная.

Подписано в печать 02.12.2020. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Уч.-изд. л. 12,4. Тираж 720 экз.

Отпечатано в АО «Красная Звезда». Адрес: 125284, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38. Тел.: (495) 941-34-72, (495) 941-28-62. www.redstarph.ru. Заказ № 2347-2020.

Перепечатка материалов из журнала «Вопросы экономики» только по согласованию с редакцией. Редакция не имеет возможности вступать с читателями в переписку.

© НП «Вопросы экономики», 2020.